

СНАЙПЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ХАБАРА

СНАЙПЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ХАБАРА

Annotation

Много кто пытался убить Снайпера, однако ни у кого не получилось...

Но вот в Чернобыльскую Зону приходит таинственный киллер, навыки которого ничуть не хуже, чем у знаменитого сталкера. И стреляет он отлично, и искусство маскировки у него на высоте, и всегда он словно заранее знает, что предпримет его противник в очередной раз. А еще у этого профессионала, получившего задание любой ценой уничтожить Снайпера, есть нож, способный, как и знаменитая «Бритва», рассекаать границы между мирами...

- [Дмитрий Силлов](#)
 -
 - [Хронология романов о Снайпере](#)
 -
 -
 - [Глоссарий](#)
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Дмитрий Силлов
Закон хабара

СНАЙПЕР

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация – Дарья Родионова

© Силлов Д. О., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Хронология романов о Снайпере

СТАЛКЕР. Закон проклятого
СТАЛКЕР. Закон Зоны
СНАЙПЕР. Закон юга
СТАЛКЕР. Закон стрелка
СТАЛКЕР. Закон шрама
СНАЙПЕР. Закон Северо-Запада
КРЕМЛЬ 2222. Север
КРЕМЛЬ 2222. МКАД
КРЕМЛЬ 2222. Сталкер
РОЗА МИРОВ. Закон дракона
СТАЛКЕР. Закон Шухарта
РОЗА МИРОВ. Побратим смерти
СНАЙПЕР. Закон Хармонта
КРЕМЛЬ 2222. Петербург
КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево
СТАЛКЕР. Закон «дегтярева»
СТАЛКЕР. Закон Призрака
СТАЛКЕР. Закон клыка
СТАЛКЕР. Закон долга
СТАЛКЕР. Закон свободы
СТАЛКЕР. Закон монолита
СНАЙПЕР. Закон столицы
СТАЛКЕР. Закон сталкера
СТАЛКЕР. Закон торговца
СТАЛКЕР. Закон крови
СТАЛКЕР. Закон Охотника
СТАЛКЕР. Закон Припяти
СТАЛКЕР. Закон якудзы
СТАЛКЕР. Закон лесника
СТАЛКЕР. Закон выживших
СТАЛКЕР. Закон бандита
СТАЛКЕР. Закон Черного сталкера
СТАЛКЕР. Закон Чернобыля

СТАЛКЕР. Закон мутанта
СНАЙПЕР. Закон войны
СТАЛКЕР. Закон затона
СНАЙПЕР. Закон меча
СНАЙПЕР. Закон Кремля
СТАЛКЕР. Закон «Бритвы»
СТАЛКЕР. Закон Фукусимы
СНАЙПЕР. Закон хабара

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея ИONOва, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, Дениса «Морфин» Пинчука, Алексея «Медведь» Медведева, Дмитрия «Шаман» Молева, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте» за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «СНАЙПЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Странное это ощущение – чувствовать себя богатым.

Только что ты был никем и звать тебя никак, и вдруг узнаешь, что ты миллионер, владелец особняка с видом на Токийский залив, а также

обладатель японского паспорта, то есть полноправный гражданин Страны восходящего солнца. Случилось так, что я ненароком выполнил задание влиятельного клана якудза, при этом одновременно подсобив одной подпольной организации свергнуть правительство подземного города – и меня благодетельствовали и те и другие.

И вот сижу я, значит, за столиком ресторана, осознаю произошедшее и тихо от него офигеваю. Когда ты нищий и один против всех, мир представляется эдакой темно-серой живой глыбой, нависшей над тобой. Дернись неловко – и обрушится она, придавит своей многотонной массой, словно муравья.

Но как только у тебя появляются серьезные деньги, внезапно ты начинаешь осознавать себя стоящим на вершине этой глыбы. Дышится легко, черная тень на тебя уже не давит, новые горизонты с высоты открываются. Мысли приходят на тему «а не послать ли все к чертям крысособачьим? Осесть в домике не у речки, а у японского залива, где от тварей и сволочей разных можно отгородиться четырехметровым забором». Кстати, и правда, может, съездить в этот свой особняк? Хотя бы затем, чтоб забор тот заказать на всякий случай – если, конечно, его там нет...

Вновь из недр ресторана возникла официантка. Подошла, поклонилась. Промурлыкала по-японски:

– Такси ждет вас у выхода, господин.

– Да, я помню, – сказал я на том же языке, сгребая документы со стола и запихивая их во внутренний карман своей потрепанной сталкерской куртки, которую я привез еще из Чернобыльской Зоны. И улыбнулся. Девушка была довольно милой, грех не улыбнуться, хотя я уже и не помню, когда это делал в последний раз, – аж щеки заныли с непривычки.

– А вы не будете против, если я вам оставлю чаевые? – спросил я. – Скажем, миллион-другой иен.

Девушка закаменела лицом.

– В Японии не принято оставлять чаевые, – сказала она голосом механической куклы. – Предлагая честной девушке такие деньги, вы поступаете некрасиво и противозаконно. Уходите, господин, иначе я буду вынуждена вызвать полицию.

Мысленно обозвав себя дебилом, я встал из-за стола, бормоча извинения... и внезапно почувствовал, что у меня адски зачесалась

спина. Омерзительное ощущение, будто позвоночник зажил своей жизнью и решил изнутри пощекотать своими отростками мое мясо между лопаток.

И я прекрасно знал, что это такое.

Когда годами шляешься по различным Зонам Розы Миров, начинаешь чувствовать, когда в тебя целятся. И ощущение от этого именно такое – точечный кожный зуд в том месте, на которое пристально смотрит стрелок поверх прицельной планки или в перекрестие оптики. Не знаю, с чем это связано. Может, со знаменитой сталкерской чуйкой, которая вырабатывается в той или иной степени у тех, кто умудряется долгое время выживать в аномальных Зонах. А может, от природы многие люди обладают такой чувствительностью, просто в них редко целятся, вот они об этом и не знают.

В меня целились часто, потому сейчас я точно знал – это не вошь меня куснула в хребтину. Это какая-то падла взяла меня на мушку и вот-вот нажмет на спусковой крючок...

В таких случаях думать вредно. Тут если начать размышлять, то обязательно оглянешься, попытаешься рассмотреть, кто ж там тобой столь вдумчиво заинтересовался, – и тогда точно поймашь тушкой свинцовую пилюлю. Потому, коль случилось такое, лучше довериться рефлексам, если, конечно, таковые имеются...

Я в подобных случаях однозначно им доверяю, иначе б давно мои останки гнили где-нибудь в сырых подвалах Припяти, – и потому позволяю своему опытному сталкерскому телу делать то, что оно сочтет нужным. Правда, сейчас я краем сознания немного удивился тому, что это мое опытное тело схватило со стола хаши – палочки для еды. Хорошие, конечно, они, из тяжелого дерева, покрыты затейливым узором, но как-то не время сейчас воровать из ресторана сувениры на память...

А тело мое тем временем действовало само по себе, быстрее мыслей, которые могли бы возникнуть у меня по поводу происходящего. Резко отклонилось в сторону, одновременно веретеном разворачиваясь на сто восемьдесят... При этом рука моя неподвижно зависла в воздухе, пока тело сворачивалось наподобие пружины, а мое личное время замедлялось, как часто бывает со мной в минуты смертельной опасности...

И когда разворот этот был почти закончен, в поле моего зрения попал он. Самый обычный с виду, невзрачный японец в недорогом офисном костюме, который сейчас стоял возле своего столика, правильно расставив ноги, и вполне профессионально удерживал в обеих руках пистолет с глушителем. Думаю, мое неожиданное стремительное вращение слегка сбilo стрелка с толку, потому он немного поторопился... Ствол пистолета дернулся, но я уже знал, что пуля пройдет мимо.

А вот то, что сделала моя зависшая в воздухе конечность, было для меня в новинку.

Оказавшаяся в процессе вращения чуть ли не на затылке, моя рука вдруг стремительно распрямилась, и я успел заметить, как в сторону стрелка летят две палочки для еды, от скорости слегка расплывшиеся в воздухе.

Странно это, как бы со стороны наблюдать будто в замедленной съемке, что вытворяет твое тело без какого-либо участия разума, словно само по себе. Но еще более удивительно видеть, как оно исполняет то, что мне вообще не свойственно. С метанием ножей у меня всегда было неважно, а уж чтоб прицельно швырнуть две тонкие деревяшки – это для меня вообще за гранью.

Но мое тело это сделало! И прежде, чем оно грохнулось на пол, я увидел, как обе хаси, слегка заляпанные соусом, аккуратно так вошли в глаза стрелка, будто две невидимые руки их туда определили с исключительной точностью.

Когда человеку повреждают глаза – это не только больно. Это страшно. Ужас накрывает безумный, так как для любого живого существа лучше лишиться жизни, чем потерять зрение. Не зря же многие методики экспресс-допросов освоены именно на угрозе ослепления. В общем, завыл стрелок, пистолет бросил, замер на месте, к лицу потянулся медленно, боясь растревожить сильнее и без того нешуточную боль.

А я, резко вскочив с пола, обернулся, так как позади себя услышал всхлип...

И увидел официантку, на белой блузке которой стремительно расплывалось алое пятно. Слишком быстро для того, чтобы у девушки был шанс выжить: когда пуля перебивает одну из коронарных артерий, это как водопровод перерубить. Кровь вытекает потоком, но сердце

пока что бьется, толчками выплескивая из раны уходящую жизнь. Официантка еще стояла, слезы текли по ее щекам, но она уже знала, что жить ей осталось считанные секунды. Умиравший всегда знает, сколько ему осталось. Я умирал, я в курсе, что чувствует человек на пороге смерти.

А еще у меня самого сердце сжалось так, что впору заорать от боли. Потому что это я был виноват в смерти девушки, которая приняла в себя мою пулю. Мои рефлексy спасли меня, но убили ее. Прости, милая, если сможешь. Сейчас ты меня уже не услышишь, так как пелена смерти стремительно туманит твой взгляд, и через мгновение ты рухнешь бездыханной на этот пол, залитый твоей кровью. Но когда-нибудь мы непременно встретимся в стране Токоё^[1], и я вновь повторю: прости, если сможешь...

Я много смертей повидал на своем веку, но эта – зацепила больно, будто это в меня пуля попала и, кувыркаясь в моей плоти, все перевернула внутри. Я взревел так, что у самого аж уши заложило. Неведомая сила бросила меня вперед, к стрелку, приподняла в воздух – и в прыжке я ударил. Ногой по этим самым палочкам-хаси, торчащим из глаз убийцы. Я прям через подошву ощутил, как они, ломая слезные кости, с хрустом входят в мозг – а может, я себе это вообразил, так как очень хотел почувствовать, как мой удар убивает того, кто жить не достоин. Очередную нечисть, без которой планета станет немного чище.

Стрелок от страшного удара упал спиной на столик, сломал его и в облаке обломков колкого пластика рухнул на пол. Его пиджак и рубашка не выдержали мощного рывка, во все стороны полетели пуговицы, и на обнажившейся груди стрелка я увидел татуировку, похожую на прямоугольную гарду меча ниндзя, – знак клана Ямагути-гуми.

Что ж, все моментально встало на свои места. Клан выполнил обязательства передо мной, поступил честно – по их меркам, разумеется. И теперь ничто не мешало клану меня зачистить, ведь новое руководство Ямагути-гуми не обещало мне оставить меня в живых. Расплатились сполна, подождали, пока я осознаю это, и дали команду на зачистку. Очень по-японски. Небось, сидят сейчас наверху, в пентхаусе своего небоскреба, попивают сакэ из антикварной посуды и тащатся от того, насколько они благородные.

Все это промелькнуло в моей голове, пока я совершал кувырок в сторону стрелка, бьющегося в агонии. Потому что из-за соседних столиков вставали другие убийцы, вытаскивая из кобур скрытого ношения пистолеты с глушителями – такие же, как у незадачливого киллера, из глазниц которого торчали палочки для еды, вбитые в череп на три четверти своей длины.

Я схватил пистолет, валяющийся на полу, и вклепил пулю прямо в лоб стрелку, пытающемуся поймать меня на мушку. Ты не в тире, родной. Когда пытаешься убить сталкера, целиться надо быстрее.

Правда, после этого пришлось срочно перекатиться еще раз, так как в то место, где я только что лежал, ударили сразу две пули. Честно говоря, елозить спиной по осколкам пластикового стола занятие довольно болезненное. Но если сравнивать эти ощущения с пулей, врывающейся в твою тушку, то хрен с ним, потерплю, благо сталкерская куртка одежда толстая, рассчитанная и на более крутые передраги.

По полу застучали подошвы – киллеры потеряли меня из виду, так как я под стол закатился. Побежали в мою сторону, стреляя в этот стол...

Это они зря, так как я ужом уже под другой заполз. И, скрючившись под ним, выстрелил четыре раза. Два по ногам и – когда жаждущие моей смерти убийцы попадали на пол – по головам.

Вроде все.

М-да. Можно, конечно, пожать плечами, мол, и кого только в якудзу набирают? Дилетантов каких-то. А можно объективно признать, что сегодня мне просто повезло. Один стрелок решил, что он круче остальных, и, получив приказ открыть огонь, начал стрелять на пару мгновений раньше других... Не реши он выпендриться и начини эти трое стрелять одновременно, никакая сталкерская чуйка меня бы не спасла. От одной пули при моих навыках еще, может, и реально уклониться. Но уйти от трех, выпущенных одновременно из разных точек, – это уже из области совершенно ненаучной фантастики.

Я вскочил на ноги. Блин...

По ходу, это уже прям моя визитная карточка – трупы, лужи крови, разломанная мебель, пробитые пулями стекла витрин... Кто-то картины рисует, кто-то дома строит. А я – убиваю живых существ, разрушаю чьи-то судьбы и порой даже уничтожаю целые вселенные. И

на фигу мне сдалось такое Предназначение? Вон девчонка лежит, мертвая, открытые глаза смотрят в пустоту. Не было б меня, так бы и работала официанткой, замуж вышла, детей нарожала...

Стоп.

Пока я ее пустые глаза рассматривал, оказывается, краем глаза еще что-то уловил. А именно – буквально на полсантиметра высунувшуюся из-под ее окровавленной блузки рукоять пистолета. Если не приглядываться, и не заметишь. А заметив, не сразу осознаешь, что возле небоскреба клана Ямагути-гуми вряд ли есть хоть одно заведение, в котором работают не члены якудзы. Скорее всего, аккуратно пристрелила б меня в затылок, когда я направился бы к выходу из ресторана, – не зря ж дважды напомнила, что мне пора уходить, но все карты спутал выскочка-дублер, решивший отличиться. В таком случае что же за такси ждет меня возле выхода?

Додумать я не успел. На поле боя думать вообще вредно, иначе будет как сейчас со мной...

Первая пуля прилетела с улицы, ударила в витрину ресторана, разнеся ее на тысячи осколков. Это только в плохом кино снайперы стреляют сквозь стекла и той же пулей поражают цель. При ударе в стекло пуля либо разлетается на фрагменты, либо, деформированная, меняет траекторию. Потому, стреляя сквозь прозрачную преграду, за которой маячит цель, хороший снайпер жмет на спуск дважды. Первая пуля – для стекла, вторая – для цели.

Витрина еще осыпалась на пол сверкающим дождем, а я уже понял, откуда работает снайпер. Разумеется, из люльки мойщика окон, висящей в районе пятого этажа соседнего здания.

Достать его из пистолета с четырехсот метров было задачей нереальной. Потому оставалось только одно.

Я ринулся к выходу из ресторана, петляя между столиками и мысленно стараясь поймать своей внутренней чуйкой линию прицела, которую сейчас выстраивал снайпер между оптикой своей винтовки и той точкой, в которой окажется моя тушка после того, как пуля покинет канал ствола и пролетит через улицу. Это называется упреждение, и искусство хорошего стрелка состоит в том, чтобы верно рассчитать ту самую точку, в которой бегущая цель встретится со своей смертью.

И оно случилось!

Я не увидел, да это было и невозможно. Я прям позвоночником, всем своим существом почувствовал, как снайпер на середине своего выдоха плавно нажимает на спуск, – и резко остановился. Там, в люльке, еле слышно хлопнуло, словно кто-то за полкилометра кому-то пощечину отвесил. Ночная улица утробно урчала двигателями автомобилей – в Токио ночью движение почти такое же оживленное, как и днем, – но я все равно тот хлопок услышал. Ухо, в которое должна влететь пуля, в таких случаях обретает слух просто феноменальный.

А потом я ту пулю еще и увидел. Точнее, не ее саму, а инверсионный след от нее, преломление света в воздухе, который свинцовый цилиндр рассек в двадцати сантиметрах от моего носа. Эффект мгновенный, но достаточный, чтобы понять – стрелок на той стороне улицы хорошо знал свое дело. И будь на моем месте кто-то другой, он бы уже падал сейчас на пол, заляпанный чужой кровью, дополнительно обильно поливая его своей.

Но я тоже неплохо знал наше с тем снайпером общее дело. Потому, не дожидаясь следующего выстрела, рванул с места, перекатился, «гусиным шагом» прошел вдоль бокового ряда столов и стульев, прикрывших меня от стрелка, одновременно стреляя из пистолета в стеклянную дверь ресторана: четыре пули в углы, две по центру и следом – бросок пустым, но все равно тяжелым пистолетом в надежное стекло японского качества, не желающее разбиваться.

Сработало. Разбитое дверное стекло осыпалось вниз сверкающим каскадом, и следом из ресторана вылетел я, в надежде, что на оживленной ночной улице снайпер стрелять не станет...

Но улица больше не была оживленной. Те прохожие, кто был относительно далеко, при звуке выстрелов бросились бежать. А те, кто находился поблизости, дисциплинированно легли на асфальт, прикрыв руками головы.

Хреново.

На открытой местности я мишень просто замечательная. Можно, конечно, попытаться укрыться за машинами, припаркованными неподалеку, так как правильная винтовочная пуля со стальным сердечником шьет автомобиль насквозь везде, кроме той части, где расположен двигатель. Но за капотом удастся просидеть ровно столько времени, сколько хорошему снайперу потребуется, чтобы сменить

магазин с бронебойными пулями на магазин с разрывными – и отработать по бензобаку.

Но тут случилось неожиданное.

Самое обычное с виду желтое такси, стоявшее неподалеку с еле слышно урчащим мотором, двинулось в мою сторону, стремительно набирая скорость. Сперва я подумал, что за рулем тоже сидит член клана Ямагути-гуми, решивший меня сбить, и остро пожалел о пистолете, которого у меня больше не было...

Но я ошибся.

Автомобиль резко тормознул возле меня, от толчка изнутри распахнулась задняя дверь. Вовремя, кстати, – я резко за нее присел, и пуля снайпера снесла лишь капюшон с моей головы, задев за его край.

Особого приглашения я ждать не стал – нырнул внутрь салона, понимая, что вряд ли мне это сильно поможет: сейчас снайпер отработает по машине так, как я предполагаю, ибо это хороший снайпер...

Так и произошло. Машина начала движение и тут же получила удар по корпусу, после которого должен был рвануть бензобак... но не рванул. И легковой автомобиль не вздрогнул после удара винтовочной пули как смертельно раненная лошадь, лишь приглушенный звук по салону разнесся, словно снаружи кто-то со всей силы саданул в бочину такси бейсбольной битой... через подушку.

Значить это могло лишь одно – машина бронирована, причем серьезно. По российскому ГОСТу пятый или шестой класс, если ее винтовочная пуля не берет. Это приятно. О причинах данной приятности можно будет подумать потом, а пока что я упал на сидущку, так как стекла у машины были тонковаты для такого же класса защиты, как корпус, – от силы третий, а может, и второй, чтоб чрезмерной толщиной бронепакета не озадачивать местную дорожную полицию...

Но тут во всей машине что-то зажужжало, и на фоне этого жужжания прозвучал голос водилы, затылок которого маячил над спинкой переднего сиденья:

– Не беспокойтесь, Координатор, вы в полной безопасности.

И правда, в конструкции этой машины были предусмотрены меры против снайперского обстрела: снизу по стеклам дверей и заднего

стекла быстро ползла черная пленка, отливающая металлическим блеском.

– Бронева нано-штора, – пояснил шофер. – Держит даже выстрел РПГ.

– Неплохо, – оценил я, поднимаясь с широкой задней сидухи и усаживаясь по-человечески. – Теперь, может, объяснитесь? Кто вы такой и почему ныне покойная официантка якудзы столь настойчиво говорила мне о том, что меня ждет такси? Как я понимаю, это были вы.

– Простите, Координатор, но тот таксист, что ждал вас, ликвидирован, а я не уполномочен отвечать на вопросы, – отозвался водила. – Я лишь должен доставить вас из точки А в точку В.

Понятно. Все-таки меня и вправду ждало такси якудзы, где сидел киллер – которого этот загадочный киллер благополучно зачистил. Обстоятельные японцы в плане моей ликвидации предусмотрели аж четыре уровня – официантка, три посетителя ресторана, снайпер, водитель – и все они благополучно обломались. И как после этого говорить, что моя личная удача от меня отвернулась?

– И что это за точка В, мне, естественно, тоже знать не положено, – произнес я, прикидывая, как мне лучше выбраться из этого бронированного склепа на колесах. От снайпера и таксиста-убийцы этот водила меня спас, и я был весьма ему за это благодарен, но я очень не люблю, когда меня куда-то везут, не спрашивая, нравится мне это или нет.

По всему выходило, что самое оптимальное – это треснуть водилу кулаком по макушке, и когда он отъедет в мир шоферских грез, перехватить управление, после чего...

– Извините, Координатор, это для вашего же блага, – прервал водитель поток моих мыслей, после чего я почувствовал болезненный укол чуть выше локтя. Вот же блин!

Я рванулся вперед, намереваясь как можно быстрее вырубить водилу, а дальше действовать по ситуации... но понял, что не могу пошевелиться.

– Еще раз мои извинения, – проговорил словоохотливый и до приторности вежливый водитель. – Сейчас автоматический потайной шприц, вмонтированный в сиденье, ввел вам специально разработанный для спецслужб синтетический нейротоксин,

практически мгновенно парализующий тело человека. А это старое доброе снотворное.

Второй укол в то же место оказался гораздо более болезненным, чем предыдущий, – оно и понятно, два раза в одно и то же место не колют даже медсестры, втайне склонные к садизму.

Хотелось мне высказать водителю напоследок все, что я о нем думаю, – если не удалось свернуть шею негодяю или хотя бы его ударить, то обматерить его всяко лучше, чем вообще ничего. Хреновое, конечно, моральное удовлетворение, но другого в моем положении все равно не получить.

Но мне и в этом было отказано моим же организмом, не желавшим более повиноваться. Язык одеревенел, челюсть мягко отъехала вниз, веки превратились в бесполезные кожаные пленочки, не желающие опускаться вниз. Лишь мысленные растерянные матюги мерцали в голове, словно затухающие лампочки.

Но вскоре затухли и они в стремительно надвигающемся иссиня-черном мраке небытия...

* * *

Я когда в Зоне просыпаюсь – прям как не ложился. Глаза открыл, а автомат уже в руках лежит, переводчик огня в положении вниз, патрон дослан, и рожа у меня заранее перекошена на всякий случай, чтоб у гипотетического врага от одного моего вида инфаркт приключился.

А когда я не в Зоне, то, проснувшись, вообще несколько секунд не втыкаю, кто я, где я и как меня зовут. Пока глаза протру и фокус наведу – дурак дураком, реально. Спрашивается, откуда мое тело знает, в Зоне я или нет? Ну, это уже точно не ко мне вопрос, а к моей тушке, которая порой ради выживания такое проделывает, что я и сам удивляюсь.

Вот и сейчас, судя по тому, что я из сна вынырнул в состоянии перманентного коматоза, первая мысль, которая меня посетила, была «я не в Зоне». Еще и потому, что руки, на рефлексах ощупывающие пространство рядом, не на автоматное цевье наткнулись, а зарылись в простыню. И как это понимать? Где я? Тюрьма? Больница? Морг? В первом случае это очень комфортабельная тюрьма, с простынями и не

провонявшая камерными запахами. В последнем – так себе тема. Если морг хороший и современный, то лежу я в отдельном боксе, смахивающем на стальной гроб, запирающийся снаружи. Может, все-таки больница?

Но зря я на это надеялся. Не сбылось. Продрал я, значит, глаза и увидел противоположную стену с характерной дверью, усиленной стальными полосами и имеющей огромный замок, глазок и «кормушку» – лючок, который в тюрьмах используется для выдачи арестантам посуды с чаем и баландой.

Значит, все-таки тюрьма. Место знакомое, но весьма неприятное. Бывал, знаю. Правда, тюрьма, можно сказать, люксовая. Раковина нормальная, керамическая, не стальная. Чистый унитаз со стульчаком и крышкой, что в камерах не редкость, хотя и чаши «Генуя», то есть просто дырки в полу, тоже в тюрьмах встречаются. И даже небольшой столик с двумя стульями к полу не привинчены. То ли доверяют мне по какой-то причине, что зря – я сам себе иногда не доверяю. То ли имеют скрытые методы воздействия на буйных сталкеров, вроде той иглы с нейротоксином в бронированном автомобиле.

Кстати, о доверии. Вон под потолком какая-то сферическая приبلуда висит. Для простой видеокамеры больно здоровая, и отверстия по всему ее периметру наводят на мысли. Начнешь подкопать или от унитаза бачка осколок в форме ножа откалывать, так, небось, сразу из потолочной приблуды таких иголок с токсинами столько в мою тушку прилетит, что любой дикобраз обзавидуется.

За дверью слышались шаги. За ними команды:

– Отставить. Разблокировать. Не сопровождать.

В районе двери, выглядевшей как обычная тюремная, слышалось шипение, характерное для скрытых замков пневматического действия с подвижными ригелями, при закрытии уходящими глубоко в стену. Интересно. По ходу, от антикварной двери остались лишь внешние стальные обкладки, а внутри нее скрыт навороченный современный запорный механизм. А зачем тогда обкладки оставили? Ностальгия по старым временам, когда надзиратели не разблокировали электронные замки, а отпирали двери большими камерными ключами? Дань истории, так сказать?

Дверь бесшумно отворилась, и порог камеры перешагнул человек, появлению которого я не особенно удивился.

– Опять ты, – скривился я, словно от зубной боли.

– Ага, – сказал Макаренко. – Опять я. Как самочувствие, Координатор?

– Бывало и лучше, – вновь поморщился я. – Все тело ломит, будто меня сюда транспортировали свернутым в рулон.

– Ты не далек от истины, – заметил Макаренко, усаживаясь на стул и закидывая ногу на ногу. – Багажное отделение самолета, отсек для транспортировки животных, контейнер с надписью «мастино наполетано». Извини, но якудза и полиция, что в Японии практически одно и то же, настолько серьезно обыскивали каждый самолет, что нам пришлось проявить чудеса изобретательности, чтобы вывезти тебя из страны.

– Интересно, зачем это я вам опять понадобился? – проворчал я. – Как тебя вижу, так это обязательно к неприятностям.

– Судьба у тебя такая, – пожал плечами Андрей. – Или, если хочешь, Предназначение.

– Давно уже ничего не хочу, – буркнул я. – Ни судьбы этой собачьей, по мирам мотаться и грызть всех, кто под руку попадет, ни Предназначения этого, будь оно неладно.

– Ну-ну, хандрить совершенно ни к чему, – улыбнулся Макаренко. – Пока что у тебя все получалось. Порой криво, часто с косяками, иной раз даже мирового масштаба, но получалось же. Некоторые из твоих миссий наши курсанты изучают как примеры выполнения заданий в условиях, приближенных к невозможным.

– Заданий? – хмыкнул я. – В Японии тоже было задание?

– Да, – просто ответил Андрей. – Не явное, когда сотруднику озвучивается цель операции: мы уже поняли, что это не твой случай – работать на кого-либо даже в статусе свободного агента по особо важным делам. Тебя подвели к операции наши специалисты, и ты справился с ней на отлично. Подземный город отряда семь три один очень нас беспокоил, и ты фактически в одиночку запустил процесс его уничтожения. Жаль, конечно, что в ходе этой миссии погиб агент Савельев, но никакая война не обходится без жертв^[2].

Я невольно скрипнул зубами.

Виктор Савельев по прозвищу Японец умер не по моей вине, но именно мне пришлось нанести последний удар, чтобы прекратить мучения друга. И могу сказать честно: ничего более тяжелого для себя

я никогда не совершал. Даже осознавая необходимость, что может быть страшнее, чем убить того, кто не раз спасал тебе жизнь?

А еще я убил его дочь, которую члены клана якудзы Ямагути-гуми превратили в ужасного монстра. Да, там была ситуация «кто кого»: или я пожалею ее и она убьет меня – или же я сделаю то, что должен, освободив ее от тяжелого бремени жить в поистине кошмарном теле. До сих пор не знаю, правильно ли я поступил и действительно ли такая жизнь была ей в тягость. Некоторым нравится быть чудовищами...

– Виктор и его дочь были воинами и умерли как воины, – глухо произнес я. – А еще я не помню, что давал согласие стать вашим агентом, координатором или просто пешкой, которую ваша контора двигает так, как ей заблагорассудится.

– Согласен, – кивнул Макаренко. – Просто когда человек работает на нашу, как ты выразился, контору и делает это хорошо, какая разница, как он называется?

– Полковник, или кто ты там, уйди, а? – попросил я. – Иначе не обессудь, могу не сдержаться.

– Хорошо, я уйду, – сказал Андрей, продолжая сидеть нога на ногу. – Только это не спасет тебя от мыслей о том, что ты убил лучшего друга и его дочь.

Я рывком вскочил с кровати, твердо намереваясь съездить Макаренко по квадратной челюсти, возможно, даже с ноги... но при этом чуть не грохнулся со всего маху мордой в пол. Оказывается, моя левая нога была прикована цепью к ножке кровати, накрепко привинченной к полу. Понятно. Зачем фиксировать стулья, если пациент не сможет до них дотянуться?

– Извини, мера предосторожности, – сказал Андрей. – И, как видишь, не излишняя. Однако скажу: если мы не договоримся, то, как только я выйду отсюда, в тебя выстрелят шприцем со снотворным. Когда ты отрубишься, тебя вывезут подальше отсюда и оставят на лавочке в парке какого-нибудь города. В карманах у тебя будет все, что ты вывез из Японии, нам чужого не надо. И ты будешь полностью свободен. Только, с твоего позволения, я займу еще несколько минут твоего времени.

Я молчал.

– Не в курсе, знаешь ты или нет, но твой эксперимент удался – ты вернул к жизни всех своих мертвых друзей. Правда, это привело к

локальным катаклизмам в Розе Миров, к счастью, обратимым. Но сейчас мы опасаемся, что ты решишь оживить Виктора и его дочь, и последствия этого оживления для нашего мира не берутся предсказать самые опытные аналитики Комитета. При этом не факт, что у тебя получится задуманное. Поэтому я мог бы предложить тебе следующее. Ты выполняешь одно задание Комитета, а мы помогаем тебе оживить Савельева и его дочь без ущерба для нашей вселенной.

Я молчал.

Макаренко усмехнулся.

– Даже не поинтересуешься, что за задание?

Я продолжал молчать.

Думал...

Во мне боролись два противоречивых чувства. Когда ты уверен, что сам принимаешь решения, а потом узнаешь, что тебя использовали, словно запущенную торпеду, и хотят использовать снова, в душе появляется закономерно паскудное чувство. Но, с другой стороны, меня и правда изрядно корежило от того, что я убил Виктора и Юки. Конечно, можно приплести кучу оправданий тому, что я сделал, но по факту – убил. Вот этими самыми руками... Чисто технически убивать друзей не трудно, не сложнее, чем врагов. Намного труднее потом жить с осознанием того, что сделал... И сейчас этот дьявол с квадратной челюстью вновь искушал меня, предлагая действительно заманчивый контракт.

– Что за задание? – выдавил я из себя, усилием воли преодолев гадливое чувство, словно я сейчас по своей воле окунаюсь в чан с дерьмом, из которого только что вылез.

– Думаю, для тебя не особенно сложное, – произнес Макаренко. – Дело в том, что в Чернобыльской Зоне появился Меченосец. Такой же, как ты, потомственный воин древнего клана, борец со злом и нечистью – в его понимании, конечно. То, что мы считаем злом, носитель зла таковым не считает. Для него это справедливость и единственно возможный способ существования. Нечисть тоже, глядя в зеркало, умиляется тому, насколько она прекрасна, а тех, кто пытается ее зачистить, считает кончеными уродами... М-да, что-то я в философию ударился. В общем, тот Меченосец считает других Меченосцев рассадником зла и планомерно их зачищает. При этом уровень личной удачи у него зашкаливающий, сталкерская чуйка и специфические

навыки выживания в Зоне – феноменальные, общий уровень боевой подготовки наша аналитическая программа оценила как девяносто три процента из ста возможных.

– Нереально, – покачал я головой. – Программа ошиблась. У живого человека не может быть такой уровень.

– Мы тоже так думали сначала, – кивнул Макаренко. – С учетом, что уровень Савельева – светлая ему память – был восемьдесят два процента, а твой – семьдесят два, это, скорее всего, не человек, а биологическая машина, тем не менее идентифицированная программой как Меченосец.

– Дай угадаю, – сказал я. – Поскольку ваша команда недавно присвоила мне звание Координатора, я должен проникнуть в Чернобыльскую Зону и наставить того Меченосца на путь истинный. После чего, если он меня не замочит с таким-то уровнем, вы каким-то образом умудритесь извлечь ками^[3] Виктора и Юки из моей «Бритвы» и вселить их в подходящие тела.

– Если пренебречь мелкими деталями и твоей вольной трактовкой некоторых терминов, то в целом ты недалек от истины, – кивнул Андрей.

– Зашибись, – сказал я. – А не подскажешь, с какого перепугу я должен тебе верить? Вы использовали меня втемную, подставили под разборки с якудзой, из-за ваших мутных схем я был вынужден убить друга и его дочь, и теперь вы предлагаете мне вновь нырнуть в это болото? Макаренко, скажи откровенно – ты и твое начальство увидели во мне лоха, которого уже несколько раз обули, и собираетесь сделать это снова?

– Думать ты можешь что угодно, – пожал плечами мой собеседник. – Но выбор у тебя небольшой. Или ты соглашаешься, или отказываешься. Что мне передать руководству?

– Я отказываюсь, – сказал я. – Торпеде надоело плясать под чужую дудку. Так и передай своему руководству.

То, что меня снова пытаются обвести вокруг пальца, было очевидно. Комитет по предотвращению критических ситуаций, как и любая организация такого плана, преследовал только свои цели. И на то, какими средствами они будут достигнуты, им совершенно наплевать. Макаренко в целом был неплохим мужиком, но он был сотрудником Комитета – а значит, если надо, наплетет с три короба,

лишь бы выполнить поставленную задачу. Сейчас им нужно завербовать очередного талантливое Меченосца – и при этом очевидно, что их спецы, может, и круты на Большой земле, но в Зоне не выживут и дня. И поэтому меня экстренно доставили из Японии в камеру с надежной железной кроватью, к которой так удобно приковывать строптивых гостей и которую я при всем желании не смогу оторвать от пола. Хотя можно, конечно, дотянуться до цепи и смахнуть ее «Бритвой»... Я прям почувствовал, как внутри моей ладони шевельнулось острое жало кинжала, откованного из редчайшего артефакта и с некоторых пор живущего у меня в руке.

– Не рекомендую, – покачал головой Макаренко, поднимаясь со стула. – При попытке освободиться автоматически последует очень болезненный удар током. Ладно. Не договорились, так не договорились. Бывает.

И вместо того чтобы повернуться и направиться к выходу из камеры, зачем-то сделал шаг в сторону.

Я сперва удивился, мол, с чего это полковник исполняет такие странные па, – но удивлялся недолго. Потому что сферическая приبلуда под потолком хлопнула, словно бутылку шампанского внутри нее открыли, – и я тут же почувствовал болезненный укол в плечо.

«Вот оно что, – пришла запоздавшая мысль. – Макаренко просто в сторону отошел, чтоб ему игла в затылок не прилетела. Знал все заранее, сволочь».

А потом тюремная камера резко поплыла у меня перед глазами... но ощущения, что я вырубился, не было. Я знаю, что такое общий наркоз. Лежишь на операционном столе, палишься в нависшую над тобой хирургическую лампу – и вдруг тебя трясут за плечо и ты слышишь над своей головой голос медсестры:

– Просыпаемся, все закончилось, мы уже в палате.

Сейчас было похожее. Смена кадров. Камера чуток сползла, словно на картину, нарисованную нестойкой краской, плеснули водой, – и вот я уже сижу не на относительно мягкой кровати, а на чем-то твердом. При этом у меня перед глазами колыхалось плотное марево, какое бывает после того, как в пространстве захлопнется «кротовая нора» – межпространственный портал, который можно прорубить моей «Бритвой» либо особыми артефактами, которые очень редко можно найти в Чернобыльской Зоне.

Сознание тоже слегка плыло – ну точно как после наркоза. Тем не менее я успел разглядеть в том уже рассеивающемся мареве два темных удаляющихся силуэта.

«Меня принесли сюда, – пришла вялая мысль, – через межпространственный портал. Только понять бы куда».

А сквозь стремительно рассеивающееся марево уже проступали очертания чего-то очень большого и смутно знакомого. Еще бы немного резкости в плавающей картине мира, которую можно вернуть, сильно сжимая и разжимая веки. Еще бы немного прозрачности в исчезающем зыбком очертании «кротовой норы»...

И тут пришло узнавание! Да так пришло, что ко мне мигом вернулась четкость восприятия окружающего мира, и силы откуда-то появились в теле, после наркоза похожем на студень, растекшийся по старой уличной лавке, на которую меня высадили два типа, уже наверняка вернувшиеся туда, откуда пришли...

Метрах в двухстах от меня, подсвеченное кровавыми лучами восхода, стояло знаменитое колесо обозрения. То самое «чертово колесо», которое должно было быть запущено первого мая тысяча девятьсот восемьдесят шестого года – но так и осталось неподвижным, так как за пять дней до торжественного запуска аттракциона произошла авария на Чернобыльской электростанции.

Можно было, конечно, усомниться – может, это не то колесо? Мало ли в мире ржавых аттракционов такого плана?

Но сомнений не было, и тому было ровно шесть причин. А именно – с кабинок «чертова колеса» свисали шесть трупов в узнаваемой красно-черной униформе группировки «Борг». И не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, зачем бойцов группировки повесили именно так. Показательная казнь, в результате которой мертвецов развесили на самом видном месте города Припять. Чтоб другим неповадно было.

И развесили мертвецов на колесе, конечно же, бойцы группировки «Воля», примерно такой же по численности и вооружению, как и «Борг». Уже много лет эти две наиболее крупные банды делят в Зоне сферы влияния, планомерно выпиливая личный состав друг друга. Ибо делить на зараженных территориях есть чего.

Прежде всего это, конечно, артефакты – отходы производства соседней вселенной, которые ее жители, прозванные нами

«мусорщиками», постоянно вываливают в Зону, словно на свалку. В нашем мире эти артефакты весьма ценятся за их свойства и являются желанным хабаром для сталкеров, готовых рисковать здоровьем и жизнью ради наживы.

При этом здесь, за кордоном, много и других источников нелегального дохода. А именно:

- части тел редких мутантов, за которые можно получить хорошие деньги у ученых и врачей;

- захоронение опасных, в том числе и радиоактивных, отходов, нелегально поставляемых в Зону с Большой земли;

- наемничество – например, когда у боргов или «Воли» начинаются проблемы с численностью личного состава, они бегут к наемникам, чтобы экстренно заполнить бреши в строю свежим от мороженным мясом... Даже группировка специальная есть, наймиты, – пожалуй, самая богатая в этих местах. И самая жестокая – профессия обязывает;

- ну и, конечно, торговля. Торговцы в последнее время в Зоне встречаются довольно часто, больно уж бизнес прибыльный. И купить у них можно что угодно, от охотничьих спичек до шестиствольного гранатомета, только плати. На этом «только плати» вся Зона и держится. Как и весь мир, кстати, которым правит единый и вечный Закон хабара. Все покупается и продается – не только барахло, но и жизнь, совесть, любовь, смерть. Только плати, если чего-то из перечисленного тебе не хватает. Или продай, если что-то из купленного или же случайно полученного даром потеряло для тебя цену...

Все это пронеслось у меня в голове за пару секунд, пока я осознавал очевидное: да, я снова в Зоне. Это просто старая и хорошо известная инфа в мозги прогружалась, которая отошла на второй план, спряталась на чердаке подсознания, пока я наводил шороху в Японии.

А еще я параллельно оценивал, с какой снарягой меня в Зону закинул гребаный Комитет по предотвращению критических ситуаций. Мало того, что даже шмот приличный не дали, впихнули мою тушку в старый, выдавший виды костюм группировки «Воля», так еще лишь пистолет Макарова в карман сунули даже без запасного магазина. Ну, спасибо, полковник Макаренко, век не забуду. И если выживу, непременно навещу тебя для душевной беседы, помани мое слово.

И вывод из всего этого следующий: чтобы выжить при существующих раскладах, мне придется очень хорошо постараться. Потому что позади меня стрекотали автоматные и пулеметные очереди, слышались хлопки разрывов гранат и крики раненых. Причем звуки боя явно приближались – кто-то стремительно атаковал кого-то, не считаясь с потерями. И с минуты на минуту эта резня должна была выкатиться на площадь аттракционов города Припять, где я восседал на одинокой скамейке, созерцая проржавевшие конструкции. Пока что от нападающих и обороняющихся меня скрывала стена кустов с хилой желтой листвой, но это было ненадолго. С минуты на минуту бой переместится сюда, а тут я такой со своим «пээмом» – здрасте, вы ко мне?

Наконец предельно ясно осознав происходящее, я вскочил со скамейки и ломанулся через площадь, подгоняемый шальными пулями, пару раз свистнувшими над моей головой. Знакомый звук, который очень хорошо стимулирует к поиску надежного укрытия.

Но о надежности говорить не приходилось, потому пришлось обходиться тем, что есть. А именно: рядом с колесом обозрения находилась старая карусель, гораздо более удобная для повешения неугодных, но никто этим удобством не воспользовался. Просто карусель облюбовали развесистые гроздья «мочала», к которым лучше без надобности не приближаться. Но мне надо было где-то укрыться от приближающегося боя, потому я особо привередничать не стал – забежал за карусель и присел за занавеской из аномальных образований, действительно похожих на старые, местами рваные мочалки. Говорят, что аномалии на мутантов менее агрессивно реагируют, чем на людей. Так что самое время проверить, насколько я мутант и как много осталось во мне от человека.

Присел я, значит... и замер, потому что между этими «мочалками» разглядел еще кое-что. Хорошо замаскированное между развесистыми пучками, облепившими старую карусель. Блин, теперь бы понять, где оно притаилось, так хорошо спрятав единственную деталь, по которой можно обнаружить эту смертоносную пакость...

В общем, спрятался я вовремя, так как буквально в следующую секунду на площадь из кустов вывалился боец в таком же костюме, что и у меня, только поновее и залитом кровью с левой стороны. Не

удивительно – у парня из раны на шее под ухом била алая струйка в такт ударам сердца. Дальше-на асфальт, ближе-на костюм...

Понятно. Сонную артерию пуля надорвала. Совсем чуть-чуть, потому парень еще на ногах и даже стреляет из автомата куда-то в кусты. Но это ненадолго. Полминуты, может, или меньше, но не больше точно. Потом его силы оставят, упадет он на площадь, раздолбанную временем и взрывами гранат, и останется здесь до ночи. А ночью его мутанты похоронят в своих желудках. Это Зона. Тут чтоб мертвое тело осталось целым, его очень глубоко хоронить надо. Или вешать повыше.

Следом за раненым, отстреливаясь, на площадь выбежали еще восемь бойцов группировки «Воля». У одного голова замотана окровавленной тряпкой, у другого левая рука перетянута поясным ремнем выше локтя, а ниже ошметки мяса болтаются и кость торчит. Крепкий паренек. Другой бы после такого ранения уже валялся в отключке, а этот в правой пистолет держит и даже шмаляет из него по кустам. Бывает такое на адреналине. Потом все равно отрубится, когда отпустит, если обезболивающее со стимуляторами не вколоть.

В кого стреляли вольные, мне отсюда было не видно, но догадаться не сложно. По ходу, зеленые у черно-красных кусок Припяти отжали, быстренько пленных перевешали для устрашения, после чего попытались закрепиться на отжатом участке. А боргам это сильно не понравилось. Созвали подкрепление и ломанулись в контрнаступление. Вполне в их стиле. Красно-черные вообще отмороженные – не знаю, может, радиоактивные мухоморы жрут перед атакой в стиле викингов. Уж больно у них лица бешеные, когда в атаку идут. Почти уверен, что сейчас я увижу именно их.

И я не ошибся.

Из кустов вырвался борговский авангард – двое бойцов в тяжелых штурмовых экзоскелетах. В руках – пулеметы РПК, из которых они поливали как из брандспойтов. Точность при такой стрельбе так себе, но психологическое воздействие значительное. Ты по нему из своего ручного огнестрела работаешь, а он только дергается от попаданий, будто не пуля со стальным термоупроченным сердечником в него прилетела, а током из розетки стукнуло.

Впрочем, и практический толк от этой стрельбы был. У одного из зеленых, увлеченно стреляющего в живые танки короткими очередями

из своего «калаша», внезапно голова взорвалась, словно арбуз, по которому из охотничьего ружья дробью отработали. Надо же, как интересно. То ли патронами с экспансивными пулями борги хреначат, то ли раритетными разрывными, которые в Зоне стоят каждая примерно как моя жизнь. Но боргам ради эффектной победы и золотые боеприпасы не в падлу будет использовать, финансы позволяют. У вольных снабжение из-за кордона похуже, но зато народу в группировке больше – у боргов железная армейская дисциплина с жестокими наказаниями за промахи, и многих новобранцев это отпугивает. Зеленые же шайка более раздолбайская, но в случае грандиозного шухера тоже может вести себя героически.

Как сейчас, например.

Видя, что борги выгнали отряд вольных на площадь, где фактически укрыться негде, зеленый с оторванной рукой пистолет отбросил и, заорав:

– Прикройте меня! – бросился под ноги ближайшему боргу.

Я сразу и не сообразил, с чего это он, сорвав дистанцию, ушел в «мертвую зону» поражения пулемета. Сейчас второй борг развернется и превратит его в решето. Или первый, слегка присев, долбанет раненого прикладом – и привет. Экзоскелет в несколько раз увеличивает силу того, кто в него упакован, так что у однорукого шансов вообще не было ни на что...

Но тут я ошибся.

Раненый резко разогнулся, культей отстреленной руки долбанул по стволу пулемета, немного отведя его в сторону, и, выдернув из разгрузки гранату, прижал ее целой рукой к бронированному стеклу вражьего шлема.

Знаю этот трюк с гранатой, сам так иногда делаю. Если внутри подсумка не пришит специальный ремешок, могу присобачить туда вместо него кусок парашютной стропы, к которому привязываю кольцо гранаты, предварительно разогнув усики. Тогда одной рукой с гранатой работать можно: выдернул резко из подсумка – и бросил без задержек, а кольцо с чекой в подсумке остается на память.

У однорукого, по ходу, в разгрузке то же самое было. И у него еще даже три секунды осталось, чтобы заорать во все горло:

– «Волю» не остановить! За пацанов! – и захохотать во все горло.

А потом граната рванула. Я прям словно в замедленном фильме увидел, как рой осколков снес вольному половину черепа, оставив от головы лишь хохочущий рот, а боргу проломил стекло шлема и вышиб из него веер кровавых брызг.

Признаться, я впечатлился. И зеленые тоже. Только что отступали, отстреливаясь, а тут заревели как стадо быков – и принялись лупить по оставшемуся живому танку из всех стволов.

Но толку из этого вышло немного. Чтобы пробить тяжелый штурмовой экзо, нужен как минимум пулемет с бронебойным патроном калибра 12,7 на 108 миллиметров – он живой танк точно прошьет. Или если стрелять обычными автоматными 5,45 – то везение. Большое. Есть у таких экзоскелетов несколько слабых мест, но наугад в них попасть почти нереально. Потому вольные сейчас обильно поливали упакованного борга свинцом, а он только дергался как паралитик и огрызался из своего РПК гораздо более результативными короткими очередями.

Одному вольному он шею прострелил, второму – грудь разворотил. Трудно, конечно, целиться, когда тебя со всех сторон отвлекают выстрелами практически в упор, но у борга это кое-как получалось...

А потом на площадь из кустов выломилась целая рота красно-черных, и оставшиеся пятеро вольных опустили оружие. Зря, конечно. Я б на их месте стрелял до последнего и с высокой вероятностью умер от пули в череп, быстро и безболезненно. Сейчас же борги переводили взгляды со своих повешенных товарищей на пленных и обратно. Пока молча. Копили в себе то, что с минуты на минуту вырвется наружу. Ох, реально лучше б вольным сейчас друг другу черепа прострелить. Боюсь даже думать, как красно-черные будут мстить палачам...

Над площадью на несколько мгновений повисла тишина, которую прервал борг с погонами капитана на плечах.

– Не стрелять.

Это своим. И после:

– Оружие на землю.

Это понятно кому.

На разбитый асфальт с глухим звяканьем попадали автоматы.

– Хорошо, – кивнул капитан боргов. – А теперь – четыре шага назад.

Вольные переглянулись, не поняв команды. Один даже переспросил:

– Вперед?

Капитан выстрелил от бедра не глядя, и вольный застонал, схватившись за то место, где мгновение назад было его ухо.

– Кому еще слух подправить? – поинтересовался капитан боргов. – Но я сегодня добрый и для глухих повторяю: четыре шага назад.

Аргументы у капитана были весомые, и в магазине его автомата их было еще предостаточно. Потому вольные поспешили подчиниться...

Я, скрываясь за занавесом из аномальных «мочалок» и закусив до крови губу, смотрел, как они торопятся выполнить приказ. В голове билась мысль: «Не надо смотреть на такое, потом же сниться будет в кошмарах», – но человек тварь любопытная, и я смотрел...

Совершенно прозрачная пустота, в которую вольные вступили одновременно, подняла их в воздух всех, разом – и медленно начала скручивать человеческие тела, словно тряпки, из которых выжимают воду. Я видел рты, раззявленные в беззвучном крике, потому что человек не может кричать со смятыми легкими, пронзенными осколками собственных ребер. Видел вылупленные шарики глаз, которые невидимая сила выталкивала из черепов, трещащих словно раздавливаемые орехи. Видел, как сломанные кости пронзают человеческую плоть и одежду, вылезая из ран, – и тут же ломаются снова, вминаясь в месиво, которое только что было человеческим телом...

А еще я видел, как во все стороны, обильно увлажняя растрескавшийся асфальт, брызжет кровь. Ее струйки вырывались из ртов, ушей, тех мест, откуда на нитках нервов свешивались остатки раздавленных глаз – и, конечно, из ран, которые довольно быстро перестали быть ранами. Когда аномалия скручивает человеческое тело в тугую мясную жгут, оно быстро становится одной сплошной кровоточащей раной...

Странно, что аномалию, питающуюся исключительно кровью своих жертв, называли «мясорубкой». Вот реально, лучше б она рубила – в фарш, быстро, мгновенно, а не вот так, с садистским наслаждением

выдавливая кровь из людей до тех пор, пока от них не останутся сухие черные жгуты...

Но это еще не все.

Когда страшная казнь закончилась, на асфальте остались пять черных клякс – места, на которые вылилось наибольшее количество крови. А над этими кляксами повисли в воздухе пять черных жгутов, которые слабо поскрипывали в тишине, повисшей над площадью, – это гигантская аномалия, раскинувшаяся рядом с ржавым аттракционом, пыталась выдавить из добычи еще хоть немного живительной влаги. Жуткое зрелище – висящие в метре над асфальтом останки людей, погибших страшной, мучительной смертью.

А потом жгуты двинулись, поплыли к ржавой карусели, за которой я спрятался. Никто не знает, зачем «мясорубка» это делает, демаскируя себя, но ей зачем-то нужно подвешивать эти ужасные свидетельства ее охотничьей удачи на ближайшее возвышенное место. Пожалуй, это единственный признак, по которому можно определить наличие поблизости смертоносной аномалии...

Жгуты плыли в мою сторону. Приблизившись к карусели, они грубо растолкали в разные стороны занавес из «мочал» и прилепились к верхнему ободу аттракциона в полуметре от моего лица. Они даже кровью не воняли – «мясорубка» высосала из них всю жидкость. Может, лишь немного тленом. Так пахнут в букинистических магазинах старые книги с переплетами из высохшей от времени, растрескавшейся кожи...

– За пацанов, – негромко произнес капитан.

– За пацанов, – эхом отозвались бойцы его отряда.

Ну да, понятно. Борги уже давно держат Припять под своим контролем и прекрасно знают расположение крупных аномалий, которые, в отличие от более мелких, редко перемещаются после выбросов. Тяжелые, ленивые – и очень жадные до живой плоти, так как чем крупнее аномалия, тем больше она жрет...

– Собрать хабар, снять наших с «чертова колеса» – и уходим, – скомандовал капитан. – До вечера нужно их доставить на базу и похоронить по-человечески...

– Погоди, командир, – произнес один из бойцов с автоматом в руках и снайперской винтовкой Драгунова за спиной. – Там, по ходу, за каруселью кто-то прячется.

Вот ведь сукан глазастый, коллега хренов! Конечно, согласно должности ему положено быть зорким, но мне казалось, что я отлично спрятался за аномальным занавесом из «мочалок» и черных жгутов, развешанных «мясорубкой»...

Получается, только казалось.

– Похоже на то, – кивнул капитан, приглядевшись. – Эй, ты, тварина зеленая. Вылезай давай.

Мне ничего не оставалось делать, только подчиниться. В одну харю с пистолетом против взвода автоматчиков много не навоюешь, потому свой «ПМ» я сразу бросил в общую кучу из автоматов вольных.

– Не густо, – хмыкнул капитан. – А чего обмундирование зашитое-заштопанное? Подменку переодеть не успел? В хозроте, что ли, числишься?

– Типа того, – отозвался я. – Дерьмо всякое по жизни вычищаю.

– Борзеешь? – участливо поинтересовался капитан. – Ладно, борзый, тебе повезло, хватит смертей на сегодня. На колени встань и поклянись, что это не ты наших ребят на колесе развешивал. Потом попроси прощения за свою поганую униформу, сними ее, брось в «мясорубку» – и свободен.

– Какая интересная многоходовая программа, – усмехнулся я. – Может, ты лучше сам в «мясорубку» бросишься – и закроем вопрос?

– Получается, не хватит, – вздохнул капитан.

Надо отдать должное, с бедра он стрелял ловко. Я даже движения руки не увидел, только вспышку – и потом сразу серое небо Зоны, так как удар пули в грудь с такого расстояния бросает на спину не хуже, чем крепостной таран.

А потом боль разорвала легкие, и я понял, что лечу куда-то...

«Неужели наконец все? – пришла вялая мысль. И сразу: – Но если меня убили, то почему я слышу, о чем они треплются?»

– Точно в сердце, – сказал кто-то. – Прямо между бронепластин. Фигею, как Шатун стреляет. Ваще не целясь маслины в яблочко кладет.

– У жмура бронепластины в костюме не вставлены, – произнес другой. – Можно было просто очередью полоснуть. Шатун, а чо не в «мясорубку» пассажира определил? Больно легкий трындец для зеленого.

– Сказал же, хватит жести на сегодня, – проворчал вроде как Шатун, а может, кто и еще. – Тебе б, Цыган, только людей резать, да позаковыристее, чтоб кровища рекой и мясо лоскутами. Ладно, пошли, дел невпроворот...

– погоди, командир, – сказал еще кто-то. – А этот из хозроты, по ходу, живой вроде.

...Я уже и сам понял, что произошло. Пуля Шатуна попала в пластину, подаренную мне Букой и уже очень давно вросшую в мое тело напротив сердца. Думаю, сейчас она ее еще глубже вбила, так как грудь болела адски и одежду в этой области к телу словно горячим пластырем прилепили. Значит, крови от того удара вытекло прилично, а ощущение полета, скорее всего, оттого, что при падении я об асфальт слегка затылком приложился.

Больше валяться смысла не было, да и головокружение вроде поутихло, потому я попытался встать. Получилось, хотя и качнуло меня пару раз неслабо. Но я усилием воли сфокусировал взгляд на стволах, направленных в мою сторону, и, скинув капюшон с головы, сказал:

– Слышь, Шатун, давай-ка на этот раз пулю в лоб. Надежнее будет. Не промахнешься?

– А ты ничего, зеленый, духовитый, – хмыкнул капитан. – Жаль, что с вольными тусуешься, а не с нами. Хрен его знает, почему тебя пули в тушку не берут, но тебе виднее, как лучше. В лоб – значит, в лоб.

Ствол его автомата приподнялся выше, но тут капитана тормознул боец с СВД:

– погоди, командир, я его знаю. Это ж Снайпер, легенда Зоны.

– Да ладно? – поднял брови Шатун. – Тот, что у нас типа гетманом был?

– Он самый, – кивнул боец. – Правда, недолго, ты как раз в то время в рейд ходил, если помнишь. Потом на него снова охоту объявили.

– Тогда, если это действительно он, завалить его просто наш долг!

– А что тогда с миллионом долларов?

– С каким миллионом? – не понял Шатун.

– Да я вчера местную радиостанцию слушал. Они говорили, мол, академик Захаров с озера Куписта обещал зеленый лям тому, кто

доставит к нему живого Снайпера.

Капитан нехотя опустил автомат, задумчиво поскреб обломанными ногтями небритую нижнюю челюсть.

– Это, конечно, аргумент. А там ничего не говорили насчет мертвого Снайпера? Его труп академику неинтересен? Наслышан я об этом персонаже, и на Куписту тащить его гораздо безопаснее мертвым, чем живым.

– Насчет трупов ничего не слышал, – покачал головой боец с СВД.

– Ладно, – поморщился Шатун. – Слышь, Снайпер, подойди. Говорить будем.

Когда у собеседника в руках ствол, за его спиной вдобавок маячит вооруженная кобала, а у тебя за душой только нож внутри руки да полный рюкзак понтов, лучше придержать до лучших времен и то и другое. Ножом, даже если это «Бритва», против автоматов и пулемета много не навоюешь, а понты в деле сохранения жизни и здоровья штука крайне вредная. Потому я выеживаться не стал и неторопливо направился к командиру боргов. Почему не поговорить, если предлагают, вместо того чтоб пулю в лоб всадить? Вполне нормальная себе альтернатива.

Когда я приблизился к Шатуну, нас немедленно кольцом окружили борги его отряда. На всякий случай. Вдруг предложение командира его собеседнику не понравится и он бежать вздумает. А так даже стрелять не придется, из круга ему не выйти. Борги ребята здоровые, других в группировку не берут. Навешают несговорчивому собеседнику увесистых люлей, глядишь, и получится у него договориться с командиром.

– Короче, Снайпер, – начал Шатун. – Я про твои дела слышал, потому говорю с тобой со всем уважением. Но если начнешь барагозить – завалю и жалеть об этом не буду. За выстрел не обессудь, ничего личного, просто выполнял свой долг. Если договоримся, тебя перевяжут и накормят. Если нет – ну, ты понимаешь. Короче. Мы доставим тебя к Захарову, а ты дашь слово, что не сбежишь в процессе доставки...

Он говорил что-то еще, но я его уже не слушал. Так как невозможно вникать в то, что тебе говорят, когда у тебя люто чешется переносица. И не оттого, что ее комар укусил, а совершенно по иной причине. А именно – потому, что я чувствую, когда в меня целятся. И

сейчас стрелок очень пристально смотрел на конечную точку линии выстрела, и – я уверен – палец его неторопливо выбирал слабинку спускового крючка.

Доли мгновения хватило мне, чтобы понять, где стрелок организовал лежку. Крыша девятиэтажного дома метрах в двухстах отсюда. И поскольку я разглядел блик оптики, значит, все серьезно. Не просто стрелок. Снайпер с совершенно конкретным заданием...

Я аккуратно сместился вправо, отгородившись от снайпера коренастой фигурой Шатуна, но точка меж бровями чесаться не перестала. Ясно. Стрелок «ведет» меня и вот прямо сейчас, через долю мгновения, выстрелит, пробив при этом череп командира отряда боргов. С такого расстояния пуля, выпущенная из снайперской винтовки, запросто прошьет насквозь две головы. Иначе говоря, мой трюк не удался, заслониться борговцем у меня не получилось.

Потому оставалось только одно.

Я резко двинул Шатуна в ухо, при этом сам отклонившись еще правее, – и услышал позади себя шлепок, слишком знакомый для того, чтобы я мог ошибиться.

А потом со стороны девятиэтажки раздался хлопок выстрела, резкий, как удар бича, – и всем все стало предельно ясно. Борги хорошие вояки и подобные намеки понимают с полуслова – тем более, когда их товарищ, стоявший позади меня, рухнул на асфальт, обильно sprysнув его своими мозгами, выбитыми из черепной коробки.

Это был тот самый парень с СВД, который не дал Шатуну пристрелить меня. Мне не удалось его отблагодарить, но за меня это сделала Зона. Борговец умер мгновенно, не почувствовав ни малейшей боли, – редкий подарок, которым судьба оделяет далеко не каждого.

Надо отметить, что выстрел был хорош. Если бы я не дернулся за долю мгновения до него, одной пулей стрелок сделал бы два трупа. Хотя он и так их сделал... Молодой борг от неожиданности сделал полшага не в ту сторону, и сразу же невидимая сила сбила его с ног, потащила по асфальту, выкручивая ступни, выдирая голени из суставов. Парень заорал от нереальной боли, но никто не бросился его спасать – вытаскивать попавшего в «мясорубку» бесполезно, скорее самого туда затянет. Если не знаешь, как из нее вырваться, шансов выжить нет – да и если знаешь, есть один призрачный шанс из тысячи

остаться в живых. И один из миллиона — не стать при этом инвалидом...

Помочь человеку в этом случае можно только одним способом — и пулеметчик помог, короткой очередью разнеся голову боевого товарища в кровавый фарш. Отличная помощь в подобной ситуации, лучше и не придумать.

Но мне были как-то по барабану проблемы людей, только что собиравшихся меня убить. Меня больше интересовало, как выжить под прицелом снайпера, который явно охотился за мной. На открытой местности, кстати, спастись в подобной ситуации задача почти нереальная. Убегать бесполезно, как гласит бородатая шутка, умрешь запыхавшимся. Потому я выбрал единственный способ, приемлемый при подобном раскладе. А именно: зигзагом ринулся к борговскому снайперу, погибшему от случайной пули, предназначенной не ему, и, упав за труп как за укрытие, сдернул с плеча мертвеца его СВД.

Нормально получилось, при таком раскладе — лучше не бывает. Понятное дело, что оборудованная позиция стрелка на крыше наверняка козырнее моей в разы. Но если ничего не делать, то ничего и не будет интересного в жизни, кроме свинцового гостинца между бровей.

Мертвец — защита почти никакая, если стрелок находится на крыше. И я это понимал прекрасно. А еще я понимал, что снайпера интересую только я, на боргов ему плевать. О причинах такой избирательности думать было некогда, потому я совершил резкий перекат «веретеном» вправо — и вовремя, так как пуля выбила веер асфальтовых осколков из того места, где я только что лежал. Хорошо, конечно, что это были крошки асфальта, а не мои мозги, выбитые из черепа, но что может быть хуже, как лежать на брюхе посреди открытой площади, когда на тебя ведет охоту хороший стрелок с оптикой?

Все, что я успел в процессе переката, так это рвануть вниз предохранитель винтовки и нажать на спуск, стреляя не прицельно в сторону крыши, а больше для проверки работоспособности оружия, попавшего ко мне в руки...

Однако ожидаемого выстрела не последовало. Твою ж душу, какой правильный военный оказался покойный хозяин СВД — в Зоне таскал ее на плече с недосланным патроном. Хорошо хоть магазин примкнут,

уже обнадеживает. Хотя – вряд ли, так как я вновь ощутил у себя на лбу знакомую щекотку. Ну все, патрон дослать не успею, и пережат не спасет – снайпер на крыше уже понял, что я могу выкинуть, и пули положит три подряд: в центр цели, справа и слева. Какая-нибудь из них да в меня попадет. Катайся, не катайся «веретеном» по асфальту. Во всяком случае, я бы именно так и сделал, если б работал с достойным противником...

Честно говоря, я уже с жизнью простился, но совершенно неожиданно выручил меня борговский пулеметчик. Поняв, откуда ведется огонь, он развернул свой РПК и принялся поливать крышу очередями. Так себе идея в плане уничтожить противника, но если нужно подавить цель огнем, заставить спрятаться или сменить позицию, то вполне – или же дать мне пару секунд времени для того, чтобы дослать патрон и прицелиться.

Пару секунд он мне и правда подарил, но заплатил за них большую цену. Снайпер на крыше не стал прятаться. Вместо этого он прицелился – и выстрелил. Грамотно, так как сто процентов знал слабые места экзоскелета данной модели...

Экзо был не новым, из тех, которые на Большой земле производились несколько лет назад без учета реалий Зоны. Это сейчас место сочленения шлема и корпуса производители на новых моделях прикрывают толстым «воротником» из многослойной композитной брони. А чуть раньше экзо выпускали без этих наворотов, стремясь сэкономить и одновременно облегчить и без того тяжеленную конструкцию, которую без электроприводов хрен с места сдвинешь.

Пуля ударила точно в подвижное сочленение, за которым находилась шея пулеметчика, – тот пошатнулся, выронил РПК и рухнул на колени, пытаясь бронированными перчатками зажать маленькое отверстие, из которого пульсирующим фонтанчиком вырывалась кровь.

Все это я видел лишь краем глаза, фиксируя постольку поскольку, так как основное мое внимание было направлено на крышу дома. Ошибиться было нельзя. Да, я видел вспышку выстрела, убившего пулеметчика, но снайпер мог сместиться в сторону после того, как нажал на спуск. А мне был нужен лишь один верный выстрел, так как противник точно не простит мне ошибки, которая станет в моей жизни последней. В этом я не сомневался, ибо охотился на меня настоящий

профи, и сомнений в этом теперь уже точно не было. Так убить одним выстрелом бойца, упакованного в экзоскелет, мог только очень хороший специалист. Сказать точнее – замечательный! Гений своего дела, мать его, которого мне гарантированно нужно было зачистить, пока он не зачистил меня.

В снайперской дуэли, кстати, зачастую решает не меткость, не опыт и не профессиональные навыки, а интуиция. Умение понять каким-то шестым чувством, что сейчас сделает твой противник. Возможно, на какое-то неуловимое мгновение мысленно переместиться туда, на другой конец воображаемой, но такой реальной линии выстрела, влезть в голову врага, стать им и вместе с ним сделать то, что он задумал... одновременно оставаясь самим собой, держащим в перекрестии прицела то место, где сейчас появится цель. Обязательно появится, ведь сейчас ты – это он, думающий как он,двигающийся вместе с ним, видящий в оптику противника, который в это же самое время целится в него. И в тебя...

Странное и страшное ощущение. Я был уверен, что тот снайпер испытал то же самое, но, в отличие от меня, не был готов настолько реально почувствовать себя целью. У него была примерно секунда, чтобы высунуться, выстрелить и исчезнуть вновь, ибо силуэт головы над крышей очень хорошо виден даже на фоне серого неба Зоны. Но он задержался еще на долю мгновения, когда его накрыло неизведанное ранее чувство, когда в прицеле видишь одновременно и врага, и себя...

При этом он был опытным снайпером, готовым к любым неожиданностям...

Мы выстрелили оба. Одновременно. Похоже, где-то на середине полета наши пули пронеслись рядом друг с другом, потоком раскаленного, рассекаемого ими воздуха немного отклонив друг друга от намеченного пути. И лишь потому мы с этим стрелком не убили друг друга.

Но, тем не менее, не промахнулись. Я точно знал, что попал. И куда попал, знал тоже, так как ощутил, как оба моих плеча взорвались огненной болью – и при этом я был ранен только в одно. Поверхностно. Чужая пуля лишь пробила накладку костюма и разлохматила кожу.

А вот снайперу на крыше повезло меньше...

Ощущение боли в правом плече было ярким, но мгновенным. Просто это была не моя боль, которая исчезла сразу же после того, как прервался ментальный контакт с моим несостоявшимся убийцей. При этом я знал, что некоторое время он точно не сможет на меня охотиться: когда пуля бьет в плечевую кость, все крутые цели в жизни становятся незначительными и вперед вылезают две. Главная – остановив кровь, спасти себе жизнь. И второстепенная – сохранить руку, которую при таких ранениях зачастую отрезают...

Моя беда была скромнее: удар по плечу, будто плетью хлестанули, и сразу же горячее разлилось под костюмом. Понятно. Придется шить. Или же попытаться мысленно стянуть рваные края раны – если я морду могу менять, представив кожу и кости лица мягкими, словно пластилин, по ходу, и с остальной тушкой можно творить то же самое...

Хотя, может, париться и не придется. Я медленно вставал с асфальта, оставив на нем винтовку, а ко мне направлялся капитан боргов, держа в руке боевой нож. Хммм... Если в шею всадит со всей силы, а потом рванет нож на себя, никакое усилие мысли не поможет. Я ж не ктулху, чтоб перерезанное горло отрегенерировать. Придется просто сдохнуть, как нормальный человек, получивший смертельное ранение. Вполне вероятный сценарий, кстати, ибо в ухо я Шатуну залепил знатно – вон какое красное, успевшее заметно распухнуть.

Не всадил.

Подошел, внимательно посмотрел мне в глаза, словно какой-то ответ в них искал, потом одним ловким движением распорол окровавленную накладку на моем плече, пробитую пулей, рванул край разреза.

И выдал резюме:

– Царапина. Гаврилюк сейчас зашьет и продезинфицирует. Не обессудь, обезболивающего нет, закончилось. И это...

Он замялся, словно с усилием выдавливая из себя слова:

– Благодарю. Долг Жизни за мной.

Ишь ты, и среди боргов, оказывается, попадаются адекватные люди. Хотя они везде попадаются, только жаль, что редко. В наше время вменяемых людей все меньше и меньше, и если такой встречается – смотришь на него как на редкий артефакт и прикидываешь, какая у него другая, негативная сторона натуры.

Потому что Зона учит – артов только с положительным потенциалом просто не бывает в природе, обязательно какое-нибудь паскудство в нем имеется. Зачастую крайне опасное для жизни.

– Долг долгом, а к Захарову все равно меня потащишь? – усмехнулся я.

– Тут уж не обессудь, хабар есть хабар, – пожал плечами Шатун. – Пацаны не поймут, если я тебя отпущу.

– Кто бы сомневался, – улыбнулся я. Благородство в Зоне имеет свою цену, и она зачастую очень невысока.

Подошел Гаврилюк, эдакая машина два на два, осмотрел рану, хмыкнул, достал аптечку, извлек из нее кривую иглу с шелковой нитью и без всякой дезинфекции воткнул в край раны. Я стиснул зубы – не иначе, этот воин на дохлых мутантах тренировался в военно-полевой хирургии.

– Узел затяни, дальше я сам, – сказал я.

– Сам себя без наркоза шить будешь? – удивился громила. – А кондрашка не обнимет?

– Не думаю, – сказал я. – У нас с этой дамой взаимная антипатия.

– Чего?

– Проехали. Иглу дай.

– Ну на. Псих.

Некоторые персонажи могут запросто рубить в бастурму других людей, но сама идея сделать себе укол повергает их в шок. По ходу, Гаврилюк был из этих, так как с расширенными глазами смотрел, как я зашиваю рану простым обвивным швом. Занятие и правда болезненное, особенно когда протыкаешь кожу и нитку тянешь. Но если не делать из этого трагедию, то терпимое. Главное, протыкать резко и тянуть нить плавно, без рывков. Шелковая нить в этом хороша, легко скользит по крови. А вот когда суровой ниткой шьешь за неимением лучшего, тогда, конечно, ощущения более экстремальные.

Закончил я за несколько минут, после чего попросил Гаврилюка затянуть второй узел и обрезать нить, что тот сделал с некоторым почтением.

– Круто, блин, – прогудел борговец, пряча аптечку в нагрудный карман. – Я б не смог. Пулю из себя как прыщ выдавливал, было дело. Но самому себя шить без наркоза – это ваще край. Иди к нам в «Борг», наши пацаны уважают таких больных на голову.

– Это вряд ли, – хмыкнул я. – Меня ваш командир уже в хабар определил, решил продать за хорошие бабки.

– Жалко, – вздохнул Гаврилюк. – Но, сам понимаешь...

– Хабар есть хабар, – продолжил я. – Понимаю, не парься. Во всем мире хорошо если один процент наберется тех, кто родного брата за лям баксов не продаст, не то что левого чувака. Так что все в порядке.

– Ну, один процент – это ты загнул, – глубокомысленно заметил торговец. – Я б не продал. Правда, у меня брата нету.

– Легче всего не соглашаться на сделку, когда нет ни товара, ни покупателя, – хмыкнул я.

Пока мы с Гаврилюком беседовали за жизнь, борги сняли своих с «чертова колеса», положили их рядком рядом с убитыми в бою, предварительно сняв со всех мертвецов дорогостоящие черно-красные костюмы. Вполне в духе боргов. Это вольные вешали врагов в их шмотье, чтоб все видели, кого они повесили. У черно-красных к хабару иной подход. Эти погадят и оглянутся, нельзя ли чего прихватить, а то мало ли, вдруг пригодится.

Шатун произнес короткую речь, что-то о чести, долге и, на мой взгляд, сомнительном счастье помереть за группировку. Постояв минуту над трупами со скорбными физиономиями, борги деловито покидали своих мертвецов в «мясорубку», которая с явной неохотой скрутила тела в черные жгуты – эти аномалии мертвечиной питаются неохотно, особенно когда сытые. М-да, интересно, конечно. Сначала вроде бы борги собирались мертвецов на базу тащить, чтоб похоронить по-человечески, но с появлением перспективы получить миллион долларов планы отряда резко поменялись. Хотя в условиях Зоны такие похороны, на мой взгляд, оптимальные: были случаи, что даже очень глубокие могилы мутанты раскапывали по ночам, чтобы поживиться мертвечиной.

– Переоденься, – кивнул Шатун на гору шмотья, снятого с покойников. – А то на твоём тряпье живого места нет.

Щедрый подгон с учетом того, что борговский облегченный бронекостюм стоит недешево, а двое бойцов уже копали под «чертовым колесом» место под схрон – командир вполне мог бы весь хабар занывать до лучших времен.

Но, видимо, остатки совести у Шатуна имелись. Совсем немного, на донышке. Понятно, что Захарову за лям баксов Снайпер нужен не для того, чтобы с ним чай гонять, а, скорее всего, чтоб распорядиться приобретением так же, как планировал клан якудзы Ямагути-гуми. А именно: расчленив шибко удачливого сталкера-мутанта на фрагменты и из тех фрагментов создать непобедимую, послушную армию. Потому сейчас Шатун пытался договориться с теми остатками совести, что слегка поскребывали душу изнутри. Ничего, командир боргов. Ты воин сильный, привычный добивать поверженного врага. Думаю, и с недодавленной совестью своей вскоре разберешься. А пока грех не воспользоваться предложением – тем более что мой шмот и правда уже разваливался, плюс рукав, разрезанный вдоль от плеча до локтя, и подавно переводил его в разряд тряпья.

Мне прям реально повезло. В куче трофейного оружия и снаряжения, снятого с покойников, лежал практически новый красно-черный костюм, даже с бронепластинами, которые некоторые самоуверенные вояки достают и выбрасывают ради снижения общего веса экипировки. Заблеван слегка, правда, – видимо, перед тем как повесить пленного, его допрашивали с пристрастием. Но ткань у такой снаряди отличная, водоотталкивающая, отмою в ближайшем ручье. И берцы нашлись точно моего размера. Не такие новые, как костюм, немного разношенные, но и это в плюс – не придется нулевой обувью мозоли натирать.

Пока я снимал свой изрядно убитый костюм «Воли», а после надевал почти новый борговский, Шатун руководил процессом создания схрона.

– Командир, может, хватит уже? – поинтересовался один из бойцов, махавших малыми саперными лопатами.

– Комай глубже, – приказал Шатун. – Надо все спрятать.

– Да на фига все-то? – взбрыкнул второй. – Пулемет вон доброго слова не стоит, и хрен его восстановишь – газтубу оторвало нах, коробку осколком смяло. За каким хреном закапывать это барахло?

– Кузнецы все восстановят, – отрезал Шатун. – Вернемся, выкопаем, отнесем им на болота – все сделают, только плати. Они из любого металлического хлама такое откуют – закачаешься...

– Ну что, переоделся, – поинтересовался подошедший ко мне Гаврилюк.

– Типа того.

– Добре. Тогда давай руки.

Ну да, конечно. Благородство благородством, но теперь я пленный, хоть и в костюме группировки. Ладно, спорить бесполезно, по ходу дела что-нибудь придумается.

– Банкуй, – усмехнулся я, протягивая вперед руки. У каждого вояки на такой случай имеется связка пластиковых наручников, которые при определенной сноровке вполне можно разорвать или разрезать ботиночным шнурком. Так что пусть вяжут, разберусь как-нибудь, когда дело дойдет до побега из плена.

Но все оказалось печальнее.

– Повернись.

Я покосился вправо, влево. Борги оторвались от своих дел и держали автоматы на изготовку. Плохо.

Я повернулся, и тут же на моих запястьях защелкнулись стальные наручники. Сила у борга была медвежья, плюс паковал он быстро, со знанием дела – не иначе, бывший полицейский. Но на этом дело не закончилось. Вдобавок борг стянул специальным пластиковым хомутом мои большие пальцы.

– Не обессудь, – прогудел он мне на ухо. – Говорят, у тебя какой-то супернож в руках имеется, которым ты че хошь разрезать можешь. Поэтому перестраховаться пришлось.

Ну да, лихо. Молодец Шатун, Гаврилюк сам бы до такого не додумался. И правда, в таком положении я «Бритвой» ничего не сделаю – мой нож меня не режет, и потому он даже из руки не сможет вылезти, так как ладони у меня плотно прижаты друг к другу.

А Шатун между тем беседовал по рации, видимо, с руководством.

– Так точно, преследуем противника. Направление – озеро Куписта. Есть докладывать о любых изменениях обстановки. Конец связи.

Ясно. Теперь ничто не мешает Шатуну доставить меня куда он наметил. Блин, если выживу, то перед тем, как завалить Макаренко, хорошенько морду ему разобью. После того, что он сделал, просто пуля в лоб будет для него слишком роскошным подарком.

Рука висела плетью, словно не своя. Он ее вообще не чувствовал, что и не удивительно после двойной дозы мощного обезболивающего. Оно, конечно, побочным эффектом вогнало в легкую эйфорию, но сталкер не обольщался насчет своего будущего.

Свалить удалось без проблем, борги даже погоню не организовали. Но на этом светлые моменты закончились. Пуля пробила защитный наплечник, расколола плечевой сустав и застряла в ране. И что делать, когда ты в такой ситуации здесь, на зараженной земле, вдали от цивилизации и больниц с опытными хирургами – хотя даже они вряд ли соберут сустав, разбитый на множество фрагментов? Тут проще руку отрезать на фиг. А если это сделать некому, то оптимально достать пистолет, приставить ствол к виску и одним движением указательного пальца решить проблему. Потому что через час-полтора действие препарата пойдет на убыль и даст о себе знать мясо, проткнутое осколками костей. А это очень и очень больно...

Правда, был еще один выход, думать о котором не хотелось. Потому что слишком высока могла быть цена за такое решение возникшей проблемы. Какой будет эта цена, сталкер не знал, но был уверен – мало не покажется. Может, и правда лучше не морочиться, расстегнуть кобуру, благо здоровая рука позволяет, и...

Но человеку всегда свойственно надеяться на лучшее – и бояться смерти. Чувшь, что кто-то ее не боится. Просто некоторые на адреналине, на кураже, сходном с приступом безумия, могут о ней забывать на время. Но потом, когда остынешь после боя, страх возвращается. Любая живая тварь жить хочет, а разумная тварь – тем более.

И сейчас, сидя в темном, сыром подвале девятиэтажки в луже собственной крови, сталкеру очень хотелось жить. Как угодно. На любых условиях. Даже таких, по сравнению с которыми смерть – гораздо лучший выбор.

Мысленно ругая себя за слабость, сталкер включил электрический фонарь, потом потянулся к контейнеру на поясе, открыл его и вытащил кристалл, слабо мерцающий странным серым светом. Может ли быть свет серым? Наверное, нет, но этот артефакт излучал именно такое сияние, по-другому и не назовешь. На несколько сантиметров от него разливалась некая субстанция, окрашивающая близлежащее

пространство в антрацитовый цвет, и сейчас пальцы сталкера, держащие артефакт, выглядели будто отлитыми из титана.

Он был очень красив, этот кристалл, размером не больше указательного пальца. Внутри него медленно двигались волнистые линии. Темные и более светлые разводы причудливых форм плыли, будто в аквариуме, пульсировали, сплетались, словно змеи... На это завораживающее движение можно было смотреть вечно – и сталкер знал, что некоторые несчастные так и оставались на месте, держа в руке артефакт и не мигая глядя на него уже ничего не видящими глазами. Он и сам забрал этот кристалл из руки мумии, которая рассыпалась в пыль от прикосновения. Страшный арт, высасывающий жизни из своих хозяев. Но смотреть было необходимо, чтобы наладить контакт – и не пропустить момент, когда кристалл начнет подавлять твою волю. Иначе смерть. Мучительная? Скорее всего, да. Точно не знал никто, потому что никто еще не рассказал о своих ощущениях после того, как артефакт подчинил их себе. Мумии говорить не умеют...

Но сталкер был настороже. И как только почувствовал, что его начало затягивать в эту пляску малахитовых нитей, с усилием оторвал взгляд от кристалла, приложил его к открытой ране в плече, из которой еще сочилась кровь, и произнес лишь одно слово:

– Вылечи.

После чего сталкер отпустил артефакт, который моментально, как вампир, прилепился к ране, и свободной рукой подтянул к себе СВД. Подходящей палки или куска доски, как назло, не нашлось, но сталкер зажал в зубах нижнюю часть приклада скелетной конструкции, который очень хорошо подошел для задуманного.

И вовремя!

Кристалл не мог не выполнить приказ, отданный лаконично и не подразумевающий иных толкований. Но он был разозлен потерей добычи, и даже подпитка свежей, теплой кровью ничего не меняла. А может, он не мог испытывать эмоции, а просто питался чужой болью, – кто ж поймет эти удивительные и жуткие порождения Зоны?

И боль пришла.

Безумная.

Нереальная.

На которую сознание немедленно отреагировало провалом в забытие... из которого его немедленно выдернули обратно. Кристаллу требовались эмоции, и он был не согласен работать бесплатно...

Сталкер завыл, забился в конвульсиях, и если б не приклад винтовки, точно переломал бы себе все зубы челюстями, сведенными судорогой. По его подбородку текла пена вперемешку с кровью, выступившей из десен, скрюченные пальцы скребли бетонный пол, все тело была крупная дрожь. Он уже жалел, что поддался минутной слабости и не решил дело одним выстрелом – потому что кристалл заставлял его чувствовать все, что он делал.

А делал он это так, чтобы причинить максимальную боль.

Сталкер чувствовал, как внутри плеча разворачивается пуля и медленно ползет к входному отверстию, по пути разрывая раневой канал и грубо расталкивая осколки кости. Крайне медленно, словно чертов артефакт не просто питался эмоциями, а и получал от них садистское удовольствие...

Наконец пуля вывалилась из раны и с глухим стуком упала в вязкую лужу свежей крови, смешавшейся с запекшейся, вытекшей ранее. И тогда внутри тела начали хаотично двигаться обломки кости, попутно разрывая уцелевшие мышечные волокна, словно ребенок пытался собрать сложную головоломку, но получалось у него это из рук вон плохо...

Сталкер сидел, вжимаясь спиной в сырую стену подвала, и думал, думал, думал о том, как его зубы погружаются в приклад, перемалывают его, перекусывают пополам... Это помогало отвлекаться от того лютого кошмара, что творился у него в плече. Потому что боль за ушами от непомерно сжатых челюстей, от ногтей, обломанных об пол подвала, была просто ничем по сравнению с той болью, что доставлял ему проклятый арт. И как-то защититься от нее можно было, лишь обманув мозг, насильно переключив его на что-то другое...

Наконец все закончилось.

Почти все.

Потому что, когда желание выполнено, чертов кристалл, напившийся кровью и энергией страдания, мог начать выполнять уже свои прихоти.

Преодолея лютую слабость, сталкер усилием воли разжал зубы, выпустив из них приклад винтовки, дотянулся до фонаря и повернул его луч себе на плечо.

Так и есть. Кристалл уже наполовину врос в его тело. Еще немного, и он проникнет в него целиком. Потом неторопливо доползет до мозга, внедрится в него – и тогда человек станет послушной куклой. Страшной куклой. Хитрой и предельно жестокой, которая, несмотря ни на что, пойдет к одной-единственной цели, интересной для этого артефакта...

Этого нельзя было допустить. Потому сталкер, обливаясь потом от нереальной слабости, вытянул руку – и из его ладони неторопливо выполз нож со странным клинком, цветом схожим с артефактом, довольно быстро врастающим в плечо человека. На графитово-серой поверхности клинка были видны линейные узоры, очень похожие на те, что змеились внутри артефакта. Причем эти тончайшие линии тоже двигались – хотя, может, это лишь казалось при слабом свете фонаря, у которого явно заканчивалась батарейка.

Сталкер поднес кончик ножа к артефакту и принялся вырезать его из собственного тела. Арт, почуввав неладное, попытался побыстрее погрузиться в человеческую плоть, но у него ничего не вышло – резко выдохнув, сталкер воткнул нож глубже, подцепил кристалл и выковырнул его из своего плеча.

Недовольно мерцая, арт скатился в подставленную ладонь той руки, что совсем недавно висела плетью и ничего не чувствовала. Измученный сталкер усмехнулся и еле слышно прошептал:

– Что, выкусил, сволочь? Не сегодня.

После чего засунул арт в контейнер, захлопнул крышку и тут же отрубился. Слишком много испытаний нынче выпало для этого человека, пусть даже экстремально волевого и сильного духом. Воля волей, но когда организм предельно истощен, единственный выход для него – это провалиться в спасительный сон, беспробудный, как общий наркоз во время хирургической операции.

Видно, что Шатун привык свои дела делать быстро, расчетливо и качественно – потому и в Зоне выжил, и даже командиром отряда стал. Из Припяти мы вышли путями, ведомыми одному командиру отряда. Шли меж пятиэтажек, где обычно любят прятаться аномалии – и где сейчас их не было. Миновали густо заросшую кустами баскетбольную площадку по практически невидимой тропке, где справа и слева мерцали голубыми огоньками лужи «ведьмина студня» – сделай шаг в сторону, наступи в эту безобидную с виду субстанцию – и все. Считай, нашел сталкер свою судьбу. Нога почти сразу станет как палка из мягкой резины, хоть в узел ее завязывай. А лучше, чем такими узлами развлекаться, сразу головой макнуться в ту лужицу. Говорят, смерть безболезненная. Ученые у одного такого сталкера, упокой его Зона, как-то мягкую башку разрезали – а там нет ничего. Ни костей, ни мозгов, одна сплошная однородная масса. С виду вроде нормальная голова мертвого человека, а внутри – как мяч, отлитый из резины.

Шатун предупредил, мол, идти надо за ним след в след – и ничего, нормально прошли опасную территорию, находящуюся под контролем вольных. Но зеленым на фиг не надо соваться в такие опасные места, потому мы, лавируя меж густыми кустами в полтора человеческих роста высотой, проскользнули, считай, у них под носом. И дальше шли в том же духе, пока не добрались до окраины города.

Тут уже полегче стало – хоть к вольным постоянно прибывало пополнение с Большой земли из желающих быстро разбогатеть, личного состава у них все равно не хватало на то, чтобы оцепить всю Припять. Потому из города мы вышли без проблем – и двинули дальше, в сторону Рыжего леса.

Когда проходили мимо бара «Янов», слышали доносящийся оттуда многоголосый отборный мат и смачные звуки ударов – с таким сочным шлепком обычно кулак врзается в откормленную харю. Потом треск раздался, за ним вопль – по ходу, кому-то табуретку об хребет сломали. И почти сразу – выстрел. И еще один. И следом – автоматная очередь.

– Реально проклятое место, – проворчал Шатун. – Как ни приди – новый бармен и новые рожи за столиками. Старых или всех перебили, или пинками повыгоняли те, кому не понравились хлебальники старых посетителей.

– Как в жизни, – ощерился борговец, подобравший СВД после того, как меня запаковали в наручники. – Новая метла по-новому метет.

Раздался еще один вопль, одно из стеклянных окон «Янова» взорвалось каскадом разбитых осколков, следом за которым из него вывалился незадачливый посетитель и рухнул на спину. В окровавленном лице посетителя торчала «розочка» – горлышко разбитой бутылки с острыми краями. По ходу, кто-то ловко и грамотно разбил бутылку о край стола, краем острого и длинного осколка перерезал горло своей жертве, после чего вонзил ей «розочку» в глаз и вытолкнул из окна.

– Хреновая смерть, – мимоходом бросил Шатун. – Я всегда говорил, что алкоголизм до добра не доводит.

С этим трудно было не согласиться. Не пошел бы этот персонаж, дрыгающий ногами в агонии, сегодня в бар за порцией местного самогона, глядишь, жил бы себе да поживал до глубокой старости. Хотя это и к подавляющему большинству сталкеров относится – не пошли б в Зону, остались бы живы. И в данном случае алкоголизм совершенно ни при чем.

Между тем Шатун пер прямо в Рыжий лес. Интересно, самоубийца или слово какое знает против живых ветвей и ктулху, для которых это скопище зараженных деревьев – дом родной?

Во время взрыва на ЧАЭС в восемьдесят шестом году по лесу возле Янова хлестанул мощнейший выброс радиоактивной пыли, в результате чего деревья погибли, а их листва окрасилась в кроваво-бурый цвет. Ликвидаторы последствий аварии тот зараженный лес снесли и закопали, но это не помогло – он вырос вновь, но теперь деревья в нем были живыми. В буквальном смысле – живыми и питающимися не только соками земли, но и кровью пойманных ими людей и мутантов. К слову, они не всегда активные, обычно после выбросов в Рыжий лес лучше не заходить. В остальное время смертоносные гибкие ветви медленные и не особо опасные.

Но не сегодня.

Я это видел по мере того, как мы подходили ближе. Сейчас Рыжий лес был готов порвать любого, кто рискнет в него сунуться. Ветви изгибались, тянули к нам свои щупальца, и их рыжая листва мелко тряслась, будто дендровампир не могли сдержать предвкушения скорого пиршества.

Правда, ктулху деревья-кровопийцы почему-то не трогали, и эти самые опасные хищники Зоны жили в Рыжем лесу как у себя дома. И сейчас командир красно-черных вел свой маленький отряд прямо в это паскудное место.

Оказалось, Шатун и правда знал способ, как невредимыми пройти опасный участок Зоны. Сунув руку в обширный боковой карман штанов, он вытащил редкий трофей – кожу ктулху, целиком снятую с его головы и искусно выделанную, иначе б она просто в карман не поместилась. После чего командир боргов натянул ее себе на голову, словно балаклаву, и шагнул под сень живых ветвей Рыжего леса.

Трюк удался.

Ветви метнулись было к добыче – наверняка на тепло среагировали, – но, коснувшись гладкой кожи мертвого мутанта, резко потеряли интерес к Шатуну, отпрянув в сторону.

– Быстро за мной, – бросил Шатун через плечо – и углубился в лес.

Шел он широким шагом, ловко огибая деревья, больше похожие на гигантских осьминогов с телом-стволом и ветвями толщиной в три моих руки каждая. И что интересно, эти ветви больше на него не реагировали. И на нас – тоже. Наверняка корни Рыжего леса сплелись друг с другом в некую экосистему, наподобие нервной, что помогало обобщать опыт. Если одно дерево погладило Шатуна по башке и решило, что это ктулху, остальным было ясно, что кушать борга нельзя, как и его семейку, которая шла за ним. За время пути так, пару раз еще аккуратно коснулись кончиками листьев искусственной лысины командира отряда – чисто для контроля, – и на этом дело закончилось. Вот уж не знал, что через хищный лес можно путешествовать подобным образом. Век живи – век учись.

Похоже, Шатуну было не впервой ходить через эти места. Мы шли заметной тропинкой, протоптанной в хилой серой траве Зоны, – и шли довольно быстро. Так то, если пересекать этот опасный участок Зоны по направлению от Припяти к озеру Куписта, протяженность

Рыжего леса невелика – километра полтора от силы. И поскольку шли мы проторенной тропой, то примерно через полчаса чащоба сменилась редколесьем – то есть скоро мы должны были выйти на открытую местность и вздохнуть относительно спокойно...

Но вздохнуть не получилось. Так как Шатуна вдруг приподняло в воздух и нехило так шарахнуло о сосну, скрюченную от радиации.

– Что за нах? – выдохнул у меня за спиной Гаврилюк. – Аномалия?

Однако я знал, что это была не аномалия...

– Стреляйте, мать вашу! – взревел я, падая на колени – если идущие за Гаврилюком бойцы последуют моей команде, не хотелось бы оказаться на линии огня.

– Дык куда стрелять-то?

...Они не видели. А я – видел. Но лишь потому, что знал, куда смотреть и что там должно быть.

И оно – было. Студенистый, практически прозрачный силуэт очень высокого и мускулистого человека, сквозь который были видны стволы деревьев.

Но это был не человек, а тварь, убить которую из ручного стрелкового оружия крайне сложно. Практически нереально – если, конечно, не знать, куда стрелять, и не долбить туда прицельно. Что, кстати, было непросто, так как в сложной ситуации тварь умела обесцвечивать свое тело, становясь практически невидимой.

– Руки! – заорал я. – Освободи мне руки!!!

– Не положено, – проговорил Гаврилюк. – Командир скажет, тогда...

Речь Гаврилюка я слушал, уже падая набок, так как практически прозрачный силуэт двинулся в нашу сторону.

Он не торопился. А чего спешить, когда добыча – вот она, теперь уже никуда не денется. Медлительная, бестолковая, доступная. Подходи, бери сколько нужно, ешь... А точнее – пей, так как эти монстры Зоны хоть и умеют есть мясо, но предпочитают ему свежую кровь.

То, что ктулху – а это был именно он – выпьет всех нас, я не сомневался. Двухметровый взрослый мутант запросто осушает несколько человек, после чего уходит, поддерживая лапами раздувшееся брюхо и оставив за спиной несколько обескровленных

трупов. И, что самое паскудное, шансов выжить у меня не было — слишком уж основательно зафиксировал мне запястья здоровенный, но туповатый борговец, который сейчас бестолково вертел головой, пытаюсь понять, что за неведомая сила так эффективно вырубил командира и куда по этому поводу надо стрелять.

А я думал...

Думал о том, что если «Бритва» в моей руке находится в состоянии полужидкой субстанции, то обязательно ли через ладонь она должна выходить наружу? Просто я привык, что нож извлекается из моей руки именно таким образом, но, может, можно его достать и как-то по-другому?

И я, закрыв глаза, принялся представлять, как клинок цвета ночи вылезает у меня из середины предплечья... И немедленно непроизвольно заскрежетал зубами от невыносимой боли. Ощущение было, что у меня на живую, без наркоза вытаскивают из руки лучевую кость. В глазах потемнело, я был реально готов потерять сознание и удерживал его только усилием воли, чувствуя, как из моей руки, раздвигая мясо и кожу, лезет наружу сгусток дикой, концентрированной боли.

Выход «Бритвы» через ладонь был болезненным, но к той боли я уже привык, и все проходило как бы по накатанной. Сейчас же мой нож шел новым путем, куроча мою плоть и раздвигая кости, словно ледокол, проламывающий себе путь через ледяные торосы.

И при этом мне еще нужно было сохранять контроль движения клинка, чтобы он шел куда нужно, и подгонять мысленно: «Быстрее, мать твою, шевелись, иначе сейчас твои живые ножны подохнут на хрен!»

«Бритва» и правда будто пинок получила — задвигалась шустрее, и я почувствовал, как распадаются наручники на запястьях. Правда, боль в предплечье меньше не стала — по ходу, сейчас из него рукоять выходила. Да бллллиииин!!! Когда ж это закончится?

Над моей головой застучал автомат — видать, Гаврилюк наконец рассмотрел противника. Правда, очередь тут же и прервалась, и следом рядом со мной плюхнулась нехилая гора безжизненного мяса. Да уж, лесной кровопийца если ударит, то это смерть на девяносто девять процентов. Там силища нечеловеческая...

А «Бритва», между тем, из моей руки вышла полностью, и до хомута, стягивающего пальцы, лезвие не достало. Совсем немного, думаю, пары сантиметров не хватило. При этом я ощущал кончик клинка ножа, зажатый между ладонями, и понимал: еще мгновение, и нож упадет на землю. А еще я видел ноги ктулху, который, поймав туловищем очередь Гаврилюка, утратил невидимость, что, впрочем, нисколько не мешало ему оставаться совершенной машиной убийства. Регенерация у ктулху бешеная, и автоматные пули им особого вреда не наносят – поврежденные ткани моментально восстанавливаются. Потому, чтоб завалить этого монстра, нужно стрелять в него из нескольких стволов одновременно, дабы регенерация не успевала за наносимым ущербом. Или всю очередь в башку выпустить, что во время боя практически невозможно – ктулху тварь не только сильная, но и экстремально шустрая, которая не будет стоять на месте и ждать, пока ты опустошишь свой магазин.

В общем, у меня была секунда, чтоб принять решение до того, как монстр расправится со мной как с более легкой добычей, валяющейся под ногами. Да, его с двух стволов поливали свинцом оставшиеся члены небольшого отряда, но надолго ли их хватит? Сейчас у боргов опустеют магазины, и ктулху, метнувшись вперед, посворачивает им головы – а перед этим, разумеется, одним ударом ноги раздавит мне голову. Просто чтоб не оставлять у себя в тылу хомо – пусть связанного, но еще живого, а значит, опасного.

И тогда я рванулся изо всех сил, чувствуя, как проклятый пластиковый хомут тут же врезался в пальцы, просек мясо, уперся в кости – и лопнул, потому что рывок был и правда мощным. Кровь немедленно хлынула из моих больших пальцев, но это было уже неважно и не особо больно на фоне той боли, что не успела утихнуть после выхода «Бритвы» из предплечья. Да и не до переживаний по поводу боли было, потому что ктулху уже занес ногу над моей головой...

Однако инерции моего безумного рывка хватило, чтоб я, добавив скрутку телом, резко перекатился вбок – и прямо перед моим лицом в землю врезалась когтистая лапа, одного удара которой хватило бы, чтоб моя голова лопнула как воздушный шарик.

Но теперь в моей руке была «Бритва», рукоять которой я поймал липкими от крови пальцами и сжимал изо всех сил, чтобы она не

выскользнула из руки. И когда в десяти сантиметрах от моих глаз появилась лапа ктулху, я из положения лежа наотмашь рубанул по ней ножом – и сразу же, крутанувшись несколько раз, откатился в сторону, понимая, что сейчас будет.

Жуткий, нечеловеческий рев разнесся над лесом. Оно и понятно. Мой нож, способный прорубать проходы между мирами, сквозь плоть и кость прошел так, будто их и не было. И когда ктулху поднял ногу вторично, чтобы еще раз ударить вертлявую жертву, то нога-то поднялась, а вот ступня осталась стоять на земле. И какая б у тебя ни была бешеная регенерация, с ходу отрастить кусок конечности никак не получится. А еще, хоть у ктулху и очень высокий болевой порог, думаю, потерять ступню – это все-таки больно. Как и наступать на свежую культю. Ктулху попробовал, опустил обрубок ноги на землю – и, не выдержав экстремальных ощущений, упал. И пополз ко мне, растопырив лицевые щупальца, вылупив белые глаза без зрачков и ревя как бегемот.

Жуткая картина, если честно, но я такое уже не раз видел. Потому, поднявшись из положения лежа на четвереньки, рубанул «Бритвой» по выброшенной вперед когтистой лапе.

Попал.

Отвалилась лапа так же, как и стопа до этого, спасибо моему ножу. Мутант же, потеряв равновесие, ткнулся башкой в серую траву.

И тут я ударил еще раз. Сверху вниз, словно бревно рубил.

И на этот раз тоже не промахнулся.

Клинок «Бритвы» рассек морду ктулху надвое, как раз между глаз прошел. Я же, не останавливаясь, ударил еще раз – и череп монстра развалился на две половинки.

Все. Теперь можно быть точно уверенным, что эта паскуда не оживет.

Повезло мне еще раз? Наверно, да. Многие говорят, что у меня уровень личной удачи зашкаливающий. Может, и так. Хотя если б я плюнул на все и лежал себе, ожидая, когда лапа ктулху вобьет мою башку в землю Зоны, то на этом моя удача бы и закончилась. Кто не вертится, как карась на горячей сковородке, уходя от ударов судьбы, тому и везет как утопленнику.

– Это ты точно сказал, – раздалось сверху.

Я поднял голову.

Рядом со мной стояли двое боргов – из тех, что сначала шли позади нас с Гаврилюком, а потом пытались стрелять в разъяренного мутанта. Разумеется, безуспешно, потому что в грудь ктулху палить бесполезно. Только в башню. Молодые еще, стреляют туда, куда могут попасть, а не туда, куда надо.

А я, получается, вслух размышлял. Опять расфилософствовался после боя, а может, и во время тоже. Со мной это бывает. Нормальные люди орут с перекошенными рожами, адреналин вырабатывают, а я какую-нибудь философскую пургу мету, получается, не всегда мысленно, иногда и вслух. М-да. Вот уж точно, каждый по-своему с ума сходит.

– Лихо ты мутанта разделал, – продолжил борг. – И это... Благодарим. Думаю, кранты б нам, если бы не ты.

– Обращайтесь, – сказал я, морщась от боли, так как попытался большие пальцы согнуть. Гнутся, хоть и хреново, но это – хорошо. Сухожилия хомут не перерезал, ну и ладушки. А мясо и кожа нарастут.

– Ну ты это, вставай, – сказал красно-черный, вытаскивая из чехла на поясе новые наручники. – Идти надо.

Я внимательно посмотрел на него. Ну да, благодарность благодарностью, но миллион долларов – это миллион долларов.

– А не пошел бы ты на хрен.

– Это ты зря, – сказал борговец, направляя на мою ногу ствол автомата. – Я могу и без браслетов обойтись. Колени прострелю, носилки мы соорудим и за лям баксов уж как-нибудь до Куписты тебя дотащим. Просто геморроиться неохота. Ну как, сам пойдешь в браслетах или на носилках прокатишься?

– Ладно, убедил, – сказал я, поднимаясь на ноги.

– Молодец, – кивнул борговец, кидая мне наручники. – Только нож свой не трогай, ладно? Чтоб непонятка между нами не было, а то мало ли. Сам понимаешь, ничего личного, просто бизнес. Упаковывайся, и пошли.

– Ключ дай, – сказал я.

– Чего?

Я показал ему руки, на которых были защелкнуты старые наручники с перерезанной соединительной цепочкой.

– Дай хоть эти сниму перед тем, как в новые упаковываться. Давят – жуть.

– А, щас, – сказал красно-черный, снимая ладонь с рукояти автомата и опуская руку в карман. – Держи.

Ключик полетел в мою сторону.

Что ж, это борговец зря, конечно, сделал. Видимо, понадеялся на товарища, который тоже держал меня на прицеле. Но тут уж у меня выбора не было – оба предложенных борговцем варианта мне оказались не по нраву. Против четверых вооруженных бойцов ловить и правда нечего, а вот против двоих – можно попытаться.

Что я и сделал.

Вместо того чтобы поймать летящий в мою сторону ключ, я резким движением швырнул наручники в лицо второму красно-черному, который подсознательно был готов к тому, что я сделаю резкое движение, ловя брошенное.

И потому не выстрелил.

Расстояние между нами было небольшое, и я не промахнулся. Тяжелая сдвоенная железка врезалась автоматчику в переносицу, но это я уже видел лишь краем глаза, так как метнулся к первому борговцу, который не успел вернуть руку на место.

Доли секунды не хватило ему, чтобы положить палец на спуск, и этой долей я воспользовался в полной мере. А именно – резко ударил предплечьем по стволу, отводя автомат в сторону, после чего обратным движением руки треснул красно-черному в висок «браслетом», той его частью, на которой болтался обрывок цепочки и выпуклое крепление для него...

Хруста височной кости я не услышал, лишь почувствовал его намятым запястьем. А не услышал потому, что рядом со мной уже рвала воздух автоматная очередь. Парень, получивший в рыло брошенными мной наручниками, стрелял так же, как в ктулху, поливая свинцом как из брандспойта – на что я и рассчитывал, как щитом прикрывшись обмякшим телом ударенного мною борга.

Очередь, выпущенная почти в упор, отбросила нас обоих на стоящее рядом дерево. Я ощущал всем телом, как пули лупят в бронежилет красно-черного, пробивая грудную защиту, прошивая тело насквозь, как ударяются о броник изнутри и, отрикошетив, вязнут в развороченном мясе, как мухи в меду...

Разумеется, в этих ощущениях неслабо поучаствовало мое воображение, но по сути так оно и было. К счастью, борги очень редко

использовали старые модели «калашей» калибра 7,62 мм, пули которых на таком расстоянии наверняка прошили бы насквозь и бронежилет второго класса, и меня заодно. Более легкая пуля калибра 5,45 мм грудную броню «двойки» тоже пробивает, после чего начинает вращаться в теле, перемалывая плоть с костями. При этом она теряет энергию и скорость и навывлет пробить защиту спины уже не в состоянии...

Непрерывная очередь, выпущенная на нервах, опустошает магазин так же, как опорожняется резко наклоненный в горизонталь стакан воды – только что полный был, и все, уже пусто. И хотя моя тушка зверски ныла от полученных через броник борга запреградных ударов пуль, как только его АК, лязгнув затвором, замолк, я с ревом отбросил от себя труп красно-черного, перехватил его донельзя затюнингованный автомат и направил оружие на борговца, только что расстрелявшего своего товарища в надежде достать меня пулей.

Сейчас он судорожно пихал полный магазин в шахту, глядя на меня со звериной ненавистью, – и не попадал, так как перезаряжать оружие нужно хладнокровно, без лишних эмоций. Иначе будет вот так, как сейчас.

Чтоб прекратить эту суету, я выстрелил один раз. Пуля ударила в кончик носка берца красно-черного, который рефлекторно отдернул ногу и выронил магазин.

– А теперь брось ствол и подними грабли, – сказал я.

Парень подчинился. Лицо белое, как лист бумаги. На вид чуть больше двадцати. Обидно убивать такого, слишком молодой, ни черта в жизни не видел. И чего в Зону таких несет на верную смерть? Других способов заработать нету, что ли?

Но не совсем дурак, подчинился. Бросил автомат, поднял руки. Ладно, посмотрим.

– Короче, – сказал я. – К своим тебе теперь хода нет. И дознаватели, и следопыты у боргов хорошие. Если на базе тебя не расколют, то по следам вычислят, что ты своего грохнул. Такого ваши не простят. Доходит, что говорю?

Парень кивнул. Ага, от пережитого не потерял способность соображать. Уже неплохо.

– В общем, так, – сказал я. – Выходишь из Рыжего леса и двигаешь к той дыре в кордоне, через которую ты сюда попал.

Выходишь на Большую землю и больше в Зону ни ногой, так как у боргов память хорошая. Найдут и в лучшем случае повесят, но это если очень добрые будут. А если попадешься не под настроение, то мучиться будешь долго. Все, вали отсюда.

Молодой торговец, не говоря ни слова, повернулся и пошел к выходу из Рыжего леса. Ну что ж, удачи ему. Надеюсь, глупостей не наделает. Хотя это вряд ли. Когда еще делать глупости, как не по молодости? Только на Большой земле от тех глупостей синяки да шишки, а в Зоне – аномалии да пули...

Свой «нулевой» «калш» парень бросил, и этот автомат, в отличие от моего трофейного, мне понравился больше. Я ко всем этим тюнингованным наворотам непривычный, мне обычный автомат понятнее. За ним я, подойдя, и нагнулся, ожидая еле слышного щелчка предохранителя – на поясе ушедшего торговца висела пистолетная кобура, и я был практически уверен, что парень, скрываясь за деревьями, попытается меня пристрелить. И, разумеется, на этот случай у меня был готов план. Раздается щелчок, я резко падаю, уходя с линии выстрела, даю первую очередь в ту сторону, откуда прозвучал выстрел, чтоб противник, если я его не подстрелю, скрылся за деревом, а потом...

Но парень и правда оказался умнее, чем я думал. Выстрела не последовало. Он просто ушел – и правильно сделал. Мне не хотелось его убивать, и сейчас я был искренне рад, что мне не пришлось это делать.

Итак, в моем распоряжении оказалось четыре трупа – три торговых и один ктулху. Пришло время найти в траве ключ, снять наручники с запястий, до крови натертых металлом, и собрать хабар – забрать у мертвецов то, что им больше никогда не понадобится.

В результате я разжился четырьмя запасными магазинами, тремя аптечками, флягами с водой и спиртом, КПК новейшей модели, который позаимствовал у Шатуна, а также десятком импортных белковых батончиков – удобный и недешевый сухпай для тех, кто не планирует отходить далеко от базы.

Я промыл израненные большие пальцы, обработал антисептиком, забинтовал их – и принялся уничтожать батончики, запивая их большим количеством воды. Для того чтобы быстрее восстановиться по моему методу, телу нужно топливо. Много топлива.

В Японии меня не зря прозвали «воином тысячи лиц». В результате того, что пуля вбила в меня части уникального артефакта, я получил способность менять свое лицо, послав ему мысленный приказ стать мягким, словно пластилин. После этого я мог вылепить из него чью угодно физиономию и даже немного преуспел в этом. Надоест Зона, наверно, можно будет в скульпторы податься. Или в шпионы – с такими навыками, думаю, буду нарасхват.

А недавно – лучше поздно, чем никогда – мне пришла в голову мысль: если я могу менять лицо, то как обстоят дела с остальным телом?

Оказалось, что так же, как и с лицом.

Только энергии такое восстановление требовало море. И максимальной концентрации – тоже.

Налупившись батончиков до тошноты, я сел на землю, закрыл глаза и начал представлять, как на мои пальцы нарастает мясо и как стремительно зарастает рваный след от пули на плече, зашитый покойным Гаврилюком.

И сразу это все страшно зачесалось. И плечо, и пальцы. Раны вообще, когда заживают, не столько болят, сколько невыносимо чешутся под коркой – во всяком случае, у меня так. А когда оно проходит в форсированном режиме, так хоть ремень снимай, перекидывай через корявый сук над головой и вешайся на фиг.

Но чесотка – это не шомпол в ноздрю при экспресс-допросе, перетерпеть можно. Ну, я и терпел, стиснув зубы и полностью сконцентрировавшись на процессе. Если б мимо шел голодный ктулху, то на меня даже охотиться не надо было бы – бери за шкурку да пей сколько влезет, настолько я весь ушел в лечение. Зато, когда я вышел из состояния этой своеобразной медитации, обнаружил себя мокрым от пота, обессиленным и зверски голодным.

Два оставшихся батончика я сожрал почти не жуя. И когда тянущая боль в желудке отпустила, с некоторой опаской размотал бинты на пальцах.

Получилось. Даже шрамов не осталось. И с плечом нормально вышло, я лишь «Бритвой» швы распорол и, морщась от неприятного ощущения, вытянул из себя нитки. Ясно-понятно. На будущее можно «Регенерон» не искать, а лишь вкушать в себя жратвы сколько влезет и еще немного и заняться медитацией.

Я даже улыбнулся слегка – нетипичное для меня занятие, но порой приятно почувствовать себя эдаким суперменом, который и стреляет круто, и из разных поганных ситуаций выходит живым и относительно здоровым, и еще вон чего, раны сам себе заживает. Правда, у суперменов обычно есть конкретная цель в жизни и их не выкидывают чуть ли не пинком, как собак, в разные паскудные места, типа Чернобыльской зоны отчуждения, без нормального оружия, приличного снаряжения и даже без внятного задания...

Хммм... А цель-то у меня, похоже, появилась. Найти Макаренко и спросить с него по полной за то, что он сделал. Очень уж разозлил меня полковник своей выходкой.

Так. Этот тип любит тусоваться в Институте аномальных зон, расположенном неподалеку от КПП «Дитятки». И если Макаренко там нет, то персонал института наверняка в курсе, как его найти.

Автомат, лежащий на коленях, я, поднявшись на ноги, забросил за спину. Потом, подумав, все-таки сходил за СВД, которая, к счастью, в нашей заварушке не пострадала. Ну не могу я, будучи снайпером во всех смыслах, оставить хороший рабочий инструмент гнить в Рыжем лесу. Иначе какой я на фиг снайпер.

Закончив со сборами, я вышел из леса и побрел в сторону того самого озера Куписта, где в своем бункере сидел академик Захаров, который назначил за меня весьма кругленькую сумму. И пошел я в ту сторону не потому, что решил продать старому хрычу свою тушку на запчасти, а лишь по той причине, что это была самая короткая дорога к КПП «Дитятки».

* * *

Он пришел в себя оттого, что кто-то его обнюхивал. И не просто обнюхивал, но и при этом стоял на его лице, цепляясь за кожу крохотными коготками, чтобы не свалиться.

Сталкер открыл глаза и тут же увидел в полумраке подвала наглуую крысиную морду с оскаленными клыками – тварь явно примеривалась, как бы ей получше дотянуться до самого желанного лакомства. Все хищники Зоны любят человеческие глаза, и местные гигантские крысы не исключение.

Он ударил. Сильно, рефлекторно, не думая, как любой человек, обнаруживший у себя на лице подобную гадость. Мазнув напоследок длинным хвостом по носу человека, тварь с визгом улетела в темноту. И следом пришло осознание, что удар он нанес той рукой, которую любой милосердный хирург просто отрезал бы, удалив изуродованный пулей плечевой сустав – и, разумеется, все, что безжизненно болтается ниже сустава.

Но сейчас рука работала так же, как и до ранения. Сталкер, еще не до конца веря в происходящее, сжал и разжал пальцы, после чего аккуратно повел рукой в сторону...

В плечо стрельнула боль. Поверхностная. Из того места, где он выковыривал артефакт ножом с живым рисунком на клинке. Так болит поврежденная кожа, но не мышцы, разорванные пулей, – и уж конечно не кость, превратившаяся в кучу осколков.

И тогда сталкер засмеялся. Так, как может смеяться только очень счастливый человек, выиграв в лотерею машину или получив на работе огромную премию, на которую не рассчитывал. На самом деле эти люди, радующиеся подачкам судьбы, не знают, что такое истинное, настоящее счастье, которое человек может испытать лишь на войне или в Зоне.

Здесь фортуна щедро раздает его каждый день, причем не деньгами, а тем, что не измерить нулями на банковском счете. Пуля, летевшая в тебя, но лишь опалившая недельную щетину на щеке своим огненным дыханием. Мина, на которую наступил не ты, а мутировавший кабан, перебежавший тебе дорогу. Атакующий мутант, которого ты держал на автоматной очереди, пока не опустел магазин, и упавший возле твоих ног потому, что последний из тридцати патронов оказался решающим. Или вот как сейчас – тяжелое ранение в плечо, из-за которого ты должен был медленно и мучительно умирать в старом заброшенном подвале, но не умер, потому что однажды сумел отобрать у Зоны могущественный и страшный артефакт... Это – счастье, недоступное людям с Большой земли, и их счастье, что оно им недоступно. У них другие орбиты, иные желания и потребности, иная жизнь. И им никогда не понять, какое же это счастье – быть живым и здоровым: пока человек жив и здоров, он никогда не оценит, какими сокровищами обладает...

Отсмеявшись, сталкер поднялся с холодного пола, втянул в себя сырую вонь подвала и шумно выдохнул, заодно выплюнув изо рта осколок зуба, застрявший в десне, – когда сталкер вгрызался в приклад, пытаясь не заорать и одной болью хоть немного погасить другую, клык сломался, не выдержав страшного давления. Не самая страшная потеря, пережить можно. А вот то, что цель упущена, это очень плохо. Хотя любую ошибку можно исправить, если очень постараться.

Сталкер расстегнул клапан кармана и достал оттуда КПК необычной модели. Овальный предмет удобно лег в руку, приняв ее форму, и на его зеркальной поверхности отобразился знак, похожий на микрофон.

– Контакт с памятью оптики, последняя запись, – произнес сталкер.

На зеркальной поверхности КПК появилось перекрестие прицела и люди, которых умный прицел захватил и к которым протянул нити оптимальных линий выстрела. С такой электроникой воевать одно удовольствие, и раньше она никогда не подводила... кроме сегодняшнего случая, когда цель обхитрила ее электронные мозги. Система мастерски просчитывала логику движений тех, кого нужно было убить, но на этот раз ошиблась. В результате цель ушла, а хозяин навороченной снайперской системы сам получил пулю в плечо, едва не ставшую для него фатальной, если б не чертов артефакт... Но о нем лучше не вспоминать лишний раз. Себе дороже.

– Сигнал с КПК тех, кто стоял рядом с целью, был считан?

– Конечно, хозяин, – донеслось из наладонника.

– Проследи их перемещение.

Наладонник подумал секунд десять и выдал:

– Судя по сигналам, полученным от этих КПК, сейчас они находятся на окраине Рыжего леса и не двигаются.

– Привал? – предположил сталкер.

– Судя по положению тел с фото, полученного со спутника, они находятся в позах, неестественных для живого человека. Причем один сигнал удаляется в сторону урочища «Чистогаловский хутор».

– Ясно, это он, – сказал сталкер. – Покажи урочище.

Изображение на экране затуманилось слегка, потом прояснилось. Сталкер почесал в затылке.

– И где тут хутор? По ходу, только мертвый лес. Хотя...

Присмотревшись, сталкер увидел нечто, похожее на крышу строения. И рядом – еще одно такое же смутное пятно, почти утонувшее среди деревьев. Рассмотреть лучше не позволяли размер экрана и его разрешение.

– Ладно, разберемся, – сказал сталкер. И, пряча необычный КПК в карман, добавил: – Попробуем сработать на опережение.

Он вытянул руку, из ладони которой, раздвинув плоть, медленно выполз длинный и тяжелый, так называемый «лагерный» нож, равно пригодный и для того, чтобы соорудить себе шалаш в лесу, и чтобы одним ударом отрубить голову тому, кто решит подойти к тому шалашу с дурными намерениями.

Клинок ножа был впечатляющим, а вот накладки рукояти – невзрачными. Обычные деревянные, вырезанные наспех не очень умелой рукой. Похоже, что хозяин где-то утратил «родные» плашки – может, в костер нож упал и там остался на какое-то время, а может, просто раскололись от грубого обращения, – и сделал что смог из подручных материалов. В руке нож лежит более-менее удобно, ну и хорошо.

И тут случилось удивительное.

Сталкер, поднеся нож к губам, прошептал:

– «Кротовина».

И, широко размахнувшись, ударил ножом сверху вниз, словно пытался разрубить невидимого противника на две части, от макушки до паха.

Тяжелый нож аж загудел, рассекая тяжелый, спертый воздух подвала – и внезапно разрезанное пространство подалось в стороны, словно края огромной открытой раны, растянутые крючками хирурга. Но внутри этой раны была не окровавленная плоть – она была заполнена бушующим серым пламенем, пронизанным светлыми линиями. Субстанцией, схожей по своей природе и с артефактом, вылечившим сталкера, и с его странным ножом...

Выглядела эта субстанция жутко. Казалось, что подвижные серые щупальца только и ждут, когда жертва сделает неосмотрительное движение, чтобы схватить ее, – но сталкера это не испугало. Он шагнул прямо в это антрацитовое пламя, и края раны, изуродовавшей пространство, медленно сошлись за его спиной.

Через несколько мгновений на месте «кротовины» не было ничего, что напоминало бы о ней. Лишь огромная крыса, до этого облизывавшая смятую, окровавленную пулю, недоуменно смотрело на место, где только что находилась самая большая нора, которую она видела в своей жизни.

* * *

Если от Рыжего леса проложить прямую линию к КПП «Дитятки», то озеро Куписта окажется лишь немногим правее этой прямой. Потому я, подумав, решил по возможности заглянуть к академику Захарову и поинтересоваться, нет ли у него желания заплатить мне тот миллион долларов, который он обещал всякому, кто доставит меня в его логово. Логично же – если я сам приволок свою тушку, то мне деньги и причитаются. Заодно и узнаю, за каким ктулху я ему понадобился, тем более – за такие деньги.

Объективно я догадывался за каким, в Японии просветили. Академик, по ходу, заикнулся на идее стать правителем мира, и для этого ему нужна непобедимая армия, которую он решил наштамповать из кусочков меня, изобретенная им технология позволяла. Думается мне, у деда окончательно чердак съехал. И если мое предположение верно, пора этого талантливого ученого отправить в Край вечной войны. И не только ради сохранения моей жизни, но и для безопасности всей планеты.

Я ввел в трофейный КПК координаты конечной точки маршрута, и на экране появилась карта Зоны отчуждения с неровной линией на ней и надписью: «Оптимальный маршрут». Ладно, поверим.

Линия шла по местам, ранее мною не хоженным. В Чистогаловке я бывал и на всякий случай предпочел бы обойти ее стороной. А вот в урочище «Чистогаловский хутор», находящемся от нее в полукилометре, бывать не доводилось. Что ж, если КПК рисует, что это наиболее годный путь из возможных, поверим аппаратуре. Думаю, хуже, чем в Чистогаловке, не будет.

Кстати, возможно, аппаратура и не врала. Пока что дорога радовала. По ходу, когда-то здесь пролегла оживленная дорога, утопанная и уезженная настолько, что до сих пор трава здесь росла

полудохлая, высотой мне по щиколотку, – зато по обочинам тянулись заросли сорняков высотой с человеческий рост, продираться через которые не было ни малейшего желания.

Дорогой, кстати, пользовался не только я. Разок пришлось аккуратно обойти почерневший труп квазимяса, на котором, потрескивая молниями, пристроился «электрод». Питался. Видно было, как от сожженной туши мутанта тянутся черные нити, пропадающие в ослепительном переплетении электрических разрядов. Что ж, это Зона. Сегодня не повело квази, завтра не повезет кому-то другому.

Я очень аккуратно обошел место пиршества. И лысому ежу ясно, что аномалии не охотятся, когда едят, но мало ли. Может, «электроду» покажется, что я вкуснее дохлого мутанта, и он решит это проверить.

Нормально прошел. Думаю, еще и потому, что я мысленно потянулся к «Бритве», и она отозвалась, шевельнувшись в руке, – если что, думаю, молнии ею тоже можно обрубать. И аномалия, похоже, тоже это поняла. Недлинный разряд потянулся было в мою сторону, но тут же с легким треском всосался обратно. Видимо, «электрод» решил, что дохлая синица в руках лучше живого журавля в небе, от которого можно огрести проблем.

Я же двинулся дальше. Минут через пять семейство мышканов перебежало мне дорогу, прямо под ногами проскочили. Крупные, сытые. Штук десять, не меньше. Такие если докопаются, есть риск получить серьезные проблемы – когда эти твари охотятся, они в сухожилия метят. Если перегрызут ахиллово, считай, хана. Упадешь – тут же набегут сородичи и кучей обглодают заживо. Пираньи сухопутные, блин. Но сейчас им было не до меня – и слава Зоне. По мне, так лучше с крупным мутантом драться, чем от кучи мелких отмахиваться.

Еще минут двадцать я шел без приключений – так, пару мелких аномалий обошел, которые выползли на дорогу поохотиться, но это не в счет. Мелочь маскироваться как следует не умеет, ее любой более-менее опытный сталкер без болтов и детекторов вычислит. Так что у юных аномалий весь расчет на идиота – человека ли, мутанта ли, – который гуляет по Зоне, разинув варежку и не глядя под ноги. Кстати, мелочь редко дохнет от голода, так как идиотов в Зоне хватает. И не только в Зоне. Их везде навалом, потому хищникам зачастую даже

напрягаться не надо: добыча сама в пасть лезет, только успевай пережевывать.

И вот, наконец, КПК сообщил, что до урочища осталось пятьсот метров. Прямо за поворотом дороги оно и должно было появиться.

Оно и появилось...

Я перед поворотом на всякий случай снял с плеча винтовку – мало ли. Потом шагнул на обочину, аккуратно раздвинул стволом толстые стебли сорняков... и немного прифигел от увиденного.

Хутор – это, по сути, несколько строений, микродеревня, построенная теми семьями, которых задолбали соседи и кто хочет пожить в уединении. Я ожидал увидеть пару-тройку полуразвалившихся изб, вросших в землю по самые окна, – и увидел практически то, что ожидал.

Вряд ли это был хутор. Скорее, поселок с несколькими когда-то добротно отстроенными одноэтажными домами, сараями, конюшней и другими хозяйственными постройками, назначение которых для меня оставалось загадкой, ибо я отнюдь не деревенский житель.

Но Чернобыльская авария, время, природа и слабокислотные дожди сделали свое дело. Несмотря на то что дома были построены на совесть, Зона основательно их подточила. Строения покосились, грозя в скором времени совсем развалиться, на их стенах появились мох, следы гниения и черные пятна плесени... А высоко в небе над этими строениями, подсвеченная лучами заходящего солнца, в свинцовых облаках зависла фата-моргана – мираж, гигантский призрак Саркофага, который порой можно увидеть в разных частях Зоны. Причем преимущественно в самых жутких и опасных ее частях.

Короче, вышел я к мертвому поселению, какие на зараженных землях встречаются довольно часто. Однако в оптику я разглядел следы от пуль на стенах абсолютно всех строений, причем следов этих было множество. При этом, как ни странно, в рамах некоторых окон все еще присутствовали целые стекла, исправно отражая падающие под углом лучи багрового солнца, клонящегося к закату.

И лучи эти отражались не только в окнах...

В одном из них, будто специально приоткрытом, я заметил блик. Слишком небольшой и слишком правильной формы, чтобы можно было ошибиться. А именно: кто-то сидел в глубине дома, скрываясь в тени, и так же, как и я, смотрел на дорогу через снайперский прицел.

Грамотно сидел, кстати. Если б луч заходящего солнца, мазнув по оконному стеклу, не отразился от него, коснувшись при этом оптики стрелка, хрен бы я его вычислил.

Но на войне и в Зоне часто все решает случайность, а не боевые навыки, опыт, чуйка сталкерская, что, конечно, не просто нужны, а необходимы бывалому бойцу... которого может пристрелить зеленый «отмычка», коему от балды великой просто захотелось пострелять в белый свет как в копеечку.

А еще я знал, что стрелок увидел меня раньше на долю секунды. Почувствовал это, когда чужая линия выстрела коснулась точки у меня меж бровей. И понимание, что указательный палец стрелка уже выбрал слабинку спускового крючка, а мой еще и не начинал, – тоже пришло. Мысль – она всегда быстрее пули, которая уже летит тебе в лоб, но при этом твое тело и мышцы гораздо медленнее ее. И стрелять в ответ поздно, да и незачем. Ты проиграл, Снайпер. Обидно, конечно, но и дергаться в сторону сейчас уже тоже бессмысленно, все равно не успеешь. Максимум пару сантиметров отыграешь у судьбы, и тогда пуля войдет не между бровей, а в бровь, что совершенно ничего не изменит...

Предсмертные мысли – они хоть и быстрые, но довольно обширные по содержанию. У некоторых, говорят, в такие мгновения вообще вся жизнь перед глазами проносится, а это, надо сказать, немалый объем информации. И воспринимаются последние мгновения как довольно растянутая по времени субстанция, когда ты прям видишь, как несется к тебе твоя пуля, стремительно увеличиваясь в размерах... И ничего с этим не сделать, как в плохом сне, словно в ночном кошмаре, где ты понимаешь, что тебе настал трындец, а предпринять ничего не можешь...

Я – не мог.

Сделали за меня!

Внезапно неведомая сила рванула мое тело в сторону, да так, что жуткая боль скрутила было его в спираль, – но и этого мне не позволили сделать, разогнув обратно сведенные болевой судорогой руки... в которых лежала винтовка. А потом мой палец с невероятной для человека скоростью принялся нажимать на спуск, прошивая пулями темные внутренности дома, в котором прятался снайпер.

Но я знал, что его там уже не было. Чуйкой своей ощущал, которая за много лет вырабатывается у любого вояки, умудрившегося выжить на войне. Но то, что знал я, было неведомо тому, кто сейчас управлял мною словно куклой. И потому мой – мой ли теперь? – палец продолжал нажимать на спусковой крючок, пока в магазине не закончились патроны.

А потом тот, кто поджидал меня в глубине дома, выпрыгнул из соседнего окна, вынеся плечом пустую деревянную раму, кувыркнулся в воздухе, мягко приземлился и из положения с колена принялся стрелять в меня. Винтовки у него уже не было, и сейчас он садил из автомата... совершенно непрофессионально, длинными очередями, от которых ствол нещадно задирало вправо и вверх.

Впрочем, неудивительно. Мой «кукловод», похоже, тоже был не великий спец в огневых контактах. Винтовку он перезаряжать не стал, бросил ее, моими руками перевел автомат из положения на спине в боевое – и принялся стрелять в ответ... точно так же, как это делал мой оппонент.

Со стороны это, наверно, выглядело забавно и одновременно грустно: двое стрелков пытаются попасть друг в друга, борясь с отдачами своих автоматов. Обычно в таких случаях кто-то кого-то обязательно заденет...

Но сейчас был не наш случай.

Наши АК замолчали практически одновременно – и так же, как это было с винтовками, никто из нас не стал их перезаряжать. Вместо этого в руке моего противника словно из ниоткуда появился нож, размером похожий на небольшой меч, и стрелок ринулся ко мне.

На мгновение мне показалось, что мой «кукловод» замешкался, не найдя ножа у меня на поясе, и отпустил меня. Разумеется, я не стал ждать, когда боец с мини-мечом начнет меня расчленять, и представил, как «Бритва» очень быстро вылетает из моей руки – что она и сделала.

От боли у меня на секунду померкло в глазах: обычно я старался вытаскивать нож из своей руки нежнее, с более умеренной скоростью. Но это была привычная боль, потому потемнение в органах зрения отпустило довольно быстро – как раз к тому моменту, как я увидел глаза своего потенциального убийцы, заносящего нож над моей головой. Блин, знакомые глаза, и взгляд знакомый! Где-то я

определенно видел и то и другое! Жаль, остальное было скрыто в тени капюшона куртки.

Я почувствовал, как мой «кукловод» коснулся было моего сознания, но, по ходу, пока решил не брать меня под контроль – не иначе понял, что под его мудрым руководством я через полсекунды превращусь в окровавленный труп, а это, похоже, в его планы почему-то не входило.

И спасибо ему, ибо когда на тебя несется крепкий мужик с ножом, лучше обойтись без помощников и полагаться только на рефлексy.

Уходить в сторону было поздно, контратаковать – бессмысленно: собьет с ног, навалится сверху и тупо перережет горло как барану. У него сейчас подспорье в виде инерции, плюс нож он держит правильно – в отличие от меня, не успевшего подготовиться к контактному ближнему бою. Дернусь в сторону или попробую ударить в ответ – и он просто отрубит мне руку своим портативным мечом, а обратным движением, может, и голову с плеч смахнет, размеры и вес его ножа вполне это позволяют.

И тогда я сделал единственное, что было возможно в такой ситуации, – упал на спину и со всей силы ударил обеими ногами навстречу!

Попал хорошо, в грудь. Да так, что моего несостоявшегося убийцу отнесло назад метра на два – и при этом он ударился спиной в какую-то зыбкую, полупрозрачную субстанцию, которая до удара была просто прозрачной. Подкравшаяся вертикальная аномалия? Тогда почему, ударившись об нее, мой противник не влип в нее как муха в клей, не был поражен током или еще как-то не пошел ей на корм, а лишь отлетел от нее, как от стены, и попытался вновь ринуться в битву...

Однако на новый бросок у него дыхалки не хватило, ибо попал я в него и правда неплохо, каблук правого берца точно «под ложечку» заехал. И потому сейчас боец напоминал сломанную куклу, которую кукловод дергает за ниточки, а толку никакого. Хрипит, судорожно сокращается конечностями, вроде б и готов махаться до смерти, но попозже, когда смятые легкие снова заработают.

И тут я понял, что позади меня стоит такая же тварь, которая пытается манипулировать мною. Твою ж душу! По ходу, мной и этим

сталкером управляют как двумя боевыми болванчиками в компьютерной игре!

Но мой оператор допустил одну ошибку. А именно – поняв, что меня вот-вот убьют, дал мне свободу действий. И сейчас, видя, как я отбросил от себя противника, снова попытался завладеть моим мозгом. Я прям почувствовал эти невидимые серые щупальца, которые вошли мне в затылок и коснулись сознания, словно примериваясь, как не очень опытный водитель нащупывает ключом скважину замка зажигания...

У меня было не очень много времени. Секунда, может, меньше, может, чуть больше. И за это время я успел принять решение. Хотя, конечно, не я сам, а, скорее, мое тело, привыкшее реагировать на опасность быстрее, чем мозги осознают ее наличие и придумают, что с ней делать.

В общем, я, не поднимаясь на ноги, кувыркнулся назад, ощущая, как ментальные щупальца заматались – не ожидал оператор от меня такого финта, да и, видать, я из его поля зрения выпал на мгновение. А в следующую секунду я ощутил, что после переката спиной уперся во что-то твердое, по ощущениям похожее на ствол дерева, хотя я точно знал, что ни на дороге, по которой я сюда пришел, ни в высоких зарослях сорной травы никаких деревьев не было.

И тогда я ударил «Бритвой» назад – раз, другой, третий. И, развернувшись на одном колене, еще раз, словно серпом срезая то, что стояло позади меня...

Жуткий вой резанул по ушам, но меня это не остановило. Я уже понял, чью плоть и кости кромсаю сейчас ножом, способным рассекать границы между мирами. И останавливаться было нельзя ни в коем случае!

Оно уже потеряло невидимость – так всегда с ними случается в случае ранения – и теперь было похоже на двухметровую осклизлую морскую звезду, которой частично отрубили одну из нижних конечностей. А наверху у этой твари торчал обрубок, похожий на пенёк с большим количеством глаз разной величины. Я не в первый раз видел «мусорщика», но, тем не менее, как и каждый раз при подобной встрече, испытал прилив отвращения. Уж больно мерзкими они были и с виду, и по сути своей. Паскудная мразь из иномирья, которая вместе со своими корешами заваливает нашу планету своим технологическим

мусором. И если их не остановить, однажды Земля превратится в одну большую Зону, свалку для артефактов и аномалий, являющихся отходами другой цивилизации.

Я знал, что «мусорщики» умеют регенерировать очень быстро – и убивать их надо как можно быстрее. Потому, не теряя времени, я прыгнул с места, придавил упавшую тварь своим весом и несколько раз вонзил «Бритву» в глазастый пень, заменяющий «мусорщикам» голову.

Глаза у этих тварей как у пауков – черные шары без намека на зрачки. Два из них лопнули от ударов моего ножа, во все стороны брызнула желтая слизь. «Мусорщика» сложно убить, потому умирать им приходится больно. Я впервые увидел, как под паучьими глазами раскрылась щель, отдаленно напоминающая рот, готовая исторгнуть новый душераздирающий вой – но не успела...

Видимо, какой-то из моих ударов оказался фатальным. Тварь дернулась всем телом – и обмякла. Готов...

Но это был еще не конец. Потому что сзади меня, приближаясь, глухо топали об землю подошвы ботинок.

Ну конечно. Второй «мусорщик» пришел в себя после увиденного и решил отомстить за смерть своего напарника по играм...

И, конечно, сделать это не своими щупальцами, а чужими руками. Я резко обернулся.

Сталкер, которого я так удачно отбросил на «мусорщика», бежал на меня, держа свой нож обратным хватом и явно собираясь всадить мне его в глаз. Беспроигрышный способ убийства, если клинок имеет достаточную длину и хороший упор для руки.

Я рывком попытался встать... но тело проклятого «мусорщика», которого я убил, дернулось подо мной в посмертном спазме – и я, не удержавшись, упал на одно колено...

Очень плохо! Неустойчивая позиция в ближнем бою равносильна смерти, а отпрыгнуть в сторону или перекатиться я уже не успевал: полоса серой заточенной стали – вот она, перед лицом...

Но когда у тебя в руке «Бритва», напитавшаяся отнятой чужой жизнью по самую рукоять и, наверно, оттого засиявшая ярким светом цвета чистого неба, – это значит, что есть хороший шанс отбить любую атаку, просто махнув ножом, умеющим разрубать словно масло любой предмет в этой вселенной.

И тут случилось страшное...

Я ударил «Бритвой», сбивая атаку сталкера, уверенный, что сейчас просто отрублю ему руку и на этом все закончится...

Но сталкер оказался опытный. Фантастически опытный, потому что заметить опасность и изменить траекторию уже наносимого удара сможет далеко не каждый боец.

Этот – смог.

Моя «Бритва» должна была смахнуть кисть сталкера, сжимающую нож, но боец немыслимым образом вывернул руку, превратив свой удар в блок – и лезвие моей «Бритвы» со всей силы ударило по обуху серого ножа!

...Что чувствует человек, когда видит смерть друга, который не раз спасал ему жизнь? Я думал, что знаю, после того как своими руками помог Виктору Савельеву уйти из жизни.

Горе.

Опустошение.

Чувство безвозвратной потери...

Да, все это так. Но – стыдно признаться – когда я увидел, как клинок моей «Бритвы» от удара по серому ножу вдруг разлетелся на куски, я испытал такой шок, какого не испытывал никогда в жизни.

Правда, и серый нож сталкера постигла аналогичная участь. Он также разбился от моего удара на части, словно был стеклянным. И сталкер вдруг застыл на месте, с изумлением глядя на рукоять, оставшуюся в его руке. Рукоять без клинка, который, разлетевшись на части со звуком разбитого бокала, несколькими крупными осколками осыпался к его ногам.

Так же, как клинок «Бритвы» – к моим...

Мы с этим сталкером замерли на месте, словно нас одновременно накрыл кататонический ступор. Он с ужасом переводил взгляд с рукояти на осколки ножа – и я делал то же самое. «Бритва» была для меня всем – другом, оружием, хранилищем ками небезразличных мне людей.

И, похоже, нож моего противника значил для него не меньше. Настолько много, что «мусорщик», похоже, утратил контроль над своей «куклой», до глубины души потрясенной утратой.

И это «мусорщика» взбесило не на шутку.

Видимо, от бешенства невидимость, прикрывающая его, исчезла. Метрах в трех от нас стояла такая же пакость, как и та, которую я убил только что, и в одном из щупалец у нее была зажата «смерть-лампа» – устройство из мира этих тварей. Совершенное оружие, разлагающее в серую пыль ту цель, на которую оно направлено.

Мне приходилось и видеть эту штуку в действии, и даже ею пользоваться. По сути, это пистолет с раструбом и магазином, заряженным синей энергией. Кстати, эти выброшенные магазины сталкеры называют «пустышками». Само собой, в Зоне преимущественно их находят пустыми, так как никакой вмняемый боец любого из миров не выкинет полный магазин.

И сейчас «мусорщик» целился в свою непослушную «куклу» из «смерть-ламп»... у которой есть один недостаток.

Неторопливая она.

Смертоносный луч, конечно, намного эффективнее пули, но тянется он к цели намного медленнее. И, несмотря на невидимость того луча, всегда можно увидеть тень от него, которая небыстро, но уверенно приближается к цели. И сейчас я видел, что луч прошел уже две трети пути и через пару секунд коснется сталкера, который так и не вышел из ступора. Стоит, глядит на обломки ножа, а в глазах слезы стоят. Тоже, по ходу, друга потерял, возможно, единственного на свете.

Общая беда сближает. Только что я хотел убить этого парня, а сейчас как-то даже жалко его стало. Себя, конечно, было жаль больше, так как без «Бритвы» мне ой как непросто придется и в Зоне, и в жизни. Но и его тоже заодно. Ну и, если уж совсем честно, то жалость жалостью, но как только луч «смерть-ламп» превратит этого сталкера в пыль, «мусорщику» нужно будет только щупальцем шевельнуть, и тот же самый луч достигнет и меня. Дело одной секунды...

Потому я сработал на опережение.

С метанием ножей у меня всегда было неважно, но на таком расстоянии промахнулся бы лишь тот, кто вообще никогда не швырял нож в мишень. А мне доводилось, и не раз – хоть и с переменным успехом, но тем не менее. Да, «Бритвы» у меня больше не было. От нее осталась лишь рукоять и торчащий из нее осколок клинка длиной сантиметров в десять, в котором довольно быстро угасало сияние цвета весеннего чистого неба.

И тогда я, размахнувшись, метнул обломок моего ножа в «мусорщика» и ринулся к нему, еще не очень представляя, что буду делать. Это нормально, кстати. Когда видишь, что Смерть неизбежна, лучше делать хоть что-нибудь, чем покорно стоять, ожидая ее прихода. Как побратим Смерти я точно знаю: она не любит, когда ей сопротивляются, и довольно часто, обидевшись на сопротивляющегося, разворачивается на полпути и возвращается в свои темные чертоги.

Осколок «Бритвы» воткнулся не совсем туда, куда я метил, – не в один из больших глаз «мусорщика», а рядом с малым. Правда, вошел глубоко, по самую рукоять – угасающей энергии сломанного ножа хватило, чтобы пробить морду твари на всю длину обломка.

Конечно, это «мусорщика» на тот свет не отправило, но прицел сбило. Я видел, как дрогнуло щупальце с зажатой в нем «смерть-лампой» и как оно начало поворачиваться в мою сторону...

Но срезать меня лучом у монстра из иномирья не получилось – я уже был слишком близко. Поднырнул под раструб «смерть-ламп», выдернул из морды «мусорщика» обломок ножа и махнул им, срезав кончик щупальца с зажатым в нем оружием.

Правда, на этом моя удача закончилась. «Мусорщик» оказался довольно шустрым для своих габаритов – второе щупальце схватило меня поперек туловища, приподняло над землей, сдавило так, что затрещали ребра. По ходу, тварь хотела видеть, как я умираю, – мне в лицо уставились равнодушные черные паучьи глаза, и я увидел, как ротовая щель под ними широко растягивается в некоем подобии торжествующей улыбки.

Но «мусорщик» не учел, что опытный сталкер умеет на лету хватать хабар, падающий ему в руки. Всегда. Независимо от ситуации. Иначе какой он к чертям крысособачьм сталкер?

Ослабившись в ответ, я вставил в эту ухмыляющуюся пасть широкий ствол «смерть-ламп» и, вытянув указательный палец до предела, нажал на спуск, расположенный на редкость неудобно для людей, которых природа наградила руками, а не щупальцами.

Я был готов поклясться, что в ничего не выражающих глазах твари из иномирья промелькнуло нечто вроде смятения. Не ожидал «мусорщик» такого, сто процентов не ожидал. Правда, надо отдать ему

должное, он тут же попытался превратить поражение в победу, изо всех сил сжав щупальце, которым держал меня...

Но ни ктулху у него не вышло. Я, конечно, почувствовал это усилие, выдавившее весь оставшийся воздух из моих легких, но оно было мгновенным. А потом щупальце расслабилось, когда голова «мусорщика» рассыпалась в прах – при стрельбе в упор «смерть-лампа» не нужно разгонять луч, потому что действует он практически мгновенно.

Я рухнул на землю как мешок с навозом – обессиленный, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Куда упала «смерть-лампа», вывалившаяся у меня из руки, я понятия не имел, не до нее было: заталкивать в себя воздух, преодолевая адскую боль в смятых и, возможно, сломанных ребрах, – занятие, совершенно несовместимое с боевыми действиями.

А жаль.

Сталкер, которого я невольно спас от смерти, сейчас наверняка что-то мутит насчет моей ликвидации. Не зря же он охотился на меня в Припяти, и здесь организовал засаду не случайно – правда, попал под ментальный контроль «мусорщиков»-псиоников. Те, небось, покопались у него в мозгах, поняли, кого он ждет, и решили развлечься. Развлеклись, ага, упокой их Зона. Правда, наверное, упокой и меня, так как я уже слышал какое-то шевеление там, где валялся труп второго «мусорщика». Теперь бы собраться с силами и голову поднять – все-таки Сестру лучше встречать глаза в глаза, а не на четвереньках, кряхтя, хрипя и отхаркивая комки вязкой, кровавой слюны.

Собрался. Поднял.

И увидел его.

Он стоял в трех шагах, целясь в меня из «смерть-лампы». Ну конечно. У «мусорщика», которого я убил первым, тоже должно было быть личное оружие. И пока я возился со вторым, этот парень общмонал труп убитой мною твари, нашел «смерть-лампу» и сейчас готовился отправить меня в Край вечной войны. Ну что ж, нормальная смерть. Быстрая и безболезненная. О такой в Зоне только мечтать можно.

Я поднапрягся, выдохнул из себя с таким трудом набранный воздух, отхаркнул особо существенный кровавый комок и прохрипел:

– Ну ты чего там, примерз, что ли? Если целишься, стреляй, долго ждать еще?

– А ты торопишься куда? – глухо проговорил сталкер, голос которого показался мне знакомым. Где ж я мог его слышать?

– Тебе какое дело? – огрызнулся я. – Не учили, что ли: навел ствол – жми на спуск. Или не в курсе, где он у «смерть-ламп»? Подсказать?

– В курсе, – вздохнул сталкер, опуская ствол. – Надо бы тебя прикончить. Очень надо. Но теперь не могу. Долг жизни, будь он неладен.

– Понимаю, – сказал я, поднимаясь на ноги.

Грудь болела, конечно, но в целом перетерпеть можно. Я аккуратно вдохнул полной грудью – и с облегчением выдохнул. Острой боли нет, значит, скорее всего, ребра целы. Остальное переживем. А кровь в пасти, по ходу, оттого, что щеку прикусил случайно. Бывает. Иные порой в бою от ярости зубами так скрежещут, что те из десен выворачиваются – сам такое видел, когда боец после атаки пальцами изо рта свои жвалы доставал, в промежутках харкая кровью и матеря себя на чем свет стоит...

– А не подскажешь, должник, какого хрена ты меня вальнуть пытаешься вот уже который раз на дню? – поинтересовался я.

Вместо ответа сталкер сбросил со своей головы капюшон – и я понял, почему мне знакомы его голос и его глаза.

Передо мной стоял... я. Один в один, словно я в зеркало смотрелся. Правда, шмот другой – костюм вольных, темно-зеленый со вставками, очень годный для маскировки как в высокой траве, так и в тени построек или в вечерних сумерках. И лицо – прям мое, без вариантов. Было у меня как-то, дрался я с собственным клоном, но там был слепок с меня, не живой человек по сути. Морда будто восковая, мимика резиновая. А тут – совершенно иное. Не копия, не клон. Стопроцентный я.

– Шокирует, да? – невесело усмехнулся мой двойник. – Я тоже офигел, когда узнал про то, что у нашего мира существует мир-отражение, где шороху наводит человек с таким же именем, лицом и биографией, как у меня. А еще я узнал, что этот человек изменил прошлое своей вселенной, отчего изрядно потряхнуло соседние. И нашу – в том числе. И когда мне дали задание ликвидировать Снайпера в соседнем мире, чтоб он не повторил этих фатальных колебаний

хрупкой ткани Розы Мирон, я согласился не задумываясь. Потому что хорошо видел, к чему привело это потрясение вселенных.

– И к чему это привело? – поинтересовался я, чувствуя, что сейчас от стыда сгорю. Я умею сражаться с людьми, мутантами, невообразимыми чудовищами. Но что все эти навыки по сравнению с битвой между собой и собственной совестью? В моем случае в подобных спаррингах я проигрываю гораздо чаще, чем побеждаю.

Мой собеседник хрустнул кулаками.

– Наш мир сейчас воюет с «мусорщиками», – глухо произнес он. – Серьезно воюет. Или мы – или они. До недавнего времени все было как у вас, нам удавалось сдерживать их проникновение в наш мир. Но твои действия сотрясли границы миров, в результате чего расширился портал между нашей вселенной и вселенной этих тварей. Их стало прибывать к нам все больше и больше... Они лучше вооружены, умеют маскироваться под людей, а также управлять нами ментально – правда, для этого им приходится отказываться от личной брони, через которую не проходит мысленный сигнал, но они компенсируют защиту вживляемыми устройствами, делающими их невидимыми. Ну, ты только был свидетелем того, как это работает.

– Понятно, Иван Николаевич, – кивнул я. – И тебя забросили сюда с заданием меня завалить, чтоб я еще раз не потряхнул миры ненароком. Я даже примерно догадываюсь, кто забросил. В твоём мире его тоже зовут Андрей Макаренко?

– Это теперь неважно, – покачал головой Иван. – Моего мира больше для меня нет, так как я теперь никогда не смогу туда вернуться.

Я посмотрел на осколки его ножа, валяющиеся вперемешку с окончательно потухшими фрагментами моей «Бритвы». Ножи, несомненно, разные, но способности у них, по ходу, были одинаковыми. Были... Теперь это просто куски артефактов, из которых талантливые кузнецы Зоны смогли когда-то выковать наши ножи. Лишенные аномальной энергии. Бесполезные. Мертвые.

И тут меня осенило!

Помнится, Шатун говорил про каких-то кузнецов с болот, которые из любого металлического хлама конфетку сделают. А ну-ка...

Я достал из кармана трофейный КПК, который забрал у Шатуна. Любой вменяемый сталкер в своей личной карте Зоны делает пометки, где что есть интересного. Конечно, с каждым выбросом Зона меняется,

но некоторые объекты при этом остаются неизменными. Например, те, которые сохранились со времен Чернобыльской катастрофы...

В КПК командира отряда боргов такие пометки тоже присутствовали, причем во множестве. Чтобы не копаться в карте, я вбил в поиск слово «кузнецы» – и немедленно та карта съехала вперед и влево, увеличив участок примерно с километр в диаметре, обозначенный лаконичной подписью «болото».

Я почесал в затылке, вновь воспользовался поиском, но запрос «кузнецы» неизменно втыкался в самую середину заболоченной местности. Увеличив изображение, я разглядел тонкую линию с подписью «гать», ведущую к середине болота. Все.

– Буквы знакомые ищешь? – поинтересовался Иван, видимо, уставший ждать, когда я закончу возиться с КПК.

– А поновее ничего нет? – поинтересовался я. – Знаешь ли, несвежие приколы дурно пахнут, как и всякая другая тухлятина.

– Ладно, не заводись, – сказал мой двойник. – Че там?

– Сам не пойму, – честно признался я. – Борги о каких-то кузнецах говорили, и я подумал – может, они наши ножи восстановят? Мне моя «Бритва» тоже дорога как память.

– Твой нож «Бритвой» звать? – приподнял брови Иван. – А у меня «Монумент». И цвет у него другой... был. У твоего ножа ближе к лазурному, а мой – серый с разводами. Получается, не один в один у нас биографии.

– Похоже на то, – согласился я. – Но это логично. Если есть отличия в мирах, значит, и мы с тобой не совсем одинаковые. И это в плюс, кстати, – не хотел бы я со своей точной копией общаться. Думаю, минут через десять того общения мы бы уже друг другу морды били.

– Аналогично, – согласился Иван. – Характер у меня паскудный, и второго такого же, как я, я б однозначно не вынес. Ладно, это все лирика. Что ты там в КПК накопал?

Я изложил накопанное, и мой двойник, посмотрев на карту, сказал:

– Давай обломки ножей соберем и сходим туда, посмотрим, что там и как, – благо идти не особо далеко.

Я хотел предложить то же самое, потому лишь кивнул. По ходу, несмотря на обоюдную вредность характеров, иногда договориться со

своей копией получается легко и просто.

* * *

Болото, отмеченное на карте, и правда оказалось недалеко. До него мы добрались почти без приключений, если не считать таковым одинокое дерево, возвышающееся среди зарослей сорняков, – мы как раз мимо проходили. К дереву был довольно своеобразно приколочен труп. Некие любители устраивать показательные казни пробili несчастному горло ржавым стальным костылем, извлеченным из какой-нибудь заброшенной железнодорожной ветки. Разодранный подбородок казненного лежал на толстой шляпке костыля – человек умер не сразу и еще прилично поелозил челюстью об шершавую сталь, пытаясь протолкнуть в легкие немного воздуха.

Иван прошел мимо мертвеца, лишь скользнув по нему взглядом, при этом на его лице не отразилось ничего. Будто на пустое дерево смотрел. Не, все-таки точно не моя он копия. Ни капли сострадания, ни миллиграмма жалости. Просто убийца из другой вселенной с моим лицом...

Недалеко от дерева заросли сорняков заканчивались черными, выжженными кустами. Мы осторожно раздвинули полусгоревшие ломкие стебли, чтобы оценить обстановку.

Понятно. Сорняки сгорели не случайно.

Перед нами метрах в ста пятидесяти раскинулось болото, типичное для Зоны. «Зеленка», нежным цветом похожая на молодую траву за кордоном, а структурой – на мягкий ковролин. Ступишь ногой в эту красоту, а обратно-то ногу уже и не вытащить. Засасывать будет медленно, не спеша, может, час, а может, и неделю. На то оно и аномальное болото, жуткая ловушка для глупых мутантов и тупых «отмычек».

А на краю болота расположился блокпост. Ров полукругом, уже заполнившийся болотной жижей. За рвом – положенные друг на друга мешки с землей, из того рва вынутой. Хорошо постарались, почти ростовое укрытие получилось. Из амбразур того укрытия два пулеметных ствола торчат, «держат» оба сектора искусственно выжженного пространства – пал пустили, чтоб никто незамеченным

подойти не смог. Грамотно обставились, ничего не скажешь. Между укрытием и берегом болота – один узкий проход, который даже не видно, можно лишь вычислить его по тропинке, протоптанной в мягкой земле.

Над укрытием то появлялась, то исчезала голова в черной маске с красными фильтрами. Такие носят только члены группировки «Борг», на остальной шмот можно и не смотреть. По ходу, то наблюдатель местность сканирует.

А за блокпостом начиналась та самая гать, обозначенная на карте линией, а на болоте – вешками, то есть шестами, воткнутыми по обеим сторонам безопасного прохода через трясину. Для его-то охраны и был сооружен блокпост, и, исходя из его наличия, этот путь был очень важен для группировки – кто ж будет охранять то, что не имеет ценности?

– Какие идеи? – шепотом поинтересовался я.

Иван пожал плечами.

– Валим наблюдателя. Как начнут из пулеметов прочесывать сорняки, зачищаем остальных. Амбразуры они сделали широковатыми. Из положения лежа отработать с двух винтовок чуть выше пулеметных стволов – и нормально. Блокпост грамотный, но небольшой, вряд ли там больше трех бойцов.

– Стандартное отделение боргов состоит из четырех человек, – заметил я.

– Без проблем, – отозвался Иван. – Как погасим пулеметы, я бегом туда, ты прикрываешь. До уверенного броска гранаты тут примерно семь секунд бега, думаю, уложусь. «Эфка» имеется, всех, кто там останется, в «двухсотые» переведет гарантированно.

– Грамотно излагаешь, – кивнул я. – Только ни к чему убивать четверых человек, если можно этого не делать.

Иван удивленно посмотрел на меня.

– Да ну! С каких это пор ты записался в пацифисты?

– Всегда считал, что лишние смерти – лишние, – отозвался я.

– Никогда бы не подумал, что ты такое скажешь, – хмыкнул мой двойник.

– Почему, интересно?

– Ну так... Да чего далеко ходить – только что ты мимо того мертвеца на дереве прошел, будто это пустое место. Глянул – и дальше

идет себе с каменным фейсом. Хоть бы эмоция какая на нем отразилась. Просто безжалостный киллер из соседней вселенной с моим лицом...

Я аж поперхнулся. Да уж, со стороны оно всяко виднее. Критиковать других все горазды. А если задуматься, то мы зачастую осуждаем то, чего в нас самих воз и маленькая тележка.

– Ладно, – сказал я. – Давай попробуем обойтись без крови.

И изложил свой план.

Иван почесал подбородок – мой жест, когда я в чем-то сильно сомневаюсь.

– Ну, допустим, – сказал он. – Можно попробовать. Если сразу не пристрелят, то есть вероятность, что сработает. Небольшая. Я б поставил на то, что завалят.

– Я тоже люблю советоваться с самим собой, – кивнул я. – Обычно выходит с таким же результатом, как сейчас. Или получится, или пристрелят.

– Аналогично, – хмыкнул Иван.

...Мы вышли из зарослей, держа руки перед собой открытыми ладонями к боргам. Мол, стрелять не надо, мы с миром и все такое. Самый неприятный момент в таких ситуациях, когда потенциальный противник смотрит на тебя поверх прицела и прикидывает, нужен ты ему со своим миром или на фиг не сдался. И что ему интереснее – рисковать своей шкурой, если ты задумал неладное, или потратить пару патронов и не морочиться.

Но я надеялся на лучшее, так как на мне была борговская униформа, а стрелять в своих в любой военизированной организации как-то не принято – можно самому нарваться на очень крутые разборки, вплоть до расстрела.

И здесь оно сработало. В нас не стреляли.

До блокпоста оставалось метров десять, когда из-за мешков высунулась та самая голова в фильтрующей маске и глухо произнесла.

– Стоять нах. Пароль.

– Реактор.

Пароль я прочитал в КПК Шатуна – видимо, командир отряда не отличался хорошей памятью и фиксировал нужную информацию в папке «Заметки».

– Это вчерашний пароль, – сказала голова. – Сегодняшний назови.

– Слышь, брат по оружию, не шелести особо, – слегка повысив голос, сказал я. – С задания иду, где связь ни хрена не ловит.

– А чо за задание?

– Секретное, – рыкнул я. – Если интересуешься, спроси у командования, может, расскажут популярно.

– Харе орать, – примирительно сказала голова. – Ну, допустим. А это кто с тобой?

– Братан мой. Наконец уговорил его в «Борг» вступить. Щас у кузнецов заказ заберем и на базу его отведу, в вербовочный пункт.

– Похоже, не брешет, – сказал второй голос снизу, похоже, принадлежавший пулеметчику, державшему нас на прицеле. – Морды у них одинаковые. Близнецы, что ли?

– Ага, – сказал я. – Одняйцевые.

За укрытием заржали.

– Чо, прям одно на двоих?

Иван, до этого молчавший, произнес, явно свирепея, – по ходу, его эта беседа достала:

– Я вот сейчас вам туда гостинчик закину, яичко ребристое да зеленое, так у вас своих вообще ни одного не останется.

– Ты это, говори, да не заговаривайся, – рассердился пулеметчик. – А то дерну за спуск случайно, на нервах, потом извиняться поздно будет.

– Ладно, Микола, не бесись, – хмыкнула голова в маске. – По базару понятно, что наши: какие еще психи под пулемет встанут и начнут права качать. Идите сюда.

Мы подошли ближе. Владелец головы в маске, похоже, командир блокпоста, вышел навстречу.

– Наши-то наши, но чет я ваши рожи не припомню, – сказал он, прищурившись. – Какое подразделение и кто командир?

– Тебе не надоело? – поинтересовался я. – Шатун командир. Устраивает?

– Шатун? – напрягся борговец. – Я всех шатуновских пацанов знаю, а тебя, по ходу, первый раз вижу. Ну-ка, назвал номер подразделения...

Больше тянуть было нельзя, так как номер своего отряда Шатун, видимо, помнил и в папку с заметками не внес. То же, видимо, понял и Иван, так как, вскинув автоматы, мы выстрелили одновременно, вбив

борговца двумя короткими очередями вглубь блокпоста. Конечно, он сильно ошибся, приказав нам подойти ближе, – тем самым мы вышли из зоны поражения пулеметов и, один за другим вбежав внутрь укрытия, положили из автоматов двух пулеметчиков и снайпера, вместо «калаша» рефлекторно схватившегося за винтовку, практически бесполезную на короткой дистанции.

– Ничо такой план ты придумал, грамотный, – сказал Иван, меняя пустой магазин на полный. – Гранату сэкономил, ага. И без крови обошлись, от слова совсем.

– Ну, я надеялся, что они нас пропустят, – слегка смутившись, проговорил я.

– Угу, – кивнул Иван. – Если б этот алкаш не ступил, нас бы из двух «Печенегов» на раз-два-три превратили в консервы с маслинами.

Внутри блокпоста над трупами и правда стоял крепкий запах перегара, замешанный на вони свежего дерьма – командиру первые две очереди прилетели от нас из положения автоматов снизу, в живот, разворотив кишечник в кашу.

– История не знает сослагательного наклонения, – сказал я. – К тому же у этого стрелка на винтовке тепловизионный прицел. Пока мы бы в сорняках пулеметчиков отстреливали через амбразуры, этот тип по тепловым пятнам нас бы отработал через малые бойницы.

– Ладно, проехали, – отмахнулся Иван, как и я, не любящий признавать, что был не прав. – Пополняем запас патронов и двинули через болото.

– Сэр, есть, сэр, разрешите метнуться? – усмехнулся я.

– Никогда не думал, что у меня настолько омерзительный характер, – проворчал Иван.

– Это да, со стороны-то оно всяко виднее, – согласился я.

* * *

Путь по болоту оказался делом неприятным. Гать то ли со временем просела вниз, то ли изначально была проложена так, чтобы доставить путешественнику максимум удовольствия. А может, ее вообще не было и вешки повтыкали по обеим сторонам более-менее подходящего прохода через трясины.

Идти пришлось через топь, с трудом продираясь через полужидкое месиво, которое было нам уже выше колена. На блокпосту мы позаимствовали длинные шесты для опоры и прощупывания пути впереди себя, но помогали они слабо. Щупай, не щупай, один хрен вот-вот погрузишься в вонючую жижу по самые не балуйся, и как опора эти палки тоже так себе – чуть больше на него вес перенесешь, и тут же шест начинает погружаться в болото. А выдирать его обратно – удовольствие то еще.

– Напомни-ка, мы зачем туда идем? – проговорил Иван.

Я молчал, с трудом протаскивая ноги через грязь, которая, казалось, с каждым шагом становилась все плотнее.

– То есть борги говорили о каких-то кузнецах, – продолжал мой двойник, который бесил меня все больше и больше. – Но никаких ударов молотками не слышать, хотя мы, надеюсь, скоро уже доберемся до середины этого месива. Ладно, может, у них перерыв, перекус, или поспать завалились. Но я по своему миру помню – от рабочей кузни вонь стоит за километр каленым железом и жженым углем. По поверхности болота эта вонь должна особенно распространяться, смешиваясь с испарениями. А тут только торфяная вонь тухлыми яйцами, и еще мертвечиной тянет. Но то понятно почему.

Оно и правда было понятно. На поверхности болота лениво покачивались местные аномалии – вон там колония голубоватых огоньков, похожая на разлитую лужу «ведьмина студня». Чуть подальше – область марева, смахивающая на «жару», затаившуюся в ожидании добычи. А вон там, судя по равномерно просевшей книзу болотной тине, гравиконцентрат расположился...

И обычное дело: там, где есть аномалии, присутствуют и артефакты. И те и другие есть не что иное, как отходы вселенной «мусорщиков», которые они выбрасывают в наш мир, а точнее, на свалки, которые мы, люди, называем Зонами... Вон «кольцо» валяется, бери не хочу, при желании можно шестом дотянуться и забрать аккуратно. А если неаккуратно, взорвется оно не хуже ящика с гранатами. Почти рядом с ним – «зуда», артефакт в целом бесполезный, но дорогой, потому что если хочешь досадить соседям, лучше средства не найти. А соседей у нас все любят с особенной нежностью за музыкальные колонки, утренние перфораторы, ночные

пьянки и неизменную отзывчивость, оттого и без того немалая цена этого артефакта продолжает постоянно расти...

А вон там, похоже, «проводник». Артефакт уникальнейший, их за всю историю нашей Зоны только два раза находили. Хотя нет. Если меня глаза не обманывают, то уже три. Кто-то из сталкеров, прельстившись уникальным артом, сошел с гати и попытался дотянуться до «проводника», стоимость которого определялась не цифрой, а формулой «денег хватит до конца жизни и еще останется полмешка».

И дотянулся!

Правда, навсегда остался в болоте, из которого теперь торчала лишь рука, на ладони которой лежал «проводник». Видимо, умирая, человек до самого конца выталкивал наверх артефакт, пытался спасти самое для него ценное – и это была не его жизнь... Оттого и мертвечиной тащило над трясиной, словно мы шли по старому полю боя, с которого никто не удосужился убрать трупы...

Но настораживало то, что Иван был прав: никаких признаков кузницы не слышалось и не наблюдалось. Тишина вокруг расстилалась мертвая – определение, как нельзя хорошо подходящее к этому месту. Еще и легкая дымка впереди начала сгущаться...

Плохо. Если никуда не придем в ближайшие четверть часа, дымка станет плотным и липким болотным туманом, в котором на расстоянии вытянутой руки ничего не видно. А это уже опасно – вешки стоят довольно далеко друг от друга, а чем чреваты несколько шагов в сторону от гати, мы уже видели...

Но тут впереди замаячило что-то, похожее на поросшую камышом и рогозом спину водяного чудовища, решившего вздремнуть после сытного обеда.

– Остров, – сказал Иван.

– Похоже на то, – отозвался я.

Это и правда был остров посреди болота, к которому гать и вела. Мы насколько могли ускорили шаг, и не прошло и десяти минут, как мы уже продирались сквозь густые заросли прибрежных растений.

– Кузня тут, ага, – ворчал мой двойник. – С наковальнями, молотами, мешками с углем для горна, со стенами и крышей, кстати. Сам подумай – как сюда все это приперли через эдакое болото? И что самое главное – на хрена? На суше никак нельзя было кузницу

построить? По ходу, тебя или развели, или мы забрели куда-то сильно не туда...

Но оказалось – туда.

Наверное...

Камышовые заросли наконец закончились, и мы вышли на открытое место, где никакой кузни в помине не было. Вместо нее в нескольких сантиметрах над землей завис овал, похожий на двухметровое серебряное зеркало, в отполированной поверхности которого прекрасно отражались мы с Иваном, грязные как сантехники, которых заставили прочищать канализацию.

Больше на островке ничего не было, да и что на нем могло быть? Клочок суши метров пять в диаметре, посредине – этот овал. И все.

– Ну и чего дальше? – поинтересовался Иван.

Блин, если это моя копия, то я что, реально такой тупой? Или я бешу Ивана так же, как и он меня, и один из способов немного понизить уровень того бешенства – это задавать тупые вопросы и смотреть, как от них закипаю я?

Вместо ответа я отсоединил магазин автомата, выщелкнул патрон и бросил его в овал, почти уверенный, что кусок металла отскочит от поверхности, столь явно металлической с виду.

Мои ожидания не оправдались. Патрон беззвучно исчез в блестящем серебре, словно я его в ртутное озеро кинул.

– А логику подключить не судьба? – поинтересовался мой двойник. – Если сюда борги ходят оружие чинить и это место охраняют, то это портал, а не аномалия.

– Согласен, – кивнул я. – Зря патрон потратил. Надо было тебя «отмычкой» вперед послать, испытать портал на пропускную способность.

– Меня посылать куда-либо дело неблагодарное, можно оказаться посланным в ответ – туда, откуда не возвращаются, – произнес Иван. – Но, с другой стороны, если уж мы сюда приперлись, то можно и посмотреть, что это за штукавина, – лично мне не улыбается тащиться обратно в тумане через болото.

С этими словами он шагнул в серебряный овал и пропал в нем так же, как и патрон до этого.

Я почесал подбородок. Душный, конечно, этот Иван Николаевич Иванов и занудный – так и охота порой в челюсть ему прикладом

заехать. Но, с другой стороны, если он – моя копия, то глупо как-то бить самого себя за свои же недостатки. И дать ему подохнуть там, в зазеркалье, тоже уже как-то не дело. Беда у нас, получается, общая, и мы вместе сюда пришли. Значит, и уходить вместе надо, иначе как-то нехорошо будет, не по-сталкерски.

При этом я, конечно, не забыл, что моя копия настойчиво пытался меня завалить, но это уже другая история. Дойдет дело до разборок, когда он мне Долг Жизни отдаст, – разберемся. А сейчас...

Сейчас мне ничего больше не оставалось, как шумно выдохнуть, взять автомат на изготовку и шагнуть в портал.

Внутри овала было холодно. Жутко холодно, так что я моментально промерз до позвоночника. Еще немного – и в ледяную статую бы превратился. Но все же, преодолевая окоченение, я со скрипом в суставах сделал еще один шаг – и оказался на поляне, поросшей вполне себе нормальной травой, правда, фиолетового цвета.

Рядом со мной стоял Иван с выражением изрядного офигения на лице. Думаю, на моей физиономии сейчас стремительно формировалось такое же, ибо было с чего.

Для начала, мой двойник отбрасывал три тени, так как в небе над поляной висело два солнца. Одно здоровенное, в полнеба, слегка тусклое, как лампочка в фонаре с подсевшей батареей. И второе – сильно меньше первого, яркое, белое, с сиянием как у ламп дневного света. А еще между этими солнцами комета зависла, крупная, не меньше второго солнца, с роскошным светящимся хвостом. Оттого и три тени, м-да... Что ж тут, блин, непонятного. Все просто. Два солнца и комета...

И это еще не все.

По периметру поляны были расставлены – или, правильнее, развешены в воздухе – такие же овалы, по форме как тот, из которого мы с Иваном вывалились. Разные по цветам и размерам, примерно от полутора метров в высоту до двух с половиной. Много овалов, штук двадцать, может, больше. Точно не посчитать, так как обзор противоположной части поляны загромождала большая кузница с пристройками.

То, что это кузница, сомнений не было. Воняла она правильно – разогретым металлом, испарившимся маслом, горелым углем. Ну и перезвон в кузне стоял соответствующий – звонкий «дзынь» маленького молоточка и следом тяжелый «бабах!» здоровенного молота.

– Интересно было бы узнать, в какую это хрень нас занесло на этот раз, – слегка растерянным голосом произнес Иван, практически дословно озвучив мои мысли.

И получил ответ.

– Вас занесло на Распутье Миров, – проговорил чей-то бесстрастный голос рядом с нами. – А теперь стволы убрали, развернулись и свалили туда, откуда пришли.

– С чего это? – поинтересовался я.

– С того, что перед тем, как вы тут появились, из вашей двери патрон вылетел и взорвался, – терпеливо ответил голос. – Значит, вы новички на Распутье, от которых всегда одни проблемы. Потому предлагаю уйти по-хорошему.

– А если по-плохому? – спросил Иван, как и я, прислушиваясь к голосу, который хоть и разносился шелестящим эхом по всей поляне, но определенно шел из одного конкретного места.

Послышался вздох. Так обреченно выдыхают воздух веганы, которых зверски достала назойливая муха – настолько, что они наконец решились ее прихлопнуть. А потом воздух перед нами начал сгущаться и светлеть, быстро превращаясь в светящийся шар размером с волейбольный мяч. И лысому ежу понятно: когда тебя в Зоне вежливо попросили уйти, а ты не ушел, это значит, что тебя сейчас начнут убивать.

Противник был невидим, но какая разница? Ясно же, что это он нечто вроде фаерболла формирует. И когда сформирует, у нас с Иваном наверняка появится одна головная боль на двоих.

Потому мы, не сговариваясь, резко сместились – я вправо, он влево – и начали стрелять в невидимого вежливого собеседника. Вернее, в то место, где он теоретически мог стоять.

Однако толку от той стрельбы никакого не случилось. Я видел, как очередь прочертила убедительный пунктир под шаром, но пули словно воду расстреляли. По пространству позади фаерболла лишь мелкая рябь прошла – и все...

Плохо дело. По ходу, производителю шаровых молний наши расстрелы были как слону дробина – от очереди Ивана тоже толку не прибавилось.

А фаербол тем временем превратился в маленькую копию белого солнца, которая пришла в движение и резко метнулась в мою сторону.

Я был готов к чему-то подобному. Короткой очередью резанул по шару, одновременно смещаясь в сторону.

Подействовало.

Мои пули для летающей аномалии оказались более действенными, чем для ее создателя. По крайней мере, траекторию этому шару я сбил – он под углом вошел в землю, прочертил в ней черную борозду и вновь взмыл вверх.

Понятно. Судя по воню от мгновенно сгоревшей фиолетовой травы, температура у фаербола была мама не горюй... Если такой руки или ноги коснется, от конечности моментально одна головешка останется.

Потерпев неудачу со мной, шар метнулся к Ивану, но тот оказался шустрым – весь в меня! Кувыркнулся вбок, дал длинную очередь по летающему противнику, аж брызнули во все стороны свинцовые капли от мгновенно расплавившихся пуль. И тоже шару траекторию сбил, причем так ловко, что тот врезался ни много ни мало – в своего создателя, который на мгновение от неожиданности потерял невидимость.

Это был ктулху. Здоровенный, из тех, что живут на болотах, и заметно крупнее своих собратьев, шарящихся по Зоне. У этого еще лапы были необычные: пальцы несоразмерно длинные, с мощными когтями, и этими лапами мутант сейчас уже вертел прямо из воздуха второй фаербол...

Но недовертел. Свое же оружие врезалось ему в башку, отчего ктулху покачнулся и недоделанный следующий огненный шар из лап выронил.

В принципе, завалить обычного ктулху из двух «калашей» – дело реальное, если знаешь, куда стрелять. Но болотного... У него височная кость толще, чем лобная у кабана-мутанта, от которой пули отскакивают. Но когда припрет и понимаешь, что отступать некуда, можно попробовать – после смены разряженных магазинов на снаряженные. Если успеем, конечно, так как у Ивана тоже автомат пустой, а с какой скоростью в случае чего умеют двигаться болотные ктулху, я знаю не понаслышке.

Он и рванулся ко мне, занося когтистую лапу, чтоб одним ударом мне башку снести, и я уже понимал – ни фиги я не успеваю, доли секунды не хватит. Вогнать магазин в шахту – да, получится. Патрон дослать – наверно... А вот направить ствол в раззявленную пасть, в эти растопыренные во все стороны щупальца, и на спуск нажать – уже никак...

Но как раз за ту самую долю секунды до моей неминуемой гибели над поляной разнесся не крик, нет. Рев! Так бы, наверно, два белых медведя могли хором прорычать, если б говорить умели:

– Хорррош барррагозить!!!

И так знатно тот рев на всех нас подействовал! Мне лично до обоих мозгов достал, и до головного, и до спинного, прям от макушки до копчика. И, по ходу, не только мне. Все трое участников «барагоза» застыли на месте – Иван, целящийся мутанту в затылок, мутант с растопыренными щуплами и лапой, занесенной над головой, и я, тянущий на себя затвор и не способный его отпустить, ибо непросто это, когда все тело будто парализованное...

– Осознали?

На этот раз рык был одноголосый и потише немного. Похоже, это все-таки человеческий голос был, а не медведя, мутировавшего из косолапого в люди.

Вопрос был чисто риторический. Мы-то с Иваном точно осознали, ибо холод, внезапно овладевший нашими телами, достиг глаз, и я был уверен – еще немного, и они превратятся в ледышки. А вот осознал ли ктулху – вопрос...

Но выхода не было, потому я протолкнул через одеревеневшее горло слегка озвученный выдох согласия, ибо на большее оказался не способен:

– Ыгы...

– Вижу, осознали, – сказал второй голос. – Отпускай их, Шаман.

– Чет сомнение имею, что осознали, – недовольно произнес первый. – Вечно ты, Медведь, за всех заступаешься. По мне б, закинуть их в Четвертый мир на перевоспитание. Или в Одиннадцатый.

– В Четвертом их не перевоспитают, а заживо съедят, сам же знаешь, – резонно возразил тот, кого назвали Медведем. – А в Одиннадцатом раздавят кьехной во славу глиняного бога. Ну, а остальные миры эти двое сами перевоспитают. Я, кажись, знаю, кто такие к нам пожаловали. Это, похоже, две сущности того хомо, что всю Розу Миров недавно встряхнул так, что едва не порвал границы вселенных.

– Да ладно? – недоверчиво воскликнул Шаман. – Так, может, их тогда просто в болоте утопить, из которого они вылезли? Для

профилактики?

Пока эти двое трепались, у меня стремительно заканчивалось терпение. И зрение. Я уже застывшего ктулху видел как сквозь покрытое наледью оконное стекло, вдобавок ощущая, как глазные яблоки, промораживаясь, легонько потрескивают изнутри...

– Отпускай, – сказал Медведь. – Нарушишь Равновесие, убив ключевых персонажей, огребем от Мироздания по полной. Причем оба. Ты за то, что убил, а я за то, что допустил такое убийство.

– Ладно, твоя взяла, – вздохнул Шаман. – У меня иногда ощущение, что ты мне не брат родной, а Координатор, приставленный, чтоб за каждым моим шагом следить.

...Ледяной ступор отпустил мгновенно. Я рухнул на землю, словно безвольный кусок мяса после разморозки. Мышцы почти не слушались, но я все-таки нашел в себе силы и, изрядно напрягшись, повернул голову.

Они были похожи один на другого, как могут быть похожи только братья. Здоровенные, ширина плеч у каждого нереальная – оно и понятно, кузнецы худосочными дрищами не бывают. Ручищи – ну на фиг с таким здороваться. Сожмет чуть покрепче, и вместо кисти будет бесформенный кусок плоти с кучей сломанных косточек внутри. На лица вроде разные, но общие черты имеются. Ну и похожести добавляла чернота, намертво въевшаяся в кожу после долгого общения с кузницей, окалиной горячего металла и копотью от сгоревшего угля.

– Ну и чего вам тут надо, хомо? – поинтересовался тот, кого, судя по голосу, второй брат называл Шаманом.

– Помощи... попросить пришли, – выдавил я из себя.

– Угу, – кивнул второй брат по кличке Медведь. – Такое, наверно, от почтения к этому сакральному месту обычно случается – ввалились и давай Шахха, стража нашего, из автоматов расстреливать.

Я уже с чуть меньшим усилием повернул голову на шорох: то болотный ктулху по имени Шахх поднимался с земли, и его глаза, горящие алым огнем, не предвещали ничего хорошего.

– Он, между прочим, первый начал, – сказал Иван, с трудом вставший на одно колено – и то потому, что прикладом автомата в землю уперся и за ствол держится. Суровый, однако, отходняк после голосовой атаки Шамана, вон даже Шахху несладко пришлось – подняться поднялся, но шатает его неслабо. Но одно понятно: и в

таком состоянии скажут кузнецы нас порвать – порвет запросто. Просто команды ждет, недвусмысленно сжимая пальцы в кулаки и разжимая. Типа, разминается после ледяной атаки.

– Нам параллельно, кто первый начал, – заметил Шаман. – Еще раз барагозить начнете на Распутье, лед отзывать не буду. Заморожу как пельмени и выставлю возле кузни другим в назидание. Поняли?

– Ага, – хором буркнули мы с Иваном. По ходу, ни фиги не пустая угроза.

– И все же – зачем пришли? – поинтересовался Медведь. – Вижу, вы не из «Борга». Тогда откуда?

Ну, я и рассказал все.

– Дела, – покачал головой Шаман. – Бывает же. Ладно, показывайте, что там с вашими ножами.

Мы показали. Кузнецы задумчиво покрутили в руках обломки «Бритвы» и «Монумента».

– Ну, что думаешь? – поинтересовался Медведь у брата.

Тот пожал плечами.

– Думаю, поправить можно. Оптимально, конечно, тигельным способом. Плавить обломки часов шесть, потом аккуратно расковать. Но сам видишь, внутри этих ножей живые сущности, бьются о стенки разломов. Если плавить, они все погибнут, нельзя такое на себя брать.

– Значит, остается только кузнечной сваркой, – сказал Медведь. – Тогда сущности сохраним, им нагрев без плавки как нам в баню сходить. Но от рукоятей по-любому ничего не останется, обратно с теми же, что были, не смонтируем.

– Что предлагаешь? – поинтересовался Шаман. – По рукоятям ты у нас спец.

– Рукояти для таких ножей можно сделать из застывших аномалий Четвертого мира, – отозвался Медведь. – Вот этому я б черную сделал, из «вороньего камня». А этому – из «жары» хорошо подошла бы.

– А, еще момент, – заметил Шаман. – Чтоб сохранить форму и массу клинков в процессековки, нужно материал добавить. Идеально подойдет кусок мертвого гравиконцентрата. Опасная аномалия, конечно, хуже живого, но оно того стоит.

– Согласен, – кивнул Медведь. – Ну и за работу с легендарного сталкера и его воплощения возьмем всего ничего. Думаю, три «алмаза» за два ножа вполне справедливая цена.

Мы с Иваном переглянулись. Половину названий тех отходов мира «мусорщиков», что назвал Медведь, я слышал впервые. По ходу, Иван тоже.

– Извиняюсь, а Четвертый мир – это тот, где нас заживо съедят? – уточнил я.

– Если боитесь – не ходите, – пожал плечами Медведь. – Просто это единственное место, где можно реально взять все необходимое. Четвертый мир «мусорщики» завалили своими отходами полностью. Они б еще туда свою грязь сыпали, но там от зашкаливающего аномального излучения начало зарождаться такое, что даже они предпочли больше туда не соваться. Вижу, вам некоторые артефакты с аномалиями незнакомы, но мы с братом все расскажем, как что выглядит и где это проще взять.

– Проще стража с ними послать, он все и покажет, и расскажет, – сказал Шаман.

Болотный ктулху перестал смотреть на меня зверем, повернул морду в сторону кузнеца и выпучил глаза.

– Я? С ними?! Да они в меня стреляли, убить хотели! Очнись, хозяин, это ж просто подлые хомо, с которыми у нас нет соглашения...

– Будет, – пожал плечами Медведь. – С боргами заключили, и с этими заключим.

– Не пойду, – решительно мотнул головой ктулху, аж щупла по ушным раковинам хлестанули. – Хоть убейте.

– погоди, – сказал я. – Как тебя звать? Шахх?

– Ну допустим, – прорычал ктулху, который по-русски говорил так же свободно, как и я, – видать, разработчики этого мутанта позаботились о том, чтоб оставить биологической боевой машине все лучшие человеческие качества.

– А не знаешь ли ты ктулху по имени Хащц?

– А ты с какой целью интересуешься?

Ишь ты. Мутант, да еще и приклатненный...

– Уж больно у вас имена созвучные.

– Ну, слышал о таком, – осторожно, словно прощупывая лапой минное поле, произнес Шахх. – И даже пересекались как-то. Хороший воин, хоть и из мелких. К чему вопрос?

– Да просто он мой хороший друг, – сказал я, подозревая, что, возможно, соврал – уж слишком неоднозначно мы расстались с ним на

той поляне, где он нашел себе самочку^[4].

– Друг, говоришь, – задумчиво произнес мутант. – Ну, если Хащц твой друг, значит, ты не самый подлый хомо в тридцати двух мирах... Ладно, схожу я с вами в Четвертый. Но помните: делать будете только то, что я скажу, иначе сдохнете быстрее, чем я успею чихнуть. Все поняли?

– А то, – одновременно произнесли мы с Иваном. М-да, как ни крути, а общего у нас с ним много, в том числе и лексикон.

* * *

Кузнецы оказались, в общем, мужиками неплохими, пусть даже и не совсем людьми. А может, и не людьми вовсе – на Руси издавна кузнецов считали персонажами, не только запросто общающимися с потусторонними силами. Им и самим приписывали сверхъестественные способности, что наши новые знакомые с успехом на нас и продемонстрировали.

В кузницу нас не пригласили, думаю, не случайно – нефиг всяким посторонним хомо переступать порог сакрального места, где творится волшебство прямого общения с металлом. Зато нам предложили пройти в «клеть», оказавшуюся самым настоящим арсеналом. Причем в «клетке» присутствовало как современное стрелковое и холодное оружие, так и средневековое – мечи, копья, палицы, которые, судя по виду, хрен от пола оторвешь двумя руками.

Было здесь и оружие «мусорщиков» – «смерть-лампы» винтовочного и пистолетного образца и даже невиданное мною ранее приспособление. Что-то типа гранатомета из той же серии с барабанным магазином, снаряженным вытянутыми «пустышками», заполненными уже знакомыми мне ярко-синими энергетическими зарядами.

А также вообще невообразимые штуковины присутствовали, точно не для стрельбы руками. Может, гигантскому осьминогу они бы подошли, уж больно причудливые, ни на что не похожие формы были у этих штуковин.

– Чего только из разных миров не натащат на починку или реализацию, – сказал Медведь, проследив мой взгляд.

– А вы тут типа всемирных дилеров оружия и снаряжения? – поинтересовался я.

– Называй как хочешь, – хмыкнул Шаман. – Во всех вселенных Розы Миров все продается и покупается, и междумирье – не исключение. Причем торговцы преимущественно люди бессовестные. Поэтому мы не дилеры, как ты выразился, а мастера.

– И в чем отличие? – спросил Иван.

– В том, что мы не перепродаем чужое, а торгуем своей продукцией или же той, что сами отремонтировали, – отозвался Шаман. – То есть свои руки приложили, а не просто купили подешевле и продали подороже. А еще в совести, которая у нас присутствует. Можно было вас послать в Четвертый мир с тем, что у вас есть, и без провожатого. Вернетесь – хорошо, нет – и хрен с вами. Только шансы у вас на возврат были бы один к тысяче. А мы вам те шансы немного увеличим.

С этими словами Шаман снял со стены один из автоматов совершенно фантастического вида, которых там висело несколько штук. Короткий, словно обрез винтовки без ложа, ствол диаметром примерно как у охотничьего ружья двенадцатого калибра, магазина нет, спускового крючка нет, приклад напоминает то ли раскрытые торцевые кусачки, то ли лапу какого-то зверя, приготовившегося к атаке. И слегка шевелится, м-да...

– При контакте с плечом оно в него встет, – просто сказал Медведь. – Временно. Прицел будет управляться вашими глазами – куда смотрите, туда и выстрелит по мысленной команде.

И, предупреждая вопрос, пояснил:

– Обычное оружие у вас сразу попытаются отнять. И, скорее всего, отнимут. Да оно и бесполезно в Четвертом, там по-другому все, сами увидите. А тут будет шанс отбиться.

– Ну, а что с патронами? – спросил я.

– Перезарядка автоматическая, – сказал Медведь. – Пока в вас заряды не закончатся.

– Ты хотел сказать «у нас»? – уточнил Иван.

– Нет.

Мы с Иваном переглянулись.

– В смысле «нет»?

Вместо ответа Шаман достал из какой-то бочки гладкого червя, похожего на длинную сосиску, состоящую из полупрозрачных сегментов, по консистенции напоминающих мягкий лед.

– Это придется проглотить, – сказал кузнец. – С квасом нормально проскочит. В одном черве двадцать зарядов, но лучше заглотишь двух. Будет сорок. Сорока должно хватить.

Пока он говорил, червь неторопливо обвился вокруг его руки. Шаман поморщился, стащил его с предплечья как перчатку.

– Холодный, зараза. И скользкий. Тьфу. Тот случай, когда пакость хоть и пакость каких поискать, но, блин, полезная.

– А... без этого никак? – скривился Иван, и я его прекрасно понимаю: у меня тоже желудок заранее скрючился, как только я представил, что запихиваю в себя эдакую тварь.

– Да запросто, – пожал плечами кузнец. – Только, думаю, вам проще будет Шахх попросить, чтоб он ваши головы поотрывал. Так и быстрее будет, и почти не больно. В Четвертом обычно отважные и безгильвые хомо вроде вас умирают долго и мучительно.

Пока мы с Иваном на двоих строили кислые рожи, Шахх подошел к бочке, выудил оттуда трех червей, заглоти их одного за другим, после чего открыл кран, нависший над бочкой, и принялся хлебать бьющую из него черную жидкость. Нахлебался, утер ротовые щупальца когтистой ладонью, и сказал:

– С квасом нормально. Не бойсь, хомо. Лучше нажраться самому всякой гадости, чем потом всякая гадость будет жрать тебя.

Аргумент был убойный. Мы с Иваном одновременно вздохнули и шагнули к бочке.

– Ну и правильно, – сказал Медведь. – Ща, погодите.

Из-за бочки он достал две кружки, объемом литра по два каждая, наполнил их квасом, протянул нам.

– В принципе, червей можно откусывать как сосиски, но строго по сегментам. Если вам так проще, конечно.

Нам было проще. Я б точно тут же сблевал, если б попытался, как Шахх, проглотить эту тварь целиком. Потому мы с Иваном, давась до слез, минут пятнадцать отгрызали куски извивающихся червяков и пропихивали их в себя через пищевод, представляя, что заправляемся сардельками. Если б не довольно вкусный квас, процесс, скорее всего,

не случился бы. А так все срослось. У меня. Иван докусал второго червя до половины и выдохнул:

– Все, больше не могу. Еще один патрон, и точно буду блевать дальше, чем вижу.

Шахх усмехнулся.

– Для хомо вы еще неплохо держитесь. Некоторых начинает выворачивать от одного вида зарядов к вормгану.

– Наше с братом изобретение, кстати, – сказал Медведь. – Синтез биоморфов Седьмого мира и технологий этого.

– А никак нельзя было тех червяков снаружи оставить? – проговорил Иван, морщась и отплевываясь.

– Можно, конечно, – пожал плечами кузнец. – Была у нас и такая модификация. Отказались от нее. Неудобно, когда ворм-магазин впереди тебя болтается. Перевешивает вперед. К тому же черви всегда голодные, будут пытаться обвиться вокруг шеи и задушить. Ну что, готовы? Крепим вормганы?

Мы с Иваном хором кивнули. Медведь снял со стены второй жуткий автомат, подошел ко мне, поднес к горлу...

Я хотел было напомнить, что вроде в плечо оно должно было врасти, но опоздал.

Живой приклад, едва коснувшись моей шеи, обвился вокруг нее воротником так, что ствол оказался у меня под подбородком. А потом я почувствовал резкую боль в области кадыка, словно его пробили насквозь широкой стамеской.

– Извини, – пожал плечами Медведь. – Ну сам подумай: патроны в желудке, а ружье на плече. Логики никакой. А что мы вам немного наврали, так это для вашего же спокойствия. Обычно люди, когда узнают всю суть вормгана, отказываются от интеграции его в себя. Но мы с братом сразу поняли, что вы настроены серьезно, потому сейчас делаем все возможное, чтобы вам помочь.

– Спасибо... мать вашу, – прохрипел я, ощущая в горле шевелящееся инородное тело.

– Ну и отлично, – улыбнулся Медведь, отодвигаясь в сторону и открывая обзор.

Ага, понятно. По ходу, Шаман втирал Ивану то же самое, так как у моего двойника глаза были выпучены, лицо красное, а шею обвивал живой, слегка шевелящийся воротник, медленно погружающийся в

кожу. И в зеркало смотреться не надо, сразу понятно, что я так же выгляжу. Совершенно жуткая, иррациональная картина, выбивающаяся за рамки нормального человеческого восприятия. Хотя...

Взять тот же мир «мусорщиков», который я пару раз видел через порталы, из которых в наш мир выбрасываются аномалии и артефакты. Совершенно там все другое. Абстракция, не укладывающаяся в человеческой голове. И что тогда удивительного, если эти два кузнеца, только с виду выглядящие как люди, вытащили из похожих миров такие вот абстракции, присобачили к ним стволы и решили, что использовать человеческие желудки в качестве магазинов для оружия, а пищеводы в качестве стволов не такая уж плохая идея.

– Вот еще возьми, – прервал мои размышления Медведь, протягивая мне двусторонний лабрис – обоюдоострый топорик с «головой», похожей на расправленные крылья бабочки. Одно лезвие топора полыхало ярким огнем, того и гляди полностью расплавится и потечет. Второе было покрыто изморозью.

– Аккуратней с ним, дорогая вещь, – сказал Медведь. – Из двух аномалий откована и стабилизирована. То, что в Четвертом мире горячее, – руби ледяным лезвием, остальное можно огненным. Смотри не перепутай. Ледяным ничего нельзя рубить, кроме огня. И с огненным поаккуратнее будь, чтоб не спалить там все.

– Понял, – кивнул я – и поморщился, так как ствол «автомата», похоже, еще не до конца интегрировался в мою пищеварительную систему. Надеюсь, когда он там устроится поудобнее, пропадет ощущение, что я подавился черствой хлебной коркой.

Лабрис оказался неожиданно легким, хотя выглядел впечатляюще массивным. Оно и понятно, не из металла ж выкован, а из аномалий. Вот уж не знал, что из этих смертоносных порождений мира «мусорщиков» можно делать всякие штуки, как из обычных железок.

Когда я оторвал взгляд от своего нового оружия, обнаружилось, что у Ивана и Шахха в руках такие же лабрисы. Думается, у кузнецов имеется свой неслабый интерес в Четвертом мире, если они снабжают первых встречных таким оружием. Или же им эдакий топор отковать так же сложно, как нам в носу поковыряться. Непросто бывает порой с ходу понять истинную ценность того, что увидел впервые.

– Ну что, Шахх, покажешь «отмычкам», как нашим оружием пользоваться? – усмехнулся Шаман.

– Запросто, – осклабился ктулху, продемонстрировав, что кроме ротовых щупалец внутри его пасти еще и зубы имеются. Неприятное зрелище, когда половина тех щупалец вверх отъезжает, а половина вниз. Во сне увидишь – лабрисом не отмашешься.

Шаман подкинул вверх пустую кружку из-под кваса. Мутант проводил ее взглядом. И когда кружка, достигнув верхней точки траектории, начала падать, Шахх небрежно харкнул. Из пучка ротовых щупалец, благоразумно раздвинувшихся в стороны, вылетел студенистый комок и ударил в цель. Раздался звон, как от графина, разбившегося об кафельную плитку, и сверху брызнули осколки. Несколько кусочков кружки упало мне под ноги, и я увидел, что они покрыты снежно-белой паутиной инея.

– Лови! – рыкнул Медведь, и вторая кружка полетела прямо в морду мутанта.

Но тот не растерялся.

Махнул лабрисом – и еще одна посуда разлетелась на кусочки, похожие на рой светляков, разлетевшихся в стороны. Пара раскаленных осколков упала на подстилку из сена, отчего она немедленно полыхнула. Правда, горела недолго: предусмотрительный Медведь схватил кадку с водой и плеснул на пламя, которое, зашипев, погасло.

– Ты что, блин, кузню спалить решил? – нахмурился Шаман. – Какого хрена огненным лезвием бьешь? Правил не знаешь?

– Да я... это, – немного смутился Шахх. – Ну, типа «отмычкам» показывал возможности нового для них оружия.

М-да... Это, получается, мы с Иваном «отмычки». Забавно. Хотя... Так то, если мы впервые идем в незнакомую Зону, то да, самые мы «отмычки» и есть. По-другому и не скажешь.

– Нам бы тоже потренироваться не мешало, – сказал я, кривясь от неприятного урчания в желудке.

– Нечего там тренировать, – отрезал Шахх. – Навел мысленно, пасть разинул и мысленно же выстрелил. Все. У вас и так патронов в обрез, а в Четвертом они понадобятся.

– Ладно, на фиг так на фиг, – кивнул Иван. – Понято, принято. Подыхать без тренировки не так обидно, чем с ней, – в процессе

сдыхания не будет тупых мыслей «на кой я тренировался?».

– Что принести из Четвертого, запомнили? – спросил Шаман, которому, по ходу, надоели наши разговоры.

Я пожал плечами.

– Названия запомнили, а как оно выглядит, на месте разберемся.

– Правильный ответ, – кивнул Медведь. – Рюкзаки и все, без чего можно обойтись, лучше здесь оставьте, там вам понадобится сила и скорость.

Мы с Иваном спорить не стали. После подкормки червями есть точно не хотелось, после двухлитровой кружки кваса пить – тоже. С остальным как-нибудь на месте разберемся.

– Автоматы тоже можете оставить, – сказал Шаман. – Вормганов и лабрисов, думаю, будет достаточно.

– Ну уж нет, – сказал я. – Привычное оружие лучше пусть с нами будет.

Кузнец усмехнулся.

– Ну, тогда остается только пожелать вам вернуться живыми и целыми, что удастся далеко не каждому путешественнику в Четвертый мир.

– Вдохновляющее напутствие, – недовольно проворчал Иван, с которым я уже в который раз был полностью согласен.

* * *

– Ну, помоги нам, Зона, – выдохнул Шахх – и шагнул в зеркало, висящее в нескольких сантиметрах над землей. Мы с Иваном сделали то же самое.

На этот раз ощущение было, словно я в доменную печь вошел. Казалось, еще мгновение, и у меня кровь в жилах закипит, глаза лопнут и мозг расплавится...

Но, к счастью, ощущение было недолгим. Я сделал еще шаг – и стало полегче.

Ненамного.

Здесь было жарко. Очень. Красное марево висело над землей...

Над землей ли?

Земли видно не было. Все вокруг, насколько хватало глаз, было завалено артефактами – в основном недорогими, типа «этаков» или «зуд». Но мой опытный глаз тут же выхватил пару существенных, каждый из которых на Большой земле можно было запросто поменять на новенькую иномарку.

Было немало и таких артов, которые я вообще никогда не видел.

А еще здесь было много аномалий, которых в таком количестве я не встречал даже в самых страшных уголках нашей Зоны. Смерчи «веселых призраков» зависли над горами артефактов, словно стервятники, высматривающие добычу. Толстые «огненные столбы», покачиваясь, медленно двигались над этим клондайком сокровищ, нагнетая жару, благодаря которой они и получили свое название. Над целыми плантациями «изумрудного мха», потрескивая молниями, зависли крупные «электроды», готовые поджарить любое живое существо, до которого смогут дотянуться.

И, опять же, было вокруг немало аномалий, которых я ни разу не встречал в Чернобыльской Зоне. Одна похожая на колышущийся черный столб, свитый из колючей проволоки. Другая – бесформенная масса, смахивающая на трепещущий, окровавленный кусок мяса величиной с автомобиль, вырванный из тела какого-то динозавра. Чуть дальше еще одна, напоминающая фигуру человека, слепленную из пепла, – а может, это и был когда-то человек, из-за собственной жадности на свою беду пробравшийся в этот кошмарный мир и оставшийся здесь навеки. Зов хабара мне всегда напоминал голос Монуменга, назойливо приглашающий подойти поближе за главным призом своей жизни, которым чаще всего оказывается смерть...

А над всем этим ужасом раскинулось небо цвета крови, разлитой по поверхности огромной грязной лужи, по которому струились какие-то гигантские линии, похожие на шрамы от недавно заживших ран...

– Веселенькое местечко, – пробормотал Иван.

– Тихо! – прошипел Шахх. – Разбудишь их.

И тут же добавил с досадой в голосе:

– Поздно. Уже разбудил.

...Они медленно отлеплялись от земли и плавно взмывали в воздух. Алые, местами рваные полотнища размером с простыню двуспальной кровати, кровавые тряпки без намеков на крылья, но с

немигающими глазами, хаотично разбросанными тут и там по поверхности этих полотнищ.

Их было штук двадцать, не меньше, – то ли мутантов, то ли аномалий, валяющихся среди гор артефактов как обычный мусор. Похоже, они и правда спали до нашего появления и сейчас, в буквальном смысле слова продрав глаза сквозь пелену собственных тел, спросонья приняли твердое коллективное решение перекусить. И разом ринулись на нас.

– Стреляйте! – заорал Шахх и первым харкнул в самое шустрое полотнище. Тварь, почуяв опасность, попыталась резко уйти влево, но наткнулась на такого же голодного сотоварища и, замешкавшись, получила плевок ктулху прямо в центр своей «простыни».

Получилось эпично, хоть комиксы с этой картины рисуй. Полотнище просто разорвало на несколько крупных кусков, которые на мгновение зависли в воздухе перед тем, как со смачными шлепками попадать вниз.

Все это я фиксировал как бы одной частью сознания. Незначительной. Так как значительная была очень занята спасением собственной шкуры. Потому что других алых тряпок с глазами несло к нам более чем до фи́га.

Понимая, что, пока я убью одну, другие точно успеют дотянуться до моей тушки, сдаваться я не собирался. И, не очень-то надеясь, что изобретение кузнецов сработает, представил, как убиваю ближайшую тварь...

И чуть сознание не потерял от боли, когда из моего желудка выскочил раздувшийся кусок слизи величиной с детский кулак, пролетел через пищевод и, по пути неслабо долбанув трахею, покинул мой организм со скоростью если не пули, то точно камня, вылетевшего из рогатки.

На полотнище, перед атакой растопырившееся по максимуму и летящее ко мне, попадание снаряда подействовало круто. Его также разорвало на мелкие части, но поскольку оно лопнуло в полуметре от меня, пара мелких обрывков упали на мою руку.

Кожа моментально зашипела и вздулась. По ощущениям, если не прожжет до кости, то волдырь по-любому будет величиной со шляпку взрослого мухомора.

Но заниматься ожогом времени не было — я лишь смахнул рукавом огненные лоскуты и рубанул лабрисом по следующему полотнищу, явно нацелившемся мне в лицо.

Блин, без толку! Топор хоть и сбил полет твари, но завяз в ней, и теперь она лупила по нему, словно летучая мышь крыльями...

— Холодом бей! — ворвался в мои уши рев Шахха. — Холодом, мать твою!!!

Твою ж душу... В горячке боя я и не подумал, что огненных элементариев убивать надо противоположной стихией... Ладно, если выживем — исправимся.

Рывком уклонившись от атаки очередной твари, я мысленно зажмурился и вторым желудочным извержением сшиб с топора прилипшее к нему полотнище. И уж следующим ударом, перевернув в руке лабрис и увернувшись от очередной атаки, ледяным лезвием разрубил очередную тварь напополам.

Мы стреляли, уворачивались, рубили и стреляли вновь. Горло уже не болело — я его вообще не чувствовал, словно оно было под анестезией. Плевать, что там с ним, похрен, что там с рукой. Главное — что сейчас я жил полной жизнью, по-настоящему, так, как никогда не понять тому, кто сроду не получил ни от кого по морде и никому сам ни разу не втащил в челюсть. Тому, кто не ощущал радости попадания своей пули во врага, который собирался тебя убить, тому, кто не чувствовал, как топор упруго проходит сквозь плоть твари, атаковавшей тебя и в результате сдохшей от твоей руки. Я вертелся, падал на колени, уходил от ударов, бил сам — и, наверно, сейчас был счастлив тем мерзким, иррациональным счастьем воина, радующегося чужой смерти и совершенно безразличного к собственной...

Краем глаза я порой ловил мгновения чужих схваток: Иван, мастерски отбивающийся сразу от трех тварей, Шахх, рубящий налево и направо левой лапой, в то время как правую почти до локтя обвил алое полотнище, — но в подобных схватках личные битвы других воспринимаются очень размыто. Ибо сам ты живешь внутри своей, смакуя мгновения. Они придут позже, боль и осознание, какая же ты сволочь, что кайфуешь от подобного. Не сейчас. Потому что сейчас — только мое время воина. Только мое кривое, уродливое, извращенное счастье...

Которое тоже всегда заканчивается.

Победой, раной, увечьем – или смертью.

Но на этот раз нам выпала победа!

Внезапно я осознал, что рубить больше некого и стрелять не в кого. Повсюду вокруг валялись останки наших врагов, похожие на обрывки смятых, окровавленных бинтов. У некоторых из них были еще целы глаза, которые просто смотрели на нас, медленно покрываясь мутной пленкой смерти. Жуткое зрелище...

Впрочем, не менее жутко выглядела моя рука, на которой вздулись огромные волдыри – и которая с каждой секундой болела все сильнее. Это в горячке боя, на адреналине боль не чувствуется. Но после битвы она приходит во всей своей красе...

Кстати, досталось не только мне. Ивану повезло, он обошелся без потерь. А вот Шахх попал знатно.

Алое полотнище обвилось вокруг его лапы и сейчас просто пожирало ее, впитывая в себя живую плоть. Видно было, как лапа становится тоньше, а полотнище разбухает, словно брюхо у кормящегося комара...

– Чего делать будем? – поинтересовался Иван. – Может, эту живую тряпку разрезать вдоль и снять?

– Не получится, – прохрипел Шахх, морда которого стала серой от боли. – Она не просто приросла, она уже часть меня. И если это не остановить, она сожрет меня заживо всего.

Он встал на колени, потом лег. Вытянул лапу и, отвернув голову в сторону, глухо сказал:

– Руби.

– Что рубить? – не понял Иван.

– Пофиг уже что, – отозвался ктулху. – Можешь башку. Но лучше лапу. Чуть ниже сустава, чуть выше этой пакости. Попадешь?

– Попробую, – сказал Иван, становясь на одно колено.

– Ледяным лезвием бей, – сказал Шахх. – Огненным не надо. Не перепутай, инвалидом жить не хочу.

Я не совсем понял, как инвалидность связана с тем, какой стороной топора отчеккрыжить конечность, но ктулху, по ходу, лучше нас знал и эту вселенную, и Распутье Миров, и оружие кузнецов – стало быть, ему виднее.

Сперва у меня закралось некоторое сомнение, что Иван попадет куда надо, но я тут же его отбросил. Это ж как в себе сомневаться.

Если б не волдыри, продолжающие раздуваться, из-за которых пальцев уже не видно, думаю, я бы не промахнулся.

И мой двойник тоже не промазал.

Лабрис взлетел вверх, резко опустился вниз. Раздался хруст, лапа, обмотанная пульсирующей алой тряпкой, отлетела в сторону, а на землю, усыпанную артефактами, из обрубка хлынула черная кровь.

Правда, кровотечение почти сразу прекратилось, так как культя затянулась инеем. Ясно. По ходу, ктулху и правда досконально знал особенности оружия кузнецов.

Шахх с трудом поднялся, посмотрел на свою отрубленную лапу и полотнище, продолжающее ее пожирать, – и резко харкнул горлом.

Отрубленная конечность и пакость, к ней присосавшаяся, взорвались алыми брызгами, словно арбуз, по которому ударили бейсбольной битой.

– Сволочи, – прошипел Шахх. – Собираются стаями возле порталов и ждут, пока оттуда кто-то выйдет.

– И что, по-другому никак мимо них не пройти, только битва? – спросил я.

– Если очень тихо лапы переставлять, то можно – они в основном на слух полагаются, видят неважно, – сказал ктулху. – Но сегодня это был не наш случай.

– Мои извинения, – буркнул Иван. И сразу быканул: – Предупредить не судьба была?

– Проехали, – махнул Шахх свежей культей. – Так-то я еще ни разу не слышал, чтоб мимо этих тварей кто-то просочился. Чаще все вот так заканчивается.

Он кивнул на статую из пепла.

– Или сжирают, или сжигают. Третьего не дано.

– Почему ж не дано, – пожал плечами Иван. – Вон как мы их лихо покروшили.

Шахх зло зыркнул на сталкера.

– Сдается мне, что ты не только самая везучая, но и самая тупая его копия.

Он кивнул на меня.

– Я лапы лишился, он того и гляди без руки останется. А ты тут про лихость задвигаешь.

– Ладно, не кипятись, – примирительно проговорил Иван, типа не обидевшись на «тупую копию». Это правильно, на инвалидов не обижаются. Это не инвалиду за такое вполне простительно пощупальцам с размаху лабрисом заехать, если не лезвием, то плоскостью точно. А если покалеченная разумная тварь тебя обзывает, то бить ее нехорошо. Хотя хочется, я это по желвакам Ивана понял. Но бесись, не бесись, а дело делать надо.

– Что с его рукой делать? – спросил он, кивнув на мою конечность, с виду уже похожую на кровавый пузырь. – Тоже рубить?

Шахх поморщился.

– Ты и правда тупой, хомо. У меня-то грабля отрастет, а у него – вряд ли. Вскрывай нарывы огненным лезвием, глядишь, и обойдется.

– А если не обойдется? – осторожно поинтересовался я.

– Значит, будешь учиться левой рукой задницу вытирать, – пожал плечами вредный ктулху, которому мне тоже очень захотелось двинуть чем-нибудь тяжелым промеж глаз. Правда, вряд ли его это впечатлит. Ему, по ходу, если только в харю из вормгана харкнуть, тогда, может, до него дойдет, что языком молоть надо, сперва подумав, не оскорбит ли кого-то та молотьба. Людей таких встречал не раз, теперь вот оказывается, и ктулху такие бывают...

Мысли эти я гонял в голове, видя, как ко мне приближается Иван, держа наготове лабрис. Перед тем, как тебе топором будут руку вскрывать, лучше думать о чем-то сильно постороннем. Например, о хамоватых живых существах, которых лечить от их хамства, к сожалению, получается в основном только свинцовой пилюлей, другие методы срабатывают крайне редко...

Бллляхамуха!

Иван церемониться не стал – резанул огненным лезвием от души, рассек кровавый пузырь, в который превратилась моя рука, от локтя до пальцев. И предусмотрительно шагнул в сторону, так как хлестануло из широченной раны, как из порванного пожарного брандспойта.

Я и не знал, что человеческая плоть способна за такое короткое время превратиться в мерзкую жидкую субстанцию. Однако – превратилась. Больно было так, что словами не передать, но боль вторична, когда видишь, как из того, что недавно было твоей рукой, хлещет кровавый кисель... Но еще большее офигение настигает, когда

осознаешь, что кроваво-гнильная пакость схлынула и от руки осталась лишь кость и кожа, грязным чулком свисающая с нее...

– Нормально, – тряхнув щуплами, кивнул Шахх. – Биомасса сошла, не успела трансформироваться. То есть шанс есть.

– На что шанс? – потрясенно проговорил я, разглядывая свою кость, местами облепленную жалкими остатками непереваренного мяса.

– На то, что твою граблю удастся починить, – сказал ктулху, поднимая с земли клочок разорванного красного полотнища с выбитым глазом, повисшим на тонком нерве. – В этой вселенной, как и в остальных, живое стремится убить живое. Но здесь порой мертвое лечит мертвое. Поэтому давайте, быстро оборачивайте кость разрубленной плотью летунов, пакуйте в кожу и пошли дальше, а то того и гляди новые летуны появятся, и тогда нам точно несдобровать.

...Это было люто, по-другому и не скажешь. Мы собирали осклизлые клочья разорванных красных полотнищ и оборачивали ими то, что осталось от моей руки. Даже в фантастическом романе эдакий сюжет вряд ли встретишь, слишком уж неправдоподобно было происходящее. И правда, такое не придумаешь, пока не попадешь в мир, где редчайшие артефакты там и тут валяются, за каждый из которых любой сталкер сам себе конечность отчекрыжит, чтоб потом остаток жизни прохлаждаться в домике на берегу речки, где специально обученная прислуга все что надо сделает и сволочей разных на пару километров в округе отстрелит из чего-нибудь крупнокалиберного...

И самая жуть была, что эти обрывки плоти, которые Иван с Шаххом мне на мертвую кость наматывали, местами шевелились. И даже пара сохранившихся глаз на меня смотреть пыталась, но я их на всякий случай острой частью ледяного лабриса проколол – еще не хватало, чтоб собственная рука за тобой подсматривала. Так и умом тронуться недолго. Жесть, конечно. Свежие куски полотнищ превращают человека в инвалида, а то и убивают. А немного полежавшие – по словам Шахха, лечат. Блин, и чего только не встретишь в аномальных Зонах...

Обрывков было немало, потому руку до нормального объема мне намотали быстро. После чего Шахх ловко обернул ее моей же кожей и замотал рукавами – моим разорванным и тем, что он одним рывком

оторвал у куртки Ивана. Силища, конечно, у ктулху была нереальная, и ловкости не занимать – одной рукой он орудовал так изящно и результативно, что другому и двумя не справиться.

– Нормально, – сказал он. – Если эти летающие тряпки не успели окончательно сдохнуть, твоя клешня быстро восстановится. Быстрее моей.

Он кивнул на обрубок своей лапы, из которого уже торчали розовые, нежные пальцы – регенерация у ктулху фантастическая, а у болотных так вообще зашкаливающая. Правда, я помнил, что для ее ускорения этим мутантам требуется много крови. Интересно, где в этом мире Шахх будет ее добывать? Не из двух ли кровавых бурдюков на ножках выкачивать, которые рядом идут?

Но ктулху нас не рассматривал в качестве источников пищи, обошелся тем, что под ногами шныряло. Резко нагнулся и из кучи артефактного мусора выдернул какую-то живую гадость, похожую на многолапую жабу с двумя головами, спереди и сзади. Жаба дергалась, угрожающе растопыривая когтистые конечности, но Шахха это не испугало. Его ротовые щупальца мгновенно оплели добычу, послышался звук, похожий на последний всхлип утопающего, – и на землю упала пустая, смятая шкурка с двумя маленькими черепами внутри.

– Порядок, – сказал Шахх, здоровой лапой утерев ротовые щупла. – Ну, двинули. И да поможет нам Зона Четвертого мира.

* * *

Меня мутило. Конечность, замотанная в рукава, болела адски, но Шахх сказал, что это хорошо – если б не болела, то лучше было бы отрубить во избежание гангрены. А так, типа, есть надежда. Ладно, поверю, хотя верится слабо, но все равно ничего другого не остается. Ну и от осознания того, что у тебя в желудке шевелятся откусанные фрагменты червя, было как-то совсем тоскливо.

– Жрать охота, – проговорил Иван. – У меня такое всегда, когда на нервах.

– Завидую, – скривился я. – Хотя, помнится, ты закосил слегка, меньше всех сегментов червей проглотил.

– Больно уж они мерзкие, – вздохнул мой двойник. – А я человек брезгливый, много всякой гадости жрать не могу в отличие от некоторых.

Вот блин. Еще подкалывает, сволочь. Хотя чего обижаться, сам такой. Рука б не болела так, что ум за разум заходит, я б, конечно, ответил. Но языком молоть желания не было, так что пускай этот проглот говорит что хочет, наплевать. Не до него.

Вокруг нас насколько хватало глаз возвышались кучи мусора, причем это были не только артефакты. Валялись здесь и другие предметы, как совершенно незнакомые, так и узнаваемые. Вон на боку лежит половина бронетранспортера, смятого и словно разорванного надвое каким-то великаном. А вон отломанный хвост от самолета. Чуть подальше – всунутый в землю по пояс памятник какому-то вождю с отбитой головой и простертой вперед рукой, на которой «кольцо» висит, артефакт ценный, но опасный. Неподалеку от него куча металла, которая, судя по зубастому обрывку стали, похоже, когда-то была экскаватором...

А потом я увидел аномалию. Застывшую. Красивое зрелище. Словно «огненный столб» внезапно попал в то ли временную, то ли ледяную ловушку и превратился в памятник самому себе, переливающийся пламенными языками...

– «Жара», – произнес Шахх. – Вернее, ее мумия или что-то типа того.

– В нашем мире они живые, – сказал я.

– Они везде живые, – буркнул ктулху. – И здесь тоже. Увидишь.

И, подойдя к аномалии, дважды сильно ударил по ней ледяной стороной лабриса, вырубив из нее солидный кусок. После чего отшвырнул топор, подхватил трофей и отпрыгнул назад.

Вовремя. Потому что следом из места, откуда вывалился переливающийся фрагмент, вырвалась струя пламени, которая едва не поджарила щупальца на морде мутанта. И звук из алой раны раздался, похожий на жуткий вой...

Шахх бросил Ивану кусок аномалии, поднял с земли лабрис и рявкнул:

– Бежим! Сейчас сюда нечисти налетит хренова туча!

И правда, в воздухе раздался шелест, словно к нам приближалась огромная стая летучих мышей. Похоже, настало самое время для очень

активного отступления.

И мы с Иваном побежали следом за Шаххом, который мчался огромными прыжками, огибая, но чаще просто перепрыгивая слежавшиеся кучи артефактов. Надеюсь, он знал, что делал, так как шелест за нашими спинами становился все громче – то, что нас преследовало, передвигалось намного быстрее...

– За мной! – рявкнул ктулху – и прыгнул напрямик в аномалию, иначе никак было не назвать черную, вращающуюся дыру в земле диаметром метра три, открывшуюся за одной из куч артефактов. Если б меня попросили представить вход в ад, я бы, наверно, так его и описал: большое отверстие, похожее на воронку от снаряда, пульсирующее, словно живое, со стенками, маслянисто сверкающими от потоков слизи...

Шахх исчез в этой пакости, причем не провалился, а именно исчез – раз, и нет его. Времени на размышление точно не было, других вариантов тоже, потому я просто сделал то же, что и мутант.

И понял, что сейчас сдохну.

Мое тело резко сдавила неведомая сила, перекрутила, переломав все кости, и сунула в мясорубку, которая начала превращать меня в фарш – причем как снаружи, так и изнутри. Это даже не боль была, а нечто иное, за гранью боли, когда человек должен просто умереть от таких вот страданий, не выдержав реально адских мук.

Но, видимо, у меня слишком крепкий организм для того, чтоб помереть от болевого синдрома. Который, кстати, длился недолго, буквально несколько секунд, за которые я успел искренне пожалеть, что появился на свет.

А потом я рухнул... в сугроб?

Похоже на то. Снег, из которого он состоял, был холодным, как и положено быть снегу, только каким-то красно-черным, похожим на дробленый гранит. И почти сразу я услышал над головой ядреный, забористый мат, благодаря чему успел отпрянуть в сторону, иначе бы Иван свалился мне прямо на голову из черной перевернутой воронки, зависшей в воздухе над сугробом метрах в трех.

Пока мой двойник, продолжая материться так, как я вряд ли умею, барахтался в сугробе, я пришел к выводу, что моя тушка относительно цела, и адская боль, пронзившая ее во время перехода через воронку, это лишь реакция нервной системы на пользование данным способом

телепортации. Ибо нас выкинуло куда-то, где небо было такого же грязно-гранитного цвета, в котором зависло явно затухающее светило неправильной формы, похожее на раскаленный булыжник.

– Искусственная зона, – сказал знакомый голос за моей спиной.

Я обернулся.

Это был Шахх, внимательно рассматривающий свою лапу, которая почти достигла нормальных размеров.

– Чего? – спросил Иван, вылезая из сугроба.

– Зона, говорю, искусственная, – повторил ктулху. – Их раньше «мусорщики» строили, чтоб отходы производства сбрасывать. Присоединенные фрагменты пространства, недовселенные. Что-то типа бокового кармана штанов, в который ты складываешь всякий хлам. Вроде и не мешает, пока на скамейку не сядешь и этот хлам тебе в задницу не упрется. В данном случае недовселенные подвержены коллапсу, то есть имеют свойство взрываться, если их не поддерживать в рабочем состоянии, что чревато для основного мира «мусорщиков». Потому они однажды решили, что проще и дешевле скидывать свое дерьмо в чужие миры, нежели строить свои свалки.

– А с этим недомиром что? – спросил я. – И как мы в него вообще попали?

– Через ту воронку, – Шахх ткнул пальцем в портал над нашими головами, при этом посмотрев на меня как на дебила.

– Это я заметил, – сказал я, стараясь держать себя в руках – неприятно, когда тебя троллит мутант, но ради результата можно и потерпеть. – Что это за воронка?

– Портал в недовселенную, – осклабился ктулху, растянув щупла в издевательской ухмылке. Но, видимо, поняв, что я могу вместо поддержания такой беседы и куском червяка в рожу харкнуть, добавил: – Их «мусорщики» во всех подконтрольных им мирах понаделали, просто надо знать, где искать и как ими пользоваться. Кстати, если интересно, песок под вашими ногами – это перемолотые артефакты и аномалии: когда-то «мусорщики» даже пытались утилизировать свои отходы, пока им это не надоело.

– Допустим. И что теперь? – поинтересовался я.

– Для начала можешь попробовать рукой подвигать, так как переход через черную воронку сильно ускоряет регенерацию, – сказал Шахх. – Просто когда тело разбирается на атомы, а потом собирается

снова, при сборке воронка старается собрать его оптимально – такое вот весьма полезное наследие «мусорщиков», сам часто использую его для лечения геморроя или, например, отрубленных конечностей. А потом, когда подвигаешь, пойдем поищем дробилку.

Я не совсем понял, что мы сейчас пойдем искать, но пальцами пострадавшей конечности послушно подвигал. Работают, тряпки, которыми рука обмотана, шевелят. Я их, тем не менее, снимать не стал – отсрочу момент лицезрения результатов излечения, а то как бы хреново не стало от вида того, что получилось в итоге.

– Блин, всю спину автоматом отшиб, – пожаловался Иван, поправляя ремень.

– Может, надо было их в кузнице оставить, – предположил я, проверяя свой – мало ли что с ним стало после перехода через настолько стремный портал. Да нет, вроде нормально все. Автомату Калашникова такой мелочью, как разборка-сборка, не навредишь, даже если это была разборка на атомы.

– Ну, ты сказал, – оскорбился Иван. – Какой сталкер в Зоне без огнестрела?

Я хотел было сказать, что мы с ним сейчас сталкеры не только с огнестрелами, но и с фэнтезийными топорами, и даже с хрен знает чем в пищеварительном тракте, стреляющим кусками живых червей, – но не стал. Меня и так после серьезного ранения мутило, трясло и плющило, фиг знает как на ногах держусь, еще не хватало остаток нервов тратить на препирательства со своей копией.

Шахх же, пока мы беседовали, пошел вперед, осматривая «сугробы», многие из которых достигали высоты двухэтажного дома. И довольно скоро за одним из них, пожалуй, наиболее высоким, обнаружилось то, что ктулху назвал «дробилкой».

Оно было точно не из нашего мира. Слишком... другое, похожее на огромную черную глыбу, рассеченную пополам. Мне она напомнила круглую фиговину из древней компьютерной игры, которая носилась по экрану и жрала все подряд. Не такая совершенная по форме, больше похожая на вытянутый клюв птицы, но суть, по ходу, та же. В высоту метра четыре, «клюв» разинут, внутри него навалены артефакты и аномалии. Понятно, что один раз эдакая машина «чавкнет», и от всего богатства, в нее загруженного, одна пыль и

останется. Но, видимо, по каким-то причинам дробилка не «чавкнула», и весь поистине королевский хабар остался лежать внутри нее.

– Вот она, – тихо сказал Шахх, осторожно выглядывая из-за «сугроба». – Сама по себе аномалия, которую наши кузнецы прозвали «вороньим камнем». Зброшенная дробилка «мусорщиков». У них с ней симбиоз был, она живет или на артефактах с аномалиями, или на живой плоти. Что принесут, то и жрет. А сейчас, когда ее оставили, она типа в анабиозе.

– Это от нее нам надо кусок откромсать? – поинтересовался я. – Жуткая хрень. Может, ну ее на фиг, походит моя «Бритва» со старой рукоятью?

Шахх ничего не ответил, понятно почему. Технологию восстановления моего ножа Медведь с Шаманом объяснили популярно, так что сейчас я просто молот языком, заговаривая трепом необъяснимый, мистический страх перед «вороньим камнем».

– Тоже жуть чуешь? – шепотом поинтересовался Иван.

– Ага, – отозвался я. – Встречал такое в Зонах. Свойство некоторых аномальных предметов страху нагонять на возможных врагов.

– Это не дробилка, – сказал Шахх. – Это генератор психоимпульсов, оставленный «мусорщиками», чтоб всякие типа нас вокруг нее не лазали. А еще они, думаю, должны были охрану оставить... Ага, вот и она.

Из-за дробилки довольно грациозно появился кусок желтовато-зеленой слизи размером с тактический рюкзак. Вместо ног у твари было четыре мощных двухметровых хлыста. Все. Ни рта, ни глаз, ничего. Большая сопля с гибкими, пружинистыми конечностями, которыми – если уж она охрана – тварь, думаю, пользоваться умела весьма эффективно. И сразу следом за ней вторая такая же пакость пружинисто вышла, словно пританцовывая на своих хлыстах.

– Плохо, – проговорил Шахх. – С одним-то слизняком не просто справиться, а два – уже перебор.

– Может, попробуем? – спросил Иван. – У тебя вон лапа почти отросла, тетка своей тоже более-менее двигает. И вормганы вроде еще заряжены – тошнит уже меньше, но по ощущениям в брюхе еще что-то есть...

– Ага, на тебя и на твое брюхо вся надежда, – вздохнул Шахх. – Но, с другой стороны, если уж приперлись, то нефиг мять грудные мышцы, надо дело делать.

И, выскочив из-за кучи молотых артефактов, ринулся вперед. Мы с Иваном – следом.

На наше появление слизняки отреагировали очень быстро, то есть незамедлительно – видимо, они не зрением сильны были, а слухом. У некоторых тварей слух настолько тонкий, что и глаз не надо, и эти, по ходу, были из таких. Обе синхронно напряглись...

– Осторожнее, они ядом плюются, – заорал Шахх.

Блин, мать твою болотную, раньше предупредить не судьба была? Слизняки разрядились с омерзительным чавканьем, и в нашу сторону полетели фрагменты какой-то гадости, от которой я смог уклониться, лишь шлепнувшись на живот. Хорошая, кстати, стимуляция желудка получилась, выстрел куском червяка вылетел из меня почти автоматически, едва не выбив зубы изнутри.

Но стрелок из вормгана я был так себе – слизняк, которому предназначался выстрел, легко ушел от него и метнулся к Шахху, со свистом рассекая воздух своими конечностями. Тварь стремительно прыгнула, я даже не успел понять, как она это сделала, – только что тут была, и вот уже ктулху рубит лабрисом по воздуху, свободной рукой пытаюсь отодрать от себя паскудное создание, обвившее его щупальцами. Надо отдать должное Шахху, одну хлыстообразную конечность он у слизняка отрубил, и сейчас она корчилась и извивалась на земле, разбрызгивая во все стороны ядовито-зеленую кровь и упорно не желая подышать.

По-хорошему, надо было бы Шахху помочь, но я прекрасно понимал, что, пока мы ему помогать будем, невероятно шустрый второй слизняк своими хлыстами просто поотрубает нам головы. А он, судя по всему, именно этим и решил заняться, прыгнув на Ивана – и промахнувшись менее чем на полметра, так как мой двойник успел метнуться в сторону. Шустрый, блин, точно весь в меня.

Но тварь была шустрее. Развернулась на своих хлыстах с балетной грациозностью и вновь ринулась в атаку...

Вормган, конечно, штука разрушительная, летающие полотнища разносила только в путь. Но, на мой взгляд, для охоты на слизняков медленная. Пока ты из себя фрагмент червяка срыгнешь, этот

недоделанный осьминог своим хлыстами тебя как саблями в фарш изрубит. Потому я поступил проще – резким движением перевел «калаш» из положения за спиной в боевое и длинной очередью сбил слизняка примерно на середине его прыжка. Каким бы молниеносным ни было это на редкость стремное создание, пуля всяко быстрее.

Впрочем, пули этой твари существенного ущерба не принесли – слизь, она и есть слизь. В основном насквозь прошли, выбив из этого комка соплей зеленоватые брызги, какие-то, может, внутри застряли. Убить не убили, но прыжок сбили и очень неделикатно швырнули на землю – так, что тварь на мгновение от неожиданности даже запуталась в своих жгутах.

И тут мы с Иваном плюнули одновременно из своих вормганов, разнеся студенистого убийцу в клочья.

Половина дела была сделана, осталось понять, что там со второй половиной, – и это было непросто, так как Шахх неистово рубился со своим слизняком. Рев, смазанное от скорости сверканье лабриса, клочья плоти летят во все стороны, и не сразу поймешь чьи – то ли это шмотки шкуры мутанта, то ли куски слизняка, окрашенные кровью Шахха.

Тут и помочь бы надо, и фиг знает как. Стрелять что из вормгана, что из автомата опасно, можно ктулху задеть, а со своим топором соваться в эту мясорубку бессмысленно, на таких скоростях я работать не умею...

Но тут Шахх изловчился и своего студенистого противника от себя отбросил. Рубанул вслед ему топором, но промазал, качнуло его от резкого рывка в сторону, видать, последние силы в бою потратил. Слизняк смачно шлепнулся на землю, присел на трех оставшихся щуплах, готовясь вновь броситься на мутанта – и тут Иван меня удивил, очень быстро и технично метнув лабрис в тварь.

И не промахнулся.

Огненно-ледяной топор вошел в студенистое тело точно посередине – и, провалившись в рыхлую, порядком измочаленную плоть, застрял там намертво, только половина рукояти осталась торчать снаружи. И эффект от этого получился впечатляющий. Одна половина тела слизняка начала растекаться, а вторая помутнела, похоже, превращаясь в ледышку.

Твари это, само собой, не понравилось. Она шлепнулась в лужу из собственной растекшейся плоти, всеми щуплами схватила за рукоять и попыталась вытащить из себя застрявший топор.

Возможно, ей это бы даже удалось, но тут к ней подскочил я и тремя быстрыми ударами своего лабриса отсек все щупальца от тела монстра – огненной частью топора сделать это оказалось довольно просто.

– А вы, хомо, ничего такие... ловкие для вашей породы... и, пожалуй, не такие тупые, как остальные.

Я обернулся на голос.

Обессиленный Шахх сидел на земле. Ротовые щупальца безвольно повисли, морда серая, глаза как у дохлой селедки. Оно и понятно. Все его тело было в порезах, которые и не думали затягиваться. И что самое неприятное, его вторая лапа, которая только-только отросла, валялась неподалеку в луже крови. По ходу, гибкий хлыст слизняка, словно топор, отсек нежную, не до конца сформировавшуюся конечность.

– Это ты, надо понимать, вместо благодарности сейчас сказал, – проговорил Иван, на которого я посмотрел осуждающе: видно же, что Шахх, судя по всему, собрался в Край вечной войны – соответственно, какие могут быть претензии к умирающему?

Шахх хмыкнул, отчего ротовые щупальца вяло шевельнулись.

– Если вам так нужна моя благодарность... то благодарю, – негромко произнес он.

– Нам от тебя ничего не нужно, – сказал я, снимая плотно намотанные тряпки со своей руки, которая, судя по ощущениям, полностью восстановилась. – Зато я точно знаю, что нужно тебе.

Конечность моя и правда стала практически такой, какой была до ожога фрагментами плоти летающего полотнища. При этом «почти» – ключевое. Размеры руки были те же, плоть восстановилась полностью. Чего нельзя было сказать о коже, которая на этой руке была настолько тонкой и прозрачной, что под ней очень четко просматривались волокнистые мышцы и набухшие вены.

Способность ктулху к регенерации известна всем, но я, изрядно побродив по Чернобыльской Зоне, знал, что у этих мутантов есть определенный предел, когда фатально израненный организм не имеет ресурсов для того, чтобы запустить процессы восстановления, – и

тогда ктулху просто умирает от ран и кровопотери. Я видел, как длинные раны Шахха сейчас слабо сокращались, но их края не сходились, как это было бы при нормальной регенерации. И я знал, что будет дальше. Эти сокращения с каждой минутой будут все слабее и очень быстро прекратятся. Вместе с жизнью мутанта.

Правда, было одно средство для того, чтобы попытаться вернуть Шахха к жизни.

Я подошел к мутанту и ткнул свою обновленную руку прямо ему в ротовые щупальца. Свежие нервы тут же отреагировали очень ярко – щупла ктулху были осклизло-омерзительными, словно я в середину осьминога руку засунул. К слову, осьминога мне щупать не приходилось, но, думаю, по гамме ощущений было бы то же самое. Или, может, даже чуть менее мерзко. Но руку я не убрал. Напротив, сунул еще глубже, ближе к пасти. Вроде они ею кровь сосут, а щуплами только добычу удерживают. Хотя могу ошибаться. Впрочем, очень скоро я это узнаю точно.

– Пей, – сказал я. – Пол-литра тебе должно хватить, чтоб лапами не хлопнуть.

Щупальца слабо шевельнулись в попытке оттолкнуть мою руку, но сейчас я был сильнее умирающего мутанта.

– Хлебай, мать твою! – рыкнул я, суя руку обратно. – Без тебя мы все тут подохнем!

От трения об жесткие щупальца тонкая, не успевшая восстановиться кожа на моем предплечье лопнула, я почувствовал, как по руке потекла теплая кровь.

И тут Шахха перемкнуло. Природа взяла свое.

Мою руку смертельной хваткой обхватили щупальца, будто я ее в холодные тиски засунул. Кожу в области локтевого сгиба пронзила боль, которая почти сразу сменилась очень приятным ощущением. У меня аж голова закружилась от кайфа. Я где-то читал, что ктулху, когда пьют кровь своих жертв, впрыскивают им в вены свою слюну, содержащую нейротоксины, вызывающие эйфорию и расслабление. Ну, чисто чтоб добыча не дергалась и не мешала получать удовольствие.

Краем глаза я видел, как Иван нерешительно подходит ближе, держа в напряженной руке огненно-ледяной топор. Не надо быть предсказателем, чтобы догадаться: беспокоится на тему, не собрался

ли ктулху выпить всю мою кровь и не пора ли по этому поводу зарядить ему лабрисом промеж глаз, подернутых пеленой наслаждения.

Но Шахх справился с собой. Глаза его приняли осмысленное выражение – насколько это возможно у мутанта его породы, холодные и скользкие тиски ослабли. Моя рука выскользнула из них, и я чуть не упал, с трудом удержавшись на ногах. Мир плавал перед глазами в медленно растворяющейся приятной дымке, и мне очень не хотелось, чтобы она исчезла, – в сталкерской жизни не так уж много светлых моментов...

– Зря ты это сделал, брат, – хрипло произнес Шахх, с трудом поднимаясь на ноги. – Но, как говорят хомо, сделанного не воротишь. Благодарю. Долг Жизни за мной.

Я усмехнулся. Что-то много в последнее время накопилось у меня должников. Пряма тенденция, блин.

– Н-не за что, – с трудом ворочая заплетающимся языком, сказал я. – Об-бращайтесь.

– Долго он таким будет? – поинтересовался Иван у Шахха.

– Сейчас починим, – сказал мутант, вытаскивая из ближайшей кучи артефактов нечто, похожее на большого жука-навозника без ножек. Несмотря на отсутствие конечностей, то ли насекомое, то ли артефакт извивалось в когтистых пальцах ктулху довольно активно.

– Тоник, – сказал Шахх, поднося к моим губам шевелящееся нечто. – Раскуси, потом глотай.

В нормальном состоянии я б от одной мысли, что придется жрать эдакое, срыгнул бы обратно все патроны, оставшиеся в моем желудке. А под токсином, который Шахх впрыснул в мои вены, мне было совершенно наплевать, что делать. Навозника схомячить? Да запросто. Раз плюнуть.

На вкус то, что я разгрыз, оказалось как прокисшее варенье. Умом осознаешь, что гадость, но не дерьмо же. Можно и проглотить. В Легионе упражнение было такое, в рамках подготовки по выживанию, жрать личинок, гусениц, жуков всяких. Так что я не брезгливый, хотя пакость такого рода кушаю всегда без удовольствия.

Эффект от проглоченного оказался потрясающим. Почти сразу с глаз спала пелена приятного полузабытья, а в теле внезапно

обнаружился фантастический, неиссякаемый запас сил и энергии, которого я отродясь не ощущал.

– Эффект должен быть впечатляющий, но недолгий, – сказал мутант, с сожалением глядя на культю. – Блин, опять та же лапа. Не везет ей сегодня в Четвертом, определенно не везет.

– Сочувствую, – сказал Иван. – Дальше что?

– Дальше от дробилки надо кусок отрубить, и пойдем еще в одно место сходим, где дохлые гравиконцентраты водятся, – отозвался Шахх. – Отряд у нас теперь, конечно, не особо крутой, но лучше все сразу собрать, чем потом снова сюда тащиться.

И, предупреждая наш вопрос, добавил:

– Примета такая. Вы тут впервые, потому вам везет. А мне, как видите, не очень. Четвертый старых гостей не любит, потому норовит их тут оставить. Навечно.

– Ясно, – вздохнул я. – Чего ж тут неясного. Стало быть, пойдем кромсать «вороний камень»...

Вблизи сразу ясно стало, что дробилка – нечто среднее между аномалией и мутантом. Первый раз я увидел камень, который едва заметно сокращался, словно дышал. А артефакты, что внутри него горкой навалены, я вообще первый раз видел. Два из них были вообще красоты необыкновенной, похожие на огромные ограненные алмазы. Один словно с алой капелькой крови внутри, второй – с зеленой...

– Ничего себе. – Шахх почесал ротовые щупла. – На ловца и зверь бежит. Кузнецы просили три «алмаза», но думаю, два таких им за глаза хватит. «Алмазы» обычно гораздо меньше и с черными включениями. С цветными первый раз вижу.

– Класс, – сказал Иван и потянулся было, чтоб сграбастать хабар, благо «алмазы» лежали чуть ли не на самом краю каменной пасти.

– Стой, мать твою, – дернул его Шахх за оставшийся рукав. – Не видишь, дробилка активна. То ли сама включилась, то ли помог кто. Она лупит так, что глазом не успеешь моргнуть, как без руки останешься.

– И как достать? – поинтересовался я.

– Да хрен его знает, – пожал плечами мутант. – Есть идеи?

– Ага, – сказал Иван, после чего, недолго думая, со всей дури рубанул лабрисом по верхней «челюсти» дробилки.

И немедленно раздался звук, от которого захотелось присесть, зажав ладонями уши. Хотя это вряд ли помогло бы, так как звук родился внутри моей головы. И лысому ежу понятно – «вороний камень» являлся мощным генератором инфразвука. Тот страх, что мы ощутили, был следствием воздействия инфры малой интенсивности, типа предупреждения «не подходи!». Но мы, по ходу, притерпелись – сталкеры вообще быстро адаптируются к негативу, а толстокожему Шахху, похоже, это вообще ни о чем. Но тут и его проняло – отшатнулся, стал еще серее, чем был, щупальца затряслись. Понятное дело, он после ранения вообще еле на ногах держится, а тут еще такой инфра-удар...

Мне, конечно, тоже хреново было, но не настолько, как могло быть, – по ходу, жукообразный артефакт внутри меня еще действовал, даря энергию.

И, думаю, скорость...

Иван как раз нашел в себе силы для второго удара. После инфраволны пошатнулся, но справился – и ударил еще раз.

Я этого ждал. И когда огненный лабрис отрубил от «вороньего камня» солидный шмат, я от души харкнул вормганом прямо в центр раззявленной пасти и, рванувшись вперед, умудрился схватить оба «алмаза», уже видя, как сверху на мою руку с невообразимой скоростью опускается огромная плита – верхняя челюсть дробилки...

В такие моменты время словно замедляется, правда, не очень это помогает. Единственное – приходит понимание, что кранты, не успею я руку выдернуть, и жить мне теперь без только что восстановленной правой кисти...

И тут внутри дробилки взорвался снаряд, которым я в нее плюнул, подарив мне необходимую долю секунды для того, чтобы выдернуть руку из пасти аномалии.

Она сомкнулась со звуком, с которым, наверно, сталкиваются поезда, по ошибке пущенные по одной железнодорожной ветке. Лязг, грохот, треск артефактов, раздробленных в пыль, – и облако этой пыли, вырвавшееся из сомкнувшихся «челюстей». Довольно токсичное, кстати, – я сдуру вдохнул и тут же зашелся в раздрающем кашле. Думаю, втянул бы воздух поглубже, и пыль эта артефактная мне б легкие разодрала в клочья, но тут меня с одной и с другой стороны под мышки подхватили Шахх с Иваном и выдернули из токсичного облака.

Я благополучно рухнул на колени и минут пять надрывно выкашливал из себя гадость, набившуюся в дыхалку. Целую лужу с кровавыми прожилками нахаркал, пока приступ не унялся.

– Бывает, – философски заметил Шахх, крутя меж огромных пальцев солидный кусок «вороньего камня», вырубленный Иваном. – Я тоже как-то по первости возле дробилки чуть легкие не выкашливал. Коварная тварь. Если слізни добычу ей на блюдечке не принесут, то или инфразвуком убьет, или пылевым облаком. Что самое интересное, ей мясо не нужно в отличие от других аномалий. Только глаза жрет, которые ей слизни из жертв выковыривают. То ли артефактами их считает, то ли еще что. Кстати, думаю, ты первый хомо, кому удалось что-то вытащить из пасти дробилки.

– Без вашей помощи... ничего бы не вышло, – прохрипел я, отплеываясь остатками токсичной пыли.

– Это да, – согласился Иван.

* * *

– Теперь осталось мертвый гравиконцентрат найти, – сказал Шахх – и страдальчески поморщился.

– Что, все так плохо? – спросил Иван.

– Я б лучше еще ногу себе отрубил и новую вырастил, чем эту мерзость искать, – сплюнул ктулху. – Короче, так. Где его искать, я знаю, но сначала надо подкрепиться.

И начал ходить среди куч артефактов, останавливаясь возле каждой и словно прислушиваясь. Наконец, выбрал одну и начал в ней копаться, орудуя единственной лапищей как экскаватором, при этом постепенно закапываясь в эту кучу. Периодически оттуда слышалось чавканье, чаще – усиленное сопение и приглушенный мат. Наконец Шахх, пятась назад, вылез из вырытой им норы, держа в лапе что-то странное, похожее то ли на новорожденного двуногого поросенка без головы, то ли на чей-то оторванный желудок. Странность сокращалась и возмущенно пищала обоими отростками, расположенными спереди и сзади.

– Попробуешь? – издевательски поинтересовался ктулху у моего двойника. – Ты ж вроде, я слышал, кушать хотел.

– Я это жрать не буду, – категорично сказал Иван. – Хоть убейте. С меня хватит.

Шахх хмыкнул.

– Ничего не замечаешь?

– Замечаю, что в последнее время мы то едим всякую нереальную пакость, то деремся с нереальной пакостью, – фыркнул мой напарник. – Я уже прям по своей Зоне соскучился. Там свои, знакомые, привычные мерзости, которым до ваших, как до Китая попластунски...

– У тебя, пока ты в местную помойку закапывался, отрубленная рука отросла, – сказал я.

– А ты наблюдательный, – усмехнулся Шахх. – В отличие от твоего туповатого дубликата.

– За базар ответишь? – окрысился мой тезка, перехватывая топор поудобнее.

– погоди, – сказал я. – Дело важнее. Потом разберетесь, когда кузнецы ножи восстановят. Если помнишь, тебе без своего домой не попасть.

Иван скрипнул зубами, но продолжать наезд не стал. Логика порой работает лучше пули. Если научиться правильно ее применять, тот, кто только что хотел тебя разорвать, может начать рвать других в твоих интересах. Жаль только, что люди в подавляющем большинстве случаев предпочитают стрелять, а не слушать.

– Мы зовем его «бурдюк». Это восстановитель, – просто сказал Шахх. – Всего. Сил, здоровья, психики – кому чего не хватает, то и восстанавливает в организме, в том числе и в мозгах.

При последних словах он многозначительно посмотрел на Ивана.

– Зарождается в мусорных кучах Четвертого мира, которые готовятся начать жить своей жизнью. Оторванные от матрицы, живут недолго,дохнут примерно через час, становясь бесполезными. Я свою проблему вылечил. Вы оба устали смертельно, держитесь только на адреналине и частично переваренных патронах от вормгана – они хоть и калорийные, но токсичные. Потому, как кураж пройдет, оба вы, скорее всего, пару дней будете исходить на понос и, может, даже от него помрете. Смерть, согласитесь, обидная и вонючая. Для некоторых брезгливых замечу: жрать ничего не надо. Достаточно пару глотков сделать. Мне еще одного хватит, здесь перебарщивать тоже не надо.

С этими словами он зажал пальцами один пищащий отросток, сунул в щупла другой и, нажав на дергающийся «желудок», шумно глотнул.

– Писец, – тихо проговорил Иван. – Полный. И всепоглощающий.

– Держись, двойник, – сказал я. – Ты себя недооцениваешь. Тому, кто ел просроченную советскую тушенку, ничего не страшно.

От глотка морда Шахха налилась ярко-красным, глаза заблестели – правда, эффект быстро прошел. Краснота плавно растеклась по шее, щупальцам, распространилась ниже, теряя при этом насыщенность цвета, пока полностью не сошла на нет.

– Нормально, – сказал Шахх, глядя на когти до этого отсутствующей руки, которые прям на глазах отросли до еще больших размеров, чем были. – Твоя очередь.

И протянул мне извивающийся «бурдюк».

Я и правда был на пределе – энергию артефакта, которого в меня вкормил мутант, я, по ходу, полностью потратил на квест с дробилкой и его тяжкие последствия. Пришло осознание, что Шахх прав: еще немного, и мой измученный организм просто откажет. Я уже забыл, когда нормально ел и спал, и будь ты хоть трижды суперлегендой Зоны, последствия недокорма и недосыпа рано или поздно срубят тебя не хуже автоматной очереди. Это называется срыв. Кто был на войне, знает, что это такое. Бац – и все, ты уже не боец. Организм отказал и выключился в самое неподходящее время. Или тело прислонилось к стенке и вырубилось, как фонарь с севшей батареей, или психика сломалась, что намного хуже. Потому я не стал кривляться и принял из лап Шахха странный артефакт, пахнувший давно не убиравшейся клеткой зоопаркового скунса.

«Бурдюк» дергался довольно сильно, но я держал его крепко, осознавая: жратвы мы с собой не взяли, питья тоже, оставив рюкзаки у кузнецов. Почему-то думалось, что задание будет не особенно долгим. Ошибка, бывает. Теперь вот расплачиваемся упадком сил и перспективой вообще не дотянуть до финала. А значит, как в любом походе, – придется следовать советам более опытного члена отряда.

Первый глоток пошел туго, желудок отторгал чужое еще хуже, чем снаряды для вормгана. Но смирился, он у меня и не такое переваривал. Когда же по телу разлилось приятное тепло, я и второй глоток осилил, и даже третий. По ощущениям было, словно в меня

вкачали дневную порцию калорий вместе с энергией восемнадцатилетнего. Круто, в общем, словами не передать.

А потом я увидел лицо Ивана, искаженное брезгливой гримасой.

– Не, – сказал он. – Хоть убейте, не буду. Я еще от вормгана не отошел.

– Дело хозяйское, – сказал Шахх. – Тогда выдвигаемся.

И пошел направо.

– Хлебай, быстро, – сказал я, протягивая «бурдюк» напарнику. – Иначе кони двинешь. Слыхал, что Шахх сказал? От токсинов загнешься.

– Твою ж душу, – выдохнул Иван, бледнея лицом еще больше. – Я скорее загнусь от осознания, что у меня в желудке.

И, видимо боясь передумать, схватил «бурдюк» и высосал его почти полностью, отчего странный артефакт сдулся и дергаться перестал вообще.

– Сдох, что ли? – спросил Иван, отрываясь от «бурдюка».

– Уже пофиг, – отозвался я. – Бросай его и двинули за Шаххом, а то он так шагает – хрен догонишь.

...Идти пришлось долго. Часа два или больше мы шли вперед, огибали кучи артефактов – некоторые относительно свежие, а некоторые слежавшиеся от времени и поросшие чем-то лохматым, отдаленно напоминающим мох. Встретили мы по пути еще пару дробилок, которые поспешили обойти стороной: прогуливающихся возле них «слизняков» было побольше, чем около предыдущей, потому, едва заметив эти аномалии, мы поспешили обогнуть их по широкой дуге.

Время от времени Шахх поглядывал на небо, похожее на огромную кровавую простыню. И явно не для того, чтобы полюбоваться звездами, которых не было.

– Опасаешься чего? – поинтересовался я.

– Вот именно, чего, – отозвался мутант. – А может, кого, я так и не разобрал. Стражи тут порой рыщут стаями. Раньше много их было, сейчас поменьше. То ли передохли с голоду, то ли кто посильнее их нашелся. Если с ними встретиться, мало не покажется.

– Ясно, – пробурчал Иван. – Мне тут и без них мало не кажется. Может, скажешь уже, куда идем-то?

– Вход в другой слой ищем. Тот, в котором мертвые гравиконцентраты должны быть. Сам там не был, но слышал про него.

И, срисовав взглядом наши непонимающие лица, пояснил:

– Как вы уже поняли, Четвертый мир – искусственный. Созданная «мусорщиками» вселенная с функцией совершенной помойки. И, поскольку это не планета, а самодельный мир, пространства в нем расположены слоями, как в стопке блинов. Вошли мы сюда через верхний «блин» и сейчас ищем спуск вниз. «Мусорщики» сначала разделяли отходы – одни аномалии с артефактами в одном пространстве складировали, другие – в другом. Что поопасней – вниз, что менее опасно – повыше. Потом они на этот многослойный мир забили и одно время сваливали все свое дерьмо в верхних слоях – лень было спускаться. А потом и вовсе оставили эту вселенную, выбросили, как старое мусорное ведро, вместе со своими отходами, дробилками, охраной... Блин, да где же тут этот гребаный вход? Где-то тут, в этом районе должен быть...

– На что он хоть похож? – поинтересовался Иван.

– Тихо!

Шахх замер на месте, подняв лапу со сжатым кулаком, – жест, знакомый любому спецназовцу. Это значит «замри и не отсвечивай». Мы с Иваном застыли на месте, крутя головами во все стороны и пытаюсь понять, что случилось.

– А вот и охрана, – прошептал мутант.

...Они выплыли из-за сдвоенной кучи артефактов, похожей горбами на лежащего верблюда. Непонятно, за счет чего они летали, так как крыльев у них не было. Каждый «охранник» представлял собой фасеточный шар примерно метр в диаметре, очень напоминающий увеличенный глаз мухи, выданный из головы насекомого. У глаза был длинный гибкий хвост, оканчивающийся мечеобразным клинком. Такой штукой и рубить, и колоть самое милое дело. Охранников было штук десять, летели они грациозно и свободно, выписывая своими хвостами замысловатые фигуры. Судя по их движениям, было понятно – эти штуки в воздухе чувствуют себя как акулы в воде и в случае чего нападут с очень приличной скоростью. Допустим, одного-двух мы успеем уделать, пока остальные будут шинковать нас как капусту.

– Стражи на движение реагируют, – еле слышно прошептал Шахх себе в ротовые щупальца. – Стойте и не дышите, может, пронесет...

Мы с Иваном сталкеры опытные, понятливые, в дополнительных разъяснениях не нуждающиеся, фатально-летальный шухер на лету схватываем. И то, что в данном случае он именно такой, сомнений не было. От эдаких тварей вормганом не отплюешься, они явно в несколько раз быстрее «полотнищ». И наверняка опаснее, не зря ж у Шахха снова морда посерела – по ходу, это он так бледнеет, когда нервничает или подыхать собирается.

И тут мне вдруг нестерпимо захотелось чихнуть. То ли зловредную пыль от дробилки не до конца высморкал, то ли новая в нос набилась за время марш-броска по этой унылой, однообразной помойке. В общем, так или иначе, я понял, что еще пара секунд – и я больше не смогу сдерживаться.

Мои спутники это тоже поняли.

– Не вздумай, – одними губами прошептал Иван.

Оно и понятно: стражи как раз проплывали мимо нас. Один вроде шевельнул своим головоглазом в нашу сторону, завис на мгновение в воздухе – и дальше полетел, выписывая кренделя своим жутким хвостом.

И тут я чихнул. Душевно, во весь хавальник, так, что меня аж согнуло и отдачей низ спины прострелило. Можно было, конечно, интеллигентно пасть рукавом прикрыть, но зачем? Спутники моих манер не оценят, стражи – тем более. Так какого, спрашивается, крысопса отказывать себе чихнуть в удовольствие и от души, возможно, последний раз в жизни?

– Бегомнах!!! – заорал Шахх и, растопырив щупла во все стороны, харкнул в стражей из вормгана. Веером! Как я понимаю, потратив на этот плевок все заряды, которые у него были в желудке.

И, к сожалению, зря. Одного замешкавшегося стража сбить удалось, взорвался он эпично, как давно созревший гнойник, только желтые брызги во все стороны полетели. Остальные же элегантно и невероятно быстро ушли от «картечи» Шахха – и, думаю, немедленно ринулись в атаку.

Правда, я этого уже не видел, так как бежал за Шаххом не разбирая дороги и, честно говоря, не совсем понимая, зачем мы это делаем. По-моему, достойнее было бы погибнуть в неравной битве, чем сломя голову нестись по холмистой пустыне, ожидая, что вот-вот сейчас меч стража вонзится между лопаток...

И тут я увидел это...

От одной кучи артефактов до другой протянулся разлом почвы шириной метра два, похожий на рубленую рану. А внутри разлома кипела и пузырилась огненная лава.

– Туда! – рявкнул Шахх – и бросился в пламя, где благополучно и сгинул без следа.

Сомнительный это, конечно, был способ избавиться от погони, но иного не предвиделось.

«Надеюсь, этот ктулху знал, что делал», – промелькнуло у меня в голове во второй уже раз за сегодня перед тем, как я последовал примеру мутанта, «рыбкой» нырнув в огненную бездну...

Честно говоря, прыгнув, я глаза закрыл. Разумеется, не со страху... Хотя, что уж врать самому себе, отчасти и со страху тоже – не каждый день приходится головой вперед бросаться в море огненной лавы. Но больше все же в надежде гляделки убересть от нестерпимого жара... которого я не почувствовал.

Пламя, выглядящее как самая натуральная отрыжка вулкана, оказалось холодным, словно речка во время ледохода. У меня аж зубы немедленно занули, а вместе с ними и те участки скелета, по которым однажды прошли пули, ножи и иные предметы, не добавляющие здоровья организму. Но это всяко лучше, чем запечься заживо.

В общем, после прыжка я почти сразу глаза открыл – и не понял, куда меня занесло на этот раз. Или несет, так как по ощущениям я продолжал лететь вниз... Хотя нет. Сейчас я висел в воздухе, как космонавт в невесомости, и на землю падать моя тушка явно не собиралась по одной простой причине – земли не было. Как и неба. Сверху и снизу, насколько хватало взгляда, протянулись бескрайние просторы разреженного сизого тумана. А между этими условными «небом» и «землей» неторопливо и величаво плавали геометрические фигуры совершенно разных размеров – от небольших, с футбольный мяч, до огромных, величиной с небоскреб. Формой фигуры также различались. Были здесь обычные шары, кубы, параллелепипеды и всякие там спирали-октаэдры-тетраэдры, а также сложные образования, порой абсолютно бесформенные.

– Что это? – раздалось слева. Речь в этом мире звучала странно – гулко и одновременно приглушенно, словно человек говорил в банку.

Я чуть повернул голову на голос. Ага, значит, и Иван бросился в кипящую лаву. А я уж опасался, что он остался наверху и сегодня у стражей будет на ужин свежая сталкерятинка.

– Кладбище гравитационных аномалий, – проговорил Шахх, болтавшийся в невесомости справа от меня. Забавно – сейчас, когда он говорил, его ротовые щупальца развевались, словно конечности осьминога в воде. – Но не надо думать, что они мертвые в нашем понимании. Просто они другие. В определенном смысле более

опасные, потому «мусорщики» до сих пор не ленятся складывать сюда мертвые гравиты. К счастью, этот вид аномалий умирает редко, иначе, если не уследить, они могут уничтожить всю Розу Миров.

– Ну и задания нам кузнецы отсыпали, – фыркнул вечно недовольный Иван. – Сказали бы прямо: посылаем вас на убой.

М-да... Блин, если я такой же зануда по жизни, как мой двойник, надо срочно пересмотреть свое поведение. Не, мужик он неплохой, да и боец отличный, с таким в разведку вполне можно пойти. В берушах, чтоб во время разведки не слушать его нытье. Впрочем, Шахх, по ходу, с моим напарником свыкся и на его реплики уже не реагировал. Вот и ладушки, вот и хорошо.

– Учитываем, что тут свои стражи есть, – проговорил Шахх. – Как увидите рядом с собой теннисные мячики с шипами, это они и есть. И тогда лучше сразу самому застрелиться. «Мусорщики» их запрограммировали на долгую и мучительную смерть для того, кто сюда проникнет.

– Долгую и мучительную-то зачем? – поинтересовался Иван.

– Чтоб больше не проникали, – пояснил Шахх. – Ну что, вперед. Как увидите черный цилиндр, самый стремный с виду, считайте, мы нашли то, что искали. Правда, я в душе не понимаю, как можно от него кусок отколоть. До этого никто такого не делал.

– А чем мертвый гравиконцентрат отличается от живого? – поинтересовался Иван.

– Тем, что он мертвый, – сказал мутант. И, развернувшись к нам спиной, бросил через плечо: – Поплыли.

– С каким бы удовольствием я ему щупла из хари повыдергал, – прошипел мой двойник.

– По-моему, ты слишком остро реагируешь на обычный троллинг, – сказал я. – Тут как в старом анекдоте про собаку: укусила она тебя – пойд и укуси ее, будете квиты. При определенном навыке можно любого тролля так затроллить, что он будет беситься, а ты ржать в голос.

– Делать мне больше нечего, – проворчал Иван.

– Тогда остается только шипеть, скрипеть зубами и мечтать превратиться в самца гориллы – пожалуй, только у него хватило бы сил выдрать щупальце из пасти ктулху.

– И ты туда же, – выдохнул мой двойник. И замолчал – похоже, обиделся. Ну и зря. Взаимоотношения, построенные на взаимных подколках, зачастую оказываются самыми оптимальными.

Передвижение в данном мире особого труда не составило – окружающая среда была довольно плотной, мы словно болтались в киселе из воздуха, в котором вполне можно было плыть как в воде. Что мы и сделали, стараясь поспевать за ктулху, мощными гребками проталкивающего свое тело вперед.

Думаю, без проводника нам с Иваном в этих слоеных мирах пришлось бы несладко. Мимо некоторых геометрических фигур Шах проплывал совершенно спокойно, чуть не ногами их пинал. Другие, с виду порой безобидные, огибал по широкой дуге. Мы с моим двойником, наученные путешествиями по Зонам, старались в точности следовать тем же путем. Кстати, таких геометрических аномалий, что плавали в воздухе тут и там, я в Зонах не встречал. Может, они из совсем иных миров, о которых мы пока не знаем? Или же, «умирая», гравитационные аномалии превращаются в нечто иное?

Я уже совсем было собрался подплыть к Шахху поближе и расспросить об этом мире поподробнее, но он внезапно затормозил и ткнул пальцем в большой черный цилиндр, зависший прямо перед нами.

– Мертвый гравиконцентрат, – проговорил мутант. – Два раза до этого с ними сталкивался.

– И как? – поинтересовался я.

– Ничего хорошего, – отозвался ктулху. – Они, в отличие от живых, непредсказуемы. Один раз я видел, как такой цилиндр просто сорвал мясо с костей, оставив один скелет.

Цилиндр и вправду был впечатляющий – метров десять длиной и в толщину метра два. Эдакая болванка, состоящая из абсолютной тьмы, словно кто-то космическую черную дыру отформовал. Шах поискал глазами, остановил взгляд на какой-то фигуре, похожей на грелку, прицелился, извернулся – и метко пнул ее по направлению к цилиндру.

Фигня оказалась совершенно аморфной и, повинуясь энергии пинка, поплыла к цилиндру. Тот, похоже, только того и ждал. По его поверхности пронеслись тонкие золотистые молнии, раздался хлопок –

и фигня, приблизившаяся к аномалии, просто распалась, превратившись в облачко пыли.

– Впечатляет, – проговорил я, наблюдая, как облачко медленно плывет к цилиндру и как аномалия неторопливо впитывает в себя приготовленное ею блюдо. – И так с любой материей?

– Почти, – произнес ктулху. – Кроме той, которая этому мертвецу не по вкусу. А жрет он практически все.

Я почесал в затылке.

– Кузнецы точно считали это задание выполнимым?

Шахх усмехнулся.

– Их это совершенно не колышет. Они дают задание, а вы должны его выполнить. Или отказаться. Все просто.

– Действительно, – сказал я. – Куда уж проще – откромсать кусок у аномалии, которая, по ходу, ни разу не мертвая и приблизиться к которой означает немедленную смерть.

– Не обязательно приближаться.

Мы с Шаххом уставились на Ивана.

– Не обязательно, – повторил сталкер, вынимая из контейнера на поясе небольшой кристалл, слабо мерцающий удивительно красивым серым светом, отчего пальцы Ивана казались отлитыми из титана.

– Что это? – спросил Шахх. – Чувствую в нем какую-то нереальную силу. Ничего подобного никогда не видел, а я на своем веку артефактов повидал достаточно.

– Это осколок Монуумента моего мира, – произнес Иван. – Ваш я не видел, но точно знаю, что они отличаются – в проекциях миров ключевые аномалии всегда разные.

Сказав это, он с силой надавил кристаллом себе на ладонь – и рванул его в сторону. Открылась рана, к которой мой двойник приложил порождение своего мира, после чего сжал ладонь в кулак.

– Зачем? – поинтересовался я.

– Он тоже умеет исполнять желания, как и сам Монуумент, – пояснил Иван. – Но для этого ему нужно поест. А ест он свежую кровь... и кое-что еще.

– Что еще?

Мой двойник не ответил. Разжал ладонь – и мы увидели кристалл, обильно измазанный кровью. Впрочем, кровь эта быстро исчезала, словно осколок Монуумента впитывал ее в себя. Скорее всего, так оно и

было – артефакты и аномалии всегда охотники, любящие свежатинку. Видимо, это правило справедливо как для всех известных миров, так и для их проекций.

А Иван что-то прошептал себе в кулак, широко размахнулся – и швырнул кристалл в цилиндр.

Все геометрические фигуры этого мира плавали в плотном воздухе как в воде, медленно и величаво. Мы – тоже, иначе в этом полупрозрачном киселе двигаться было невозможно. А кристалл полетел к цилиндру словно пуля и ударил с такой силой, что поверхность аномалии взорвалась каскадом молний, напоминающих трещины.

Хотя нет – это и были трещины. Раздался хруст, и мертвый гравиконцентрат начал медленно разваливаться на фрагменты. А артефакт, вызвавший эти разрушения, отскочил от космически-черной поверхности и полетел обратно с заметно сниженной скоростью. То ли растерял энергию при ударе, то ли это было триумфальное возвращение победителя, которому не к лицу торопиться.

Иван поймал осколок Монумента, сунул его в контейнер, захлопнул крышку. При этом я заметил, что лицо моего двойника как-то осунулось, что ли. И сеточка мелких морщинок появилась в уголках глаз – вроде раньше ее не было.

И тут меня осенило.

– В качестве платы за исполнение желаний он берет кровь. И годы жизни, верно?

– Один год, – уточнил Иван. – За желание, несложное по его меркам. Все имеет свою цену. А уж исполнение желаний никогда не достается дешево.

Пока мы беседовали, Шахх осторожно подплыл к облаку осколков, оставшихся от цилиндра, лабрисом потыкал один, который был размером с мой кулак. Удовлетворившись экспериментом, мутант взял черный фрагмент в лапу, попытался сжать пальцы – и тут же, скривившись, разжал.

– Вот паскуда! – сказал он. – Маленький, а туда же. Попытался кожу мне снять с ладони. Контейнер есть свободный?

– Найдется, – кивнул запасливый Иван, у которого на поясе их было два.

– Клади – и валим отсюда, – проворчал Шахх.

– Что, обратно по цепочке «блинов»? – поинтересовался я, если честно, не горя желанием возвращаться в миры с глазасто-хвостатыми стражами и кровожадными летающими полотнищами.

– Да шас, – фыркнул ктулху. – Нас там ждут с нетерпением, а я не самоубийца. Но не дождутся.

Шахх заметно напрягся – и его тело начало бледнеть. Я знал, что это такое. Все ктулху умеют становиться невидимыми – ну, почти невидимыми, словно отлитыми из на редкость прозрачного стекла. И сейчас наш проводник явно собирался перейти в состояние «стелс».

– Ловите момент, – прорычал он. – В режиме невидимости мы умеем пробивать порталы, «кротовые норы». Сейчас я проковыряю выход в Распутье Миров, и вы сразу ныряйте туда. Иначе «нора» закроется.

И рубанул ладонью пространство перед собой, словно каратист, разбивающий высокую стопку кирпичей – с мощным выдохом и падением на одно колено.

Получилось впечатляюще.

Плотный воздух словно ножом разрезали. Раз – и в нем образовалась щель метра два высотой и с полметра шириной. Теперь понятно, почему ктулху в Зонах порой появляются словно из ниоткуда. Пробивают себе дыры в пространстве и перемещаются куда захотят. Вот уж чего не знал, так не знал. Как говорится, век живи – век учись, один хрен неучем помрешь.

– Быстрее, – рявкнул Шахх.

Ивана не надо было дважды упрашивать, видать, достали его эти нестандартные Зоны хуже горькой редьки. Бросился вперед, протиснулся в «нору» – и нет его.

И тут я увидел, как сверху, из тумана, в нашу сторону стремительно летит рой, похожий на облако крупной картечи, где каждая картечина величиной с теннисный мяч. Шипастый теннисный мяч с внимательным человеческим глазом посередине.

– Стражи! – взревел ктулху. – Беги, я их задержу!!!

В армии есть один хороший закон – в боевой обстановке приказы старшего по званию не обсуждаются, а лишь выполняются. Потом, после боя, можешь попробовать оспорить, высказать мнение. Но – потом. В нашей группе Шахх был, несомненно, старшим – и по опыту, и по боевым навыкам в мирах, которых мы до этого в глаза не видели.

И сейчас ситуация была именно такой. Старший приказал – выполняй. Но я уже понимал: Шахху не уйти от атаки стражей. Потому на секунду задержался, мысленно поднимая вверх из желудка все, что там осталось...

Поднял. И харкнул навстречу стражам от души, чуть рот не порвал – столько оттуда всего вылетело. После чего ринулся в щель, которая уже постепенно затягивалась. От мегаплевка, нехило так трянувшего мой организм, в глазах у меня плавали красные пятна, горло и пасть горели, будто я блевал целый час не переставая, но в отверстие между мирами я вписался четко: жить захочешь, в любую щель пролезешь.

Ну, я и пролез. И без каких-либо сопутствующих побочных эффектов вывалился прямо на фиолетовую траву перед знакомой кузницей. Метрах в двух от меня прямо на земле сидел Иван и крутил головой.

– Башкой приложился, – пояснил он. – В шею вступило конкретно.

– Это возрастное, – сказал я. – Меньше надо желаний загадывать, влияющих на долголетие.

– Ну ты и сволочь! – восхитился Иван. – Как бы вы, интересно, без меня добыли кусок дохлого гравиконцентра?.. А кстати, Шахх где?

– Там остался, – сказал я. – Наш отход прикрыл, а сам, по ходу, погиб. Там такая стая тварей на него неслась...

– И ты не помог?

– Не знаю, думаю, что не особо, – отозвался я. – Он сказал нырять в «кротовую нору», которая уже почти закрылась. Шахх бы в нее точно уже не пролез.

– Мало ли что он сказал... – начал было Иван, но я резко его перебил:

– Если такой умный и благородный, что ж сам первым в «нору» скакнул? Остался бы, держал руку на пульсе, контролировал обстановку.

Я гавкался со своим двойником, а на душе было все более погано. По-другому и быть не могло. Думаю, Иван на меня наезжал по той же причине – от бессилия. Когда понимаешь, что изменить ничего нельзя, лучше всего поорать на кого-нибудь, может, даже в морду треснуть,

дать выход эмоциям. Вряд ли станет легче, но в такие моменты кажется, что это поможет. Хотя ни черта тут уже ничем не поможешь. Первые дни хреново будет. Потом время начнет потихоньку залечивать рану. Но шрам от нее останется навсегда...

Внезапно раздался громкий хлопок, словно граната рванула в трех метрах от нас, и прямо из воздуха на траву вывалился Шахх. Весь в крови и в какой-то слизи. В боку дыра, словно туда из небольшой средневековой пушки ядром стрельнули, пара ротовых щупалец оторвана напроочь, одно на куске кожи висит.

– Ититьнах! – радостно воскликнул Иван. – Вот и наш герой! Измочален, но не сломлен.

– А ты, хомо, типа, подкалывать научился? – прохрипел Шахх. – Что, мать вашу, похоронили меня уже?

– Планировали, – сказал мой двойник.

– Не дождетесь, – произнес Шахх, с трудом поднимаясь на ноги. – Чего расселись, пошли кузнецов будить. Они, небось, дрыхнут, уработавшись. Нормальное для них состояние.

И тут меня словно что-то в затылок толкнуло. Мягко так, но настойчиво. Мол, подумай своей тыквой, пошевели извилинами. Типичный симптом того, что называется сталкерской «чуйкой», которая в той или иной степени вырабатывается у любого, кто умудрился остаться в живых, погуляв хотя бы сутки по аномальной Зоне. Потому что, если не выработается она в такие короткие сроки, вторых суток на зараженных землях не протянуть. В моем случае могу сказать, что это мистическое шестое чувство не раз спасало мне жизнь, и его сигналам я доверяю больше, чем всем остальным пяти чувствам вместе взятым.

– Погоди, – сказал я. – Что-то тут не так.

– Чего не так? – поморщился ктулху, держась за дыру в бочине. – У меня, конечно, регенерация и все такое, но еще немного без нормальной жратвы, и я точно лапы протяну. А у кузнецов всегда есть запас консервированной крови...

– Мне тоже эта тишина не нравится, – сказал Иван. – Если б я хотел кого-то живым взять, то стрелять бы не стал, а затихарился и подождал, пока этот живой сам придет в расставленную ловушку.

– Это ты можешь, как же, помню, – согласился я. – А еще знаю, что это могут и другие. Потому сейчас все идем к кузнице как ни в чем

не бывало, а как подойдем – действуем по обстоятельствам. Если я не ошибся, мы тем, кто нас поджидает, нужны именно живыми, иначе б нас и правда уже перестреляли.

Ну, мы и пошли. Шахха, кстати, при первых же шагах изрядно скрючило от боли, и понятно почему – регенерация у него так себе работала, больно уж существенную дыру в нем страж пробил. Тяжелые капли вытекали из раны словно из испорченного крана, и следом за мутантом по траве тянулся кровавый след. Мы с Иваном не сговариваясь отправили автоматы за спину, но так, чтоб, если что, одним движением их перевести в боевое положение, при этом лабрисы держали в руках. Шахх свой, по ходу, в последнем мире потерял, но ему простительно – с такой дырой в бочине хорошо что у самого сил хватило для себя «кротовую нору» прорубить. А топор, пусть даже аномальный, – дело наживное.

Когда Шахх покачнулся и едва устоял на ногах, мне пришлось подставить ему плечо. Тяжелый же он, блин! Но ничего, тяжелее ношу таскал, не переломлюсь. Иван, в свою очередь, поддержал мутанта со своей стороны. Так медленно, но верно мы дошли до кузницы, двустворчатые двери в которую были распахнуты настежь – так же, как и раньше. Похоже, они вообще никогда не закрывались. А зачем? Погода здесь, на Распутье Миров, как я понял, была всегда отличная, гостей много, и все доброжелательные. И чего париться, лишний раз двери закрывать-открывать? Правильно, совершенно незачем.

В эту гостеприимную полутьму кузницы мы и шагнули. И, если б были не настороже, то прямо в наши тушки и прилетели бы электроды штатовских тазеров, выстреливших одновременно. Знаю я эти приспособления, сталкивался. Их американская полиция использует для дистанционной парализации задерживаемых. Устройство, внешне отдаленно похожее на помесь пистолета со «смерть-лампой», выстреливает два электрода в виде маленьких гарпунов с тонкими проводами, по которым подается ток. Если попадет в человека такая штука – мало не покажется. Когда задерживаемый перестает трястись от разряда и приходит в себя, то в основном обнаруживает себя запакованным в наручники.

При этом «в основном» – ключевое, так как попадаются персонажи, на которых тазеры не действуют.

Мы с Иваном ждали чего-то подобного, потому резко подались в стороны, и мини-гарпуны пролетели мимо нас. А скептически настроенный Шахх поймал пару электродов прямо в грудь. И именно с ним это самое «в основном» и приключилось. Может, потому, что тазер банально не рассчитан на вырубку такой туши, может, у ктулху иммунитет к поражению электрическим током, но удар тазера его только взбесил.

Забыв про ранение, Шахх взревел и бросился вглубь кузницы. Мы – за ним. Кстати, я не особо удивился тому, с какой прытью ктулху бросился вперед. Когда мы с Иваном практически тащили мутанта к кузнице, я уже заподозрил неладное: если б он навалился на нас всем весом, мы бы просто рухнули носами в траву – триста кило в две хари на себе не утащишь. То есть имитировал. И теперь понятно с какой целью – обмануть своей напускной беспомощностью вероятного противника, однозначно наблюдающего за нами.

В кузнице затрещали выстрелы, и уже не тазеров – лупили автоматные очереди. То есть весь огонь Шахх на себя взял, нам путь открыл. Реально героический поступок!

Мы с Иваном ворвались в полутьму кузницы, разрываемую вспышками очередей и росчерками трассеров – по ходу, противник попался подготовленный, в полумраке кузницы трассирующими легче стрельбу корректировать. А потом я увидел мелькнувший в глубине кузницы красно-черный комбез и понял, что случилось.

Пока нас не было, на Распутье Миров пришли борги. Нашли блокпост, который мы с Иваном благополучно выпилили, и пришли сюда.

Мстить.

Для начала захватили врасплох кузнецов и связали их, решив, как я понимаю, в случае неважного развития событий использовать их в качестве заложников, если что-то пойдет не так. А нас, стало быть, решили взять живыми для показательно-мучительной казни среди сталкерской братии, мол, кто поднимет руку на борга, умирать будет долго и больно.

Но мы некоторым образом спутали их планы.

Кузница была довольно просторной, и в ней разместился на первый взгляд целый взвод отборных бойцов, здоровенных кабанов с плечами вдвое шире моих. Стало быть, элитный отряд зачистки

послали по наши души, серьезно обидевшись на нас за зачищенный блокпост.

Но плечи у Шахха были всяко шире, чем у любого борга. И живучесть отменная. Несмотря на то, что пули рвали его тело, ктулху метался по кузнице, раздавая боргам увесистые оплеухи. Часто летальные – у одного борга после пощечины Шахха оторвалась голова. Другой лежал на животе, а его жбан на свернутой шее смотрел в потолок стремительно стекленеющими глазами.

Однако силы мутанта стремительно падали. Не все пули, конечно, достались ему – двигался он так, что хрен нормально прицелишься, особенно в неважно освещенном помещении. Но и в него прилетело изрядно, потому движения Шахха на глазах становились медленнее...

Но тут в игру вступили мы с Иваном.

Когда работаешь из автомата, очереди имеют смысл, если противника в траншее или в условиях городского боя нужно подавить огнем, чтоб не высовывался. Или же в помещении, при работе метров до десяти, не более. А лучше менее, когда отдача и задираание ствола особо на точность попадания не влияют. Чтоб вклепить три-четыре пули во вражью тушку, гарантированно ее обезвредив, и тут же проделать то же самое со следующей – если она, конечно, не успеет раньше выпустить в тебя столь же короткую и эффективную очередь.

Но борги были заняты Шаххом – чисто психологически такая жуткая мишень отвлекает на себя все внимание. И это дало нам шанс, который мы постарались использовать по максимуму, не сговариваясь разделив сектора – мой слева от мутанта, Иванов – справа.

Первой же очередью я срезал борга, который, выпустив в мутанта весь магазин, лихорадочно менял его на полный... Не успел. Расстояние между нами было метра два от силы, потому я, не рискуя промахнуться, нажал на спуск – и тут же его отпустил.

Этого хватило. Три пули вошли точно между нагрудником и сферическим шлемом с пуленепробиваемым стеклом, туда, где относительно тонкий броневоротник не способен на столь короткой дистанции удержать автоматную пулю со стальным сердечником.

Борг рухнул на спину, словно ему бревном в тыкву прилетело, выпустил автомат, схватился руками за горло – обычный рефлекс, когда трахея или раздавлена своей же смятой броней, или прострелена. Извини, мужик, была бы у тебя обычная тактическая каска, я б тебе в

переносицу пулю милосердия пустил. А ковырять твой бронешлем, чтобы добить, времени у меня нету.

Второй борг, почуяв неладное, развернулся было вместе с автоматом в мою сторону, но я выстрелил раньше. Снаряга на нем была покруче, чем у моего предыдущего, это я моментом срисовал, да и времени у меня не оставалось на выбор цели, потому я саданул ему прямо в броник.

И спуск держал подольше.

Не знаю, пробил ли я его «четверку», но запреградное действие пуль, выпущенных почти в упор, точно свое дело сделало – борга отбросило назад, хрипя и задыхаясь, он схватился за грудь. Ну да, поломанные ребра затрудняют дыхание. А если их осколки пробili легкие, так вообще невесело будет.

Еще одного я отработал, но не очень удачно – в руку попал. Похоже, эффективно: борга развернуло, и он выпал из поля моего зрения. Наверно, на пол рухнул. Бывает, болевой шок порой сшибает с ног не хуже выстрела из РПГ.

Справа мигал короткими вспышками автомат Ивана, это я краем глаза срисовал – стало быть, с моим двойником все в порядке.

А вот с Шаххом было не очень.

Получив очередную порцию свинца, мутант споткнулся – и рухнул на пол кузницы. Плохо вдвойне. Во-первых, ктулху жалко, который за короткое время из хамоватого мута превратился в самого настоящего боевого товарища. И, во-вторых, теперь мы с Иваном остались один на один с оставшимися боргами.

Которых, кстати, оказалось аж целых пять с половиной штук. Один «трехсотый», раненный мной в плечо правой руки, поднялся на ноги и теперь пытался левой управляться с автоматом – в таком состоянии он как раз на полбойца тянул. А остальные были вполне себе боеспособные. Двое в тяжелых бронекостюмах, функционально аналогичных дорогущему комплекту экипировки «Всеволод», со сферическими бронешлемами, полностью закрывающими лицо. Остальные были в тяжелой борговской штурмовой снаряге: броник «четверка», каска, противоосколочные очки, композитный костюм на тушке, защищающий ее от воздействия слабых аномалий, осколков и пушечных пуль.

Все это я моментом срисовал – нормальный навык любого бойца, жизнью в Зоне наученного за доли секунды оценивать степень опасности. И в целом расклад был абсолютно не в нашу пользу. У меня в магазине оставалось одиннадцать патронов – напрягаться и считать их расход мне уже давно не приходится, мозг это сам делает, автоматически. У Ивана дела, по ходу, не намного лучше, так как стрелял он не меньше моего, и, как и я, магазин он еще не менял. Так или иначе, против пяти с половиной стрелков нам однозначно ловить было нечего.

Но, видимо, моя репутация легенды Зоны вселяла в борговцев определенное уважение, возможно, даже отчасти мистическое – уж и стреляли они в меня, и мутантами травили на арене, и вешать пытались, а я вот он, живой. И даже в двух экземплярах, что на людей впечатлительных должно было подействовать слегка шокирующе.

И подействовало. Настолько, что раненый борг решил не рисковать, пытаясь срезать нас очередью с левой руки. Вместо этого он бросил автомат, выдернул из подсумка «эфку» и, швырнув мне ее под ноги, заорал:

– Пацаны, ложись!!!

Ясно, блин. Кольцо у него было куском парашютной стропы к петле на разгрузке привязано, «усы» сведены заранее. Вытаскивай гранату порезче да швыряй, чека от рывка сама вылетит и на стропе повиснет. Удобно, практично, быстро. И надежно, в нашем случае особенно. Разброс осколков «эфки» двести метров, друзья-товарищи все в броне, если и посечет кого, то не фатально. А этим двум Снайперам, у которых из защиты лишь тактические костюмы да аура легенды Зоны, точно кирдык. Ибо любой, даже самый крутой авторитет против «эфки» аргумент, прямо скажем, никакой.

И вдруг гранату, катящуюся по полу, накрыла тень.

Большая.

Твою ж душу...

Это Шахх пришел в себя и в последнем рывке грудью упал на «эфку». И пока он падал, я уже бежал вперед, ускорившись насколько мог. Потому что боец, который, спасаясь от гранаты, упал на живот, это уже на короткое время не боец, а очень легкая мишень.

Сферические бронешлемы смотрятся впечатляюще и стоят недешево, ибо многослойное бронестекло и правда держит пулю

«калаша», выпущенную почти в упор. А вот задняя часть такого дорогущего предмета хоть и бронирована, но слабее. Например, если с полуметра выпустить короткую очередь в затылок лежащему бойцу, то он уже никогда не поднимется. И поднимать его стоит людям психологически подготовленным, так как мозги, а особенно глаза, выбитые из черепа на обратную сторону бронестекла, выглядят довольно жутко.

Второй «мой» только успел морду от пола оторвать, услышав приглушенный хлопок гранаты, – в ту морду моя вторая очередь и прилетела, после чего в моем секторе остался только раненый борг. Тот, который убил Шахха.

Он, кстати, довольно шустрым оказался для раненого. Вскочил на ноги, вскинул автомат, держа его левой рукой за рукоять с явным намерением начать поливать врагов свинцом, словно из душа...

И даже успел нажать на спуск.

Но я не стал ждать, пока мне в морду прилетят свинцовые гостинцы. Не снижая скорости, я прыгнул вперед, кувыркнулся в воздухе, упал на спину, по инерции проехался на ней по полу как раз до ног стрелка, выбросив руку вверх, упер ему ствол автомата в подбородок и нажал на спусковой крючок.

Последние четыре пули пробили череп борга вместе с каской, отбросив его назад и швырнув в потолок сноп кровавых брызг. Две из них упали обратно, прямо мне на лицо. Одна на щеку, вторая на верхнюю губу. Соленая, еще теплая, почти горячая. Только что выполняла свою важную функцию в чужой голове – и все. Никому больше не нужна, как и человек, который хотел убить, но сам был убит и теперь валяется где-то там, впереди, на полу, бесполезным куском мертвого мяса.

Справа от меня было тихо. Значит, Иван тоже справился со своими. Наверно. Надо посмотреть.

Я встал, сплюнул вязкую слюну, смешанную с чужой кровью, и увидел Ивана.

Он справился. Три борговских трупа лежали на полу, один с лабрисом, торчащим во лбу. Сам Иван стоял на ногах, на плече – рваная рана. Судя по тому, как обильно кровоточит, пуля пробороздила кожу и мясо, кость вряд ли задета. Плохие пулевые раны редко дают

очень много крови – там внутри кость в труху, а снаружи вход и выход, два отверстия. Или только вход, что еще хуже.

– Как сам? – спросил я.

– Жить буду, – отозвался Иван. – Все «двухсотые»?

– Вроде.

– Шахх?

– Не смотрел, но вряд ли жив.

– Ладно, – сказал мой двойник, закидывая автомат за спину. – Я пойду гляну, как он, заодно свою царапину пластырем заклею, а ты кузнецов поищи.

– Принято, – отозвался я. Ну а чего выпендриваться, если все сказано по делу? Снял я у одного из мертвых красно-черных с пояса австрийский нож Glock 81 и отправился на поиски.

Кузнецов я нашел в дальнем углу помещения. Борги связали обоих, рот, глаза и уши заодно заклеили скотчем, после чего положили за огромный стальной короб для угля. Понятно. Ценные для них работники, не хотели, чтоб кузнецов рикошетами посекло. Ну и скотч использовали с избытком, дабы пленники голосом не выдали засаду.

Перерезать пластиковые наручники, которыми были стянуты запястья и большие пальцы кузнецов, проблемы не составило. А вот скотч снялся тяжело, частично вместе с волосами и бровями. Изуверский способ нейтрализации активности пленных, но, надо признать, надежный... Когда не видно и не слышно вообще ничего, теряется ощущение времени, и мысли о побеге не возникают в принципе. Куда бежать-то, когда не видать ни черта?

– Паскуды, – проговорил Шаман, когда я рывком отодрал от его лица щедрую полосу скотча, частично вместе с трехдневной щетиной. – В гробу я видал такую эпиляцию.

– Как они вошли? – поинтересовался я, освобождая Медведя, упакованного аналогичным образом.

– Светошумовую кинули, – поморщился Шаман. – И связали, пока мы глазами хлопали, не видя и не слыша ни хрена.

– Ясно, – кивнул я. По ходу, крепко борги обиделись за вынесенный блокпост. Ради того, чтобы отомстить, даже своей ремонтной базой не побоялись пожертвовать.

– Допрашивали? – спросил я.

– Нет, – мотнул головой Шаман. – А чего тут допрашивать, если ваши следы к порталу ведут? И так все ясно, без допросов. Благодарю, что освободили. Теперь у нас к красно-черным свой счет появился, не обрадуются.

– Это точно, – кивнул Медведь. – Зря они так. Придется спросить с них по полной.

– Приношу извинения, это моя вина, – сказал я.

– Ты-то тут при чем? – удивился Медведь. – Ты виноват – с тебя и спрос должен быть. А нас по подлянке вырубить, связать и использовать как заложников – за это спрос будет с них.

– Те, кто это сделал, уже в Краю вечной войны, – произнес Иван. – Спрашивать со всей группировки смысла нет, они, может, вообще не при делах. Может, это инициатива отдельного патруля, который наткнулся на вынесенный блокпост.

– Вот и узнаем, – нехорошо усмехнулся Шаман, хрустнув кулачищами, каждый из которых был размером без малого с мою голову. – И где, кстати, Шахх?

– Нет больше Шахха, – сказал подошедший Иван. – Убили его борги. Там дыра в груди от гранаты – каска легко пролезет.

– Еще один повод спросить с красно-черных, – скрипнул зубами Шаман. – Но сначала надо ктулху похоронить и наши обязательства выполнить. Хабар принесли?

Иван открыл контейнер на поясе, вытащил трофеи.

– Ага, годится, – сказал Медведь. – «Вороний камень» отличный, кусок «жары» надо было с середины брать, там рисунок ярче, но этот тоже сойдет.

«Ничего себе, “с середины брать”, – подумал я. – Сам сходи, возьми с середины, а я посмотрю, как у тебя это получится».

– Мертвый гравиконцентрат вообще огонь! – восхитился Шаман. – Как добыли, если не секрет?

– Взорвали, – лаконично ответил Иван.

– Молодцы, – усмехнулся Медведь, причем с некоторой ноткой уважения в голосе. – А это что?

– «Алмазы», как договаривались, – произнес я. – С включениями. Шахх говорил, что они вроде ценнее обычных...

– Шахх, упокой его Зона, в артефактах разбирался так себе, – сказал Шаман. – Это ни хрена не «алмазы».

– Ага, – кивнул Медведь. – Это одноразовые «таймеры». Один радиусом метра три, второй, думаю, метров на десять потянет.

Мы с Иваном переглянулись. По ходу, он тоже про какие-то «таймеры» в первый раз слышал.

– Не поясните? – поинтересовался я.

– Лучше показать, – хмыкнул Шаман. – Пойдемте туда, где Шахх лежит.

У меня было полное впечатление, что кузница словно плывет в пространстве, меняя свою форму и размеры. Сюда шли, вроде недалеко от входа было, а обратно – будто вдвое большее расстояние ногами отмеряли. Да и стены стали явно выше, потолок вверх уехал... Видя мое удивление, Медведь пояснил:

– Распутье Миров находится одновременно в нескольких измерениях. Потому все, что тут находится, может изменяться. Потoki Времени то ускоряют Распутье, то замедляют, Волны Пространства искажают реальность, растягивая ее или сжимая, словно резиновую. Туманы Бесконечности...

– Я понял, – сказал я, хотя по сути догнал лишь то, что место это похуже всяких Зон. И валить отсюда лучше как можно скорее, пока какие-нибудь Течения Мироздания не деформировали мою драгоценную тушку, которая меня вполне устраивает в своих привычных габаритах. – Шахх вон там лежит.

Иван как-то умудрился перевернуть тяжеленный труп, и теперь мутант лежал на спине, уставившись в потолок невидящими глазами. Грудь ему, конечно, разворотило знатно, да и тело неслабо порвало пулями – основной автоматный огонь он взял на себя, прикрыв нас с Иваном. Героический мут был, настоящий боевой товарищ...

Глаза у меня слегка защипало, наверно, от тяжелого и вонючего тротилового дыма, все еще висящего в воздухе. А может, и не от него...

Кузнецам же, похоже, смерть их охранника была по барабану. Подошли, осмотрели место битвы, трупы боргов внимательно изучили, хотя чего их разглядывать – мертвечина, она и есть мертвечина, живее не станет. Разве только если в «роженицу» попадет, так то все равно не живой человек, адохлый зомби получится...

А кузнецы какой-то совсем непонятный разговор завели.

– А «таймеры»-то в тему оказались. Малым для начала попробуем?

– Не знаю, хватит ли диаметра.

– Большой может всю кузню захватить. Будет все по новой, и не факт, что на этот раз гладко пройдет.

– Так мы на что? Мы в диаметр, скорее всего, не попадем, мы ж дальше, за ящиком лежим. Значит, можем поучаствовать.

– А если удвоение?

– Тогда диаметр коллапснуть может из-за парадокса. Схлопнется в точку.

– Офигеть, конечно, перспектива.

Я кашлянул:

– Уважаемые, вы о чем, не поясните?

Оба кузнеца уставились на меня, как на идиота.

– Ты же сталкер, легенда Зоны, – произнес Медведь. – Про свойства «таймеров» должен знать.

– Да я их первый раз вижу, – сказал я. – Нет в нашей Зоне таких артефактов.

Кузнецы переглянулись.

– Странно, – сказал Шаман.

– Но объяснимо, – произнес Медведь. – Похоже, в их Зону только с одного крупного предприятия «мусорщиков» отходы свозят. И на том предприятии «таймеров» просто нет.

– Может, и так, – пожал плечами Шаман. – Короче, все просто. Эти арты ненадолго возвращают в прошлое фрагменты пространства. Активировал – и понеслось время назад в определенном диаметре.

– Ясно, – кивнул я. – Вы предполагаете вернуть в прошлое участок кузницы, на котором погиб Шахх, чтобы предотвратить его смерть.

– Точно, – кивнул Медведь. – Но есть сомнения. Опыт их использования у нас небогатый, подозреваю, что возможны парадоксы времени. Активировать один из них придется с кем-то внутри диаметра, кто спасет Шахха, при этом, как я понимаю, пули и граната, которая его убила, будут лететь словно из ниоткуда...

– То есть есть риск погибнуть...

– Не только от пули, – перебил меня Шаман. – Лично я понятия не имею, как может сработать парадокс времени, – ведь там, в прошлом,

ты будешь рядом с самим собой, находящимся в нескольких метрах от тебя.

– Взрыв мозга. – Иван поднял брови, очень знакомо потер подбородок.

– То есть ты уже решил, что это буду я, – усмехнулся я.

– Ну, – замялся Шаман. – Или ты, или твой двойник. Больше некому. Мы с Медведем умеем молотами махать, можем кулаком вгрызлю втащить что человеку, что мутанту так, что мало не покажется. Но думаю, что в прошлом понадобятся другие навыки.

– Справедливо, – кивнул я. – Хотя твой ледяной вопль меня сильно впечатлил.

– Зря я его потратил, – поморщился кузнец. – Грохнул бы вас Шахх тогда, и ничего бы этого не было. Теперь неделю ждать придется, пока «морозный крик» во мне восстановится и его можно будет снова использовать. К тому времени «таймеры» бесполезны будут, они максимум на полчаса время возвращают.

– Ясно, – кивнул я. – В общем, я в деле.

– Я тоже, – сказал Иван. – Мы вместе ходили в Четвертый, Шахх и меня прикрывал, и вообще с Иваном у нас тут интерес общий. Так что засылайте нас обоих.

Кузнецы одновременно пожали мощными плечами.

– Логично, не поспоришь, – сказал Шаман. – Пойду за клещами схожу.

Сходил, принес почерневшую от нагара железяку, похожую на подкову с двумя длинными рукоятями.

– Короче, – сказал он, протягивая мне клещи и один из «таймеров». – Это малый, даст диаметр около трех метров. Работает, пока его клещами давишь. Отпустишь – вернешься в свое нормальное время. В общем, один из вас давит, другой работает. Думаю, будет оптимально схватить гранату, кинуть обратно – и все. Куда она упадет, вы знаете, просто перехватить в полете, выбросить – и перестать давить на клещи. Думаю, тогда Шахх останется жив. Только не отвлекайтесь на самих себя, которые будут рядом. Тут дел-то на пару секунд.

– Хотелось бы верить, – хмыкнул я. – Но в моем случае обычно любой идеальный план на практике превращается в лютый, непредсказуемый треш.

– Сплюнь три раза, – поморщился Иван. – Вечно ты нагнетаешь. По себе знаю, сам такой же. Короче, ты давишь, я работаю.

– Все верно, только наоборот, – сказал я.

– Чего это?

– В зеркало давно смотрелся?

Иван непонимающе уставился на меня.

– Морщины у тебя в уголках глаз, – сказал я. – Складки носогубные глубже, чем у меня. И уж извини, двигаешься ты теперь тоже помедленнее, чем я. Немного, но помедленнее.

Иван хрустнул кулаками.

– Хрусти суставами, не хрусти, но твой осколок Монумена забрал у тебя лет пять-семь жизни по сравнению со мной, – сказал я. – И что это значит, ты знаешь не хуже меня.

– Знаю, – сквозь зубы произнес Иван. – Гребаный ген старения. И ведь ни одного артефакта нет, который бы его отключал. Ладно, как давить?

– Руками, – усмехнулся Медведь. – Ногами не надо, выронишь. Сильнее давишь – быстрее время отматывается назад. Слабее – медленнее. Перестаешь давить – оно откатывается до нормы.

– А почему руками давить нельзя? – поинтересовался Иван.

– Ладони сгорят, – просто ответил Шаман. – Когда давишь, «таймер» разогревается.

– Ясно, – кивнул я. – Только давай-ка не малый «таймер», а большой. Так мне проще будет сориентироваться. Чем дальше горизонт, тем больше пространство для маневра.

Шаман спорить не стал, хотя арты поменял с явной неохотой. Думаю, просто большой «таймер» стоил в разы дороже малого, но к чести Шамана могу сказать, что с уникальным артефактом он расстался легко. Более того, подумав немного, протянул мне и малый, сказав:

– Возьми и этот. Мало ли.

Я тоже не стал возражать. Забрал артефакт, отдал его Ивану, проверил автомат, магазины, встал возле трупа Шахха и кивнул своему двойнику, уже зажавшему артефакт клещами:

– Ну что, поехали.

– Ну что ж, давай попробуем, – отозвался Иван.

И нажал на рукоятки.

В ту же секунду в моей голове родилось очень много матерных слов в адрес кузнецов и уникального артефакта «таймер». Потому что процесс отматывания времени назад оказался очень болезненным.

Боль родилась внутри головы, будто там, в середине мозга, микробомба взорвалась и огненные волны от нее начали стремительно растекаться по черепу. Словно раскаленными иглами пронзили уши изнутри. Раздробили в кашу обе челюсти – во всяком случае, впечатление было именно таким – и принялись нестерпимо жечь глаза, которым я сейчас не верил...

Потому что все происходящее до этого момента начало откручиваться назад. Все, кроме нас с Иваном. Мы стояли внутри и правда примерно десятиметрового круга и наблюдали, как события сегодняшнего дня отматываются в обратном направлении. Причем мы с моим двойником будто разделились: мы – это были мы, но в то же время два сталкера с моей внешностью сейчас быстро, словно в ускоренной обратной съемке, пятясь, шли назад из глубины кузницы, как я понимаю, от ящика, за который борги спрятали ценных пленников.

Боль все нарастала. Я видел, что Ивану тоже несладко, но он продолжал изо всех сил сдавливать «таймер» – и время ускорялось. В кузнице появились фигуры убитых нами красно-черных, просто поднялись с пола и начали стрелять в кого-то за нашими спинами. Блин, да ясно в кого – в нас! Тех, кто три четверти часа назад ворвался сюда во главе с Шаххом. Причем я ясно видел: росчерки трассирующих пуль боргов пролетали сквозь нас, словно мы были бесплотными тенями. Причем летели они в обратную сторону, ловко ныряя в автоматные стволы, словно пчелы, возвращающиеся в улей. Ну да, все объяснимо – время отматывалось назад, по-другому и быть не могло. И пока что парадокса не было: мы видели происходящее, но оно на нас никак не влияло. Мы словно были в ином измерении, в иной реальности... Хотя почему «словно»? В ней и были.

До тех пор, пока с пола передо мной спиной вперед не поднялся Шахх. Его развороченной груди больше не было, так как граната, причинившая смертельное ранение, взлетела с пола и устремилась в руку борга, укрывшегося за двурогой наковальней, установленной на

массивном деревянном чурбане, обитом железными полосами. Из-за нее он «эргэдэшку» и бросил, паскуда. И укрытие себе классное нашел: такое фиг пробьешь из автомата, тут только РПГ поможет с кумулятивным выстрелом...

А Шахх уже удалялся вглубь кузницы, и из его тела вылетали красные росчерки трассеров, возвращаясь обратно в автоматы боргов...

Между тем артефакт, зажатый в клещах, раскалился добела, а вместе с ним и сами клещи побелели по самую ось. Еще немного, и Иван не сможет удерживать разогревшиеся рукояти... Но нужно еще чуть-чуть, буквально секунд тридцать до начала стрельбы, иначе, когда время вновь пойдет своим чередом, мы просто не успеем уйти с линии огня и все пули будут наши...

И тут клещи сломались!

Лопнули, не выдержав экстремальной температуры.

Белый от температуры «таймер» упал на пол, издал звук, с которым лопается воздушный шарик, и исчез.

И тут же время потекло в нормальном направлении, словно невидимый оператор, отматывающий киноленту в обратную сторону, повернул тумблер – и фильм снова начал воспроизводиться в обычном режиме. Вот только зрители – то есть мы с Иваном – не в креслах кинозала сидели, а находились внутри этого фильма под названием «жизнь».

– Ложись! – заорал я, падая на пол, потому что из глубины кузницы на меня бежал Шахх, словно живой щит из огромных мускулов, с безумными белыми глазами и растопыренными во все стороны ротовыми щупальцами, а за ним, как пехота за танком, бежали двое, стреляя во все, что движется впереди.

В том числе – в нас!

– Гребаный парадокс! – скрипнул зубами Иван. По ходу, снова задело его? Но времени на то, чтобы посмотреть, что там с моим двойником, не было. Я лежал на полу, понимая, что ни черта не могу сделать, что как только я приподнимусь, как или от меня самого мне пуля прилетит, благо я во вражьем черно-красном костюме, либо от боргов, поливающих Шахха из автоматов...

И я уже видел, как из-за наковальни высовывается морда в маске-балаклаве, оценивая обстановку, и понятно было, что сейчас делает

хозяин этой морды. В одной руке «эргэдэшку» держит, наверняка уже чеку выдернул, падла, и через две-три секунды полетит эта граната прямо на мою тушку, и падать Шахху придется на меня, и единственное, что поменяется в Мироздании, так это разворотит та «эргэдэшка» не только грудь ктулху, но и меня заодно. И выстрелить в того борга – никак, грамотно он спрятался за той наковальней, из-за которой уже вылетела граната защитного цвета... Вот только из положения лежа хрен я ее поймаю и отброшу, когда над башкой стаи пуль летают туда-сюда.

«Эргэдэшка» упала, ткнулась мне в бок, и в ту же секунду на меня надвинулась тень Шахха. Да ну на фиг! Зачем умирать двоим, когда можно ограничиться одной смертью? Правильно, совершенно ни к чему.

Приподняться я не мог, а вот рукой шевельнуть – запросто. Ну, я и шевельнул, запихивая гранату под себя. Забавно, конечно, когда точно знаешь, сколько тебе жить осталось.

Две секунды.

Брехня, что за это время перед глазами вся жизнь проносится. Перед глазами все то же самое – черный от сажи пол, гильзы, падающие на него, отскакивающие от досок, катящиеся по ним. В ушах – треск очередей и отборный мат автоматчиков. И в голове ничего, лишь привычный счет, который начинает отсчитывать мозг любого вояки при виде гранаты без чеки и скобы:

«Двадцать три... Двадцать четыре... Все...»

Хлопка я не услышал, лишь почувствовал, как меня приподняло над полом. А потом все исчезло – кузница, звуки воплей и выстрелов, вонь сгоревшего пороха и кислого, нервного пота многих людей, который в обычной обстановке и не учуешь, но в бою чувства обостряются в разы...

Я плыл в снежно-белой пустоте и удивлялся, мол, что происходит-то? Почему такая ослепительная белизна вокруг, без конца и края, и нет ничего, кроме нее. Даже меня, который ее видит, но не глазами, так как глаз-то нет. Потому что меня нет. Есть лишь мое «я», которое плывет себе в этой молочной вселенной без конца и края, словно безвольная медуза в бескрайнем океане...

А потом раздался ужасающий треск, и молочный мир раскололся, разорвался надвое, словно лист белоснежного ватмана, и из этого

разрыва я услышал голос, который отчетливо произнес:

– Ну ни хрена ж себе!

Вместе с голосом пришло ощущение тела, окоченевшего от какого-то космического холода. Странно. Разве так должен чувствовать себя человек, запихнувший под себя гранату с вырванной чекой? Подобного опыта в моей жизни еще не было, но думаю, что взорвать себя «эргэдэшкой» и замерзнуть как собака есть как бы разные вещи.

Открывать глаза не хотелось. Вдруг холод – это обман чувств, а на самом деле я лежу сейчас в виде разобранного конструктора: ноги-руки отдельно, а к живой голове подведен какой-нибудь сосуд жизнеобеспечения. Захарову, например, такое проверить – раз плюнуть...

Но узнать, как оно на самом деле, можно было только одним способом. И я его применил, с опаской приподняв непривычно тяжелые веки.

Нет, это была не лаборатория ученого. Лежу на спине, сверху – потолок, закопченный до абсолютной, эталонной черноты. И в воздухе висит знакомая до боли тротиловая вонь, смешанная с легким металлическим запахом свежей крови. Моей? Или боргов? Или и то и другое вместе.

– Блин, ну реально – ни хрена себе! – с восторгом проговорил голос.

По-моему, проще было бы согнуть руками железный лом, чем мою задубевшую шею. Но я сделал подвиг – приподнял голову.

И изрядно офигел.

Я лежал на верстаке, видимо, ничего более приличного, на что можно труп положить, в кузне не нашлось. Лежал себе целый и невредимый, только почему-то промерзший насквозь, словно свежемороженая треска. Рядом с верстаком, уставившись на меня, как на чудо невиданное, стоял Шахх без видимых следов повреждений. Грудь целехонькая, даже следов от пуль на теле нет – хотя у их породы раны зарастают чуть ли не на глазах.

Рядом с ним стояли кузнецы.

И Иван, глянув на которого я сразу понял, почему живые и я, и Шахх.

Морщин на лице моего двойника прибавилось заметно. И седина голову изрядно припорошила, почти полностью выбелив виски.

– Сколько он взял? – прохрипел я, уже поняв, что случилось.

– Много, – невесело усмехнулся Иван. – Лет пять, думаю. А может, и все десять. Но и желание было неслабое. Когда ты под себя гранату сунул, я вдруг понял, что последствия могут быть посерьезнее, чем твоя мертвая тушка. Мы фактически внутри аномалии, трансформировавшей время. И хрен ее знает, что она выкинет, если в ней погибнет легенда Зоны. Мы ж с тобой на историю наших миров напрямую влияем. Плюс внутри той аномалии находятся две наших копии, фактически мы полчаса назад – и вдруг ты погибаешь. Парадокс налицо. Кто знает, как на это отреагировало бы Мироздание. Думаю, могло бы просто стереть нашу реальность из-за такого бага.

– Ясно, – сказал я. – Если моб во временной аномалии помер, то и фиг с ним, Мироздание и не заметит. А если сдох матерый убийца, влияющий на сюжет, то игра может не просто дать баг, но и совсем вылететь.

– Именно, – кивнул Иван. – Ты же помнишь, как чуть не уничтожил всю Розу Миров, когда начал менять свое личное прошлое^[5].

– Ты и это знаешь? – удивился я.

– Это знают все, кто в теме, – расплывчато произнес Иван. – Так вот – думаю, то, как ты тогда потряс Розу Миров, могло показаться детской шалостью по сравнению с тем парадоксом, который мог сейчас произойти. Но главное, что все обошлось, и теперь мы в расчете. Считаю, что Долг Жизни я тебе отдал. Подтверждаешь?

– Ага, – сказал я, расслабляясь на верстаке, так как устал вертеть головой и удивляться. – Теперь можешь меня грохнуть. Сделать то, ради ты чего прошел такой долгий путь.

– Не буду, – сказал Иван. – Я получил задание убить человека с позывным Снайпер...

Он запнулся. А я заранее скривился, подумав, что сейчас он выдаст какой-нибудь избитый штамп в стиле плохого романа, типа «... но не думал, что встречу боевого товарища», или что-то в этом роде.

Не сказал. После паузы выдал другое, тоже мутное:

– В общем, думаю, что скоро ты сам выполнишь мое задание.

Бред какой-то. Ладно, у него стресс, как-никак, в одночасье постареть на десяток лет так себе удовольствие. Может, возраст на мозгах сказался, вот и метет всякий бред.

Верстак был широкий, но жесткий, лопатки и затылок поднывать начали, посылая недвусмысленный сигнал, что отдых после возвращения с того света дело хорошее, но пора и честь знать. Сделав над собой морально-физическое усилие, я с трудом встал с верстака и принялся разминать тело, словно сутки провалявшееся в промышленном холодильнике. Вот уж не думал, что успею так быстро окоченеть. Вроде подышал не раз, но такого побочного эффекта не замечал.

– Пока он там отжимается и приседает, может, к делу перейдем, – сказал Иван, протягивая Шаману артефакт, похожий на глаз, вырванный из орбиты великана. – Это, как вы понимаете, все, что есть.

– Маловато будет, за два-то ножа... – почесав щетинистый подбородок, произнес кузнец.

– Нормально будет, – перебил брата Медведь, на ладони которого лежал кусок абсолютной тьмы, который мы вынесли из Четвертого мира. – Ты когда-нибудь такой фрагмент мертвого гравиконцентра в руках держал? Для добавки нужна от силы одна десятая, остальное пойдет в счет долга. Ну и Шахха они с того света вытащили, это тоже немало. Плюс снарягу боргов продадим в Восьмой мир, там, если помнишь, золота навалом, а с оружием и тактическим шмотом всегда напряженка.

– Ладно, уломал, – усмехнулся Шаман. – Я это так, не от жадности, а для порядку...

– Будем считать, что порядку прибавилось, теперь можно к работе приступать, – сказал Медведь. – Долги надо отдавать как можно скорее, пока процент не набежал.

– Процент? – приподнял густые брови Шаман.

– Не обязательно финансовый, – пояснил Медведь. – Я больше про моральный и репутационный, которые у нормальных людей всегда превыше финансового.

– Ну... это да, – протянул Шаман, если и не согласившийся с братом, то мудро решивший придержать свое мнение при себе. – Так, короче, выметайтесь все с кузни, работать мы будем. И да, трупы с собой заберите. Шахх, ты знаешь, что делать.

– А то, – ощерился мутант, покосившись на борга, который мне показался живым, но без сознания. Что ж, похоже, красно-черному сегодня второй раз не повезет остаться в живых – ктулху после

ранений бывают зверски голодными. А уж после возврата из Края вечной войны – тем более.

* * *

Война – работа грязная и нервная. Белоручки и люди эмоционально нестабильные на ней не задерживаются, быстро превращаясь из рефлексирующих особей в спокойных и неконфликтных «двухсотых». Ну и приоритеты тут надо сразу расставить: оружие, которое враг держит в руках, а также все, что на враге надето, – это хабар, который брать не можно, а нужно, если в том есть необходимость. Это твой законный боевой трофей, и сомневаться в этом можно только на гражданке. На войне сомневающийся очень быстро останется без патронов, которые имеют свойство заканчиваться, берцев, которые снашиваются в разы быстрее, чем на Большой земле, и банально штанов, которые во время боестолкновений и многокилометровых маршей постоянно рвутся и протираются на коленях даже под щитками.

– Нормальные, гады, – удовлетворенно произнес Иван, натягивая на ногу снятый с трупа второй берц после того, как надел и опробовал первый. – Хорошо разношенные, но не убитые, нога прям спит и цветные сны видит.

– Ты, когда свои сонные ноги упакуешь, подключайся, – проворчал я, таща мертвеца за ноги к болоту, которое раскинулось неподалеку, – фиолетовое, как местная трава, и жадное до мертвого мяса, как изголодавшаяся аномалия. – Я уже сейчас третьего топить буду, а ты все тут некрошопингом занимаешься.

– Надеюсь, когда топишь, брюхо вскрываешь, чтоб они потом не всплывали?

– Ни к чему эти неаппетитные манипуляции, – отозвался я. – Болото жрет боргов как семечки, только дым стоит. В буквальном смысле. Фиолетовый, над поверхностью.

– Ясно, – сказал Иван, закончив с переобуванием. – Тогда и я своего пойду определяю туда же. Чувствую, сегодня то болото обожрется и отравится – вреднее боргов только вольные.

Пока мы корячились с трупами, Шахх отдыхал – от пережитого его только что вытошнило кровью, которую он высосал из раненого, превратив его в мумию. Сейчас ктулху сидел, привалившись спиной к стволу дерева, бледный и несчастный. Когда мы, закончив работу, развалились рядом на чахлой серой травке, Шахх сказал виновато:

– Мужики, вы это... извините, что не помог. Что-то хреново мне. Лапы трясутся, и голова кружится.

– Борг несвежий попался, – с видом знатока сказал Иван. – Гнилой внутри. У красно-черных это часто случается, что в вашем мире, что в моем. В следующий раз, прежде чем борга выдуть как поллитру пива, сначала попробуй, посмакуй, как старое вино, и только тогда употребляй.

– Вот, блин, воспитал тролля на свою голову, – грустно произнес Шахх. – Учит ктулху, как правильно кровь пить.

– Так тебя не учить, никакой гранаты не понадобится – помрешь в Зоне как последняя «отмычка» ни за хвост собачий, – продолжал глумиться Иван, явно вошедший во вкус.

– Если только ты не помрешь раньше, – мстительно прищурился Шахх. – Ты хоть и постарел с виду, но, надеюсь, еще не протух. Будешь много трендеть, попробую твою кровь на вкус. И если не слишком вонючая, то рискну еще раз пообедать.

– Ну вот, начались угрозы с позиции силы, – слегка поумерил пыл мой двойник. – Явный признак недостатка аргументов.

– Ладно вам, – сказал я. – Не надоело гавкаться?

И, кивнув на кузницу, поинтересовался:

– Шахх, лучше скажи, у них там это надолго, с ножами нашими?

– Не знаю, – покачал головой мутант. – Работа сложная и тонкая, как я понимаю, – у вас же надо сущности убитых в клинках сохранить, а это всегда непросто. К тому же я слышал, Шаман сказал, что в твоём ноже еще один клинок живет, и про это вообще не понял. Это как?

– Меч моего погибшего друга стал частью моего ножа, – сказал я. – Это сложно, сам не до конца понимаю, как такое могло произойти.

– Тогда точно надолго, – махнул лапой Шахх. – Хотя... Глянь на кузницу, видишь чего?

Я посмотрел.

Вроде ничего необычного, только здание кузницы сейчас казалось немного размытым и слегка дрожащим, словно пустынный мираж. И

звон ударов металла о металл, до этого хорошо слышный сквозь бревенчатые стены, сейчас казался далеким, будто не в пятидесяти метрах от нас стояла кузня, а как минимум в километре.

– Они время ускорили, хотят заказ сделать побыстрее, – сказал Шахх. – Эти могут. Расплавят пару-тройку артефактов, постучат молотками по расплаву – вот время и побежало раз в десять быстрее обычного. Хороший кузнец всегда немного волшебник, умеющий создать настоящее чудо.

– Ты и про волшебников знаешь? – удивился я.

– В детстве много читал, – хмыкнул Шахх.

– Не понял, – удивился Иван. – Откуда в Зоне книги, особенно у мутантов?

– А вы так и не догнали, – вздохнул ктулху. – Те из нас, кто умеет думать и говорить как вы, раньше были людьми. Пока...

– Что пока? – переспросил я.

– Неважно, – проговорил мутант. И, внимательно посмотрев на меня, добавил: – Всему свое время. Думаю, скоро ты узнаешь ответ на свой вопрос.

– Блин, все прям такие загадочные и непостижимые, куда деваться, – проворчал я, устраиваясь поудобнее на траве. – Вы там толкните меня, когда братья с ножами закончат, а я пока покемарю немного – рубит прям не по-детски.

Я и правда устал. Смертельно устал. Настолько, что даже про голод забыл. Накатило. В таком состоянии бойцы на войне в окопах спят во время артобстрелов. Закутался с головой в плащ-палатку, если есть, а если нет, то просто морду и шею прикрыл, чтоб за шиворот земля не сыпалась с бруствера, – и давай сны про мирную жизнь смотреть. Было со мной разок такое во время Второй мировой^[6], вполне реальная ситуация. Примерно такая, как сейчас.

В общем, как только я глаза закрыл, так мне сразу сон снится начал. Причем я прекрасно осознавал, что это сон, игрушка утомленного мозга, который, вместо того чтобы нормально отдыхать, развлекает себя киношками, которые сам же и выдумывает.

Снилось мне, что я бегу по лесу, ловко огибая деревья. Быстро бегу, в реальности так по лесу не поносишься – или об корень споткнешься, или веткой глаз выколешь. Да и чисто сил не хватит

нарезáть по пересеченной местности со скоростью припороенной лошади.

Но я бежал свободно, потому что в ногах силищи было немерено и в руках – не меньше. Опасные ветви плотоядных деревьев, что тянули ко мне свои конечности с шипами-кровопийцами, я просто ломал одним ударом – или подныривал под них прежде, чем они успевали хлестануть меня по лицу. Что скрывать: это был отличный сон! Я упивался собственной силой, по меркам дикой природы недоступной довольно хилому человеческому телу, – но дело было не только в силе!

Я чувствовал лес – так, наверно, хороший дирижер ощущает свой оркестр. Я слышал малейшие звуки: как живые корни деревьев шевелятся под землей, как псевдокроты возятся меж этих корней, как где-то примерно в километре отсюда квазимясо точит об камень свои костяные конечности-мечи. Мой нос ловил запахи, недоступные прежде: сладковатую вонь старого кабана, неделю назад сдохшего в кустах от смертельной раны, запах прелой листвы, в которой вчера дрых бургер, закопавшись в нее по самую макушку... а также ни с чем не сравнимый аромат добычи, по следу которой я бежал.

Еще недавно мои глаза не разглядели бы этот след, оставленный на толстом одеяле опавшей листвы. Но не сейчас. Теперь я отчетливо видел эти вмятины, вдавленные в грязно-желтый покров осени, – и не только видел. Глядя на них, я понимал, что добыча очень устала и скоро остановится, чтобы отдохнуть. Она прошла здесь пару часов назад, нас разделяло более пяти километров, но слабый ветер, путающийся в ветвях деревьев, дул в мою сторону, и потому сейчас я знал о добыче больше, чем, возможно, она сама знала о себе.

Лес был моим домом, моим оркестром, который я мог использовать так, как мне нужно. Захочу дом – и лес подскажет, в какой пещере из корней или уютной яме мне лучше укрыться. Пожелаю развлечься – и ветер принесет мне запах юной самочки. А уж с пропитанием вообще никаких проблем: мои чувствительные рецепторы всегда предоставят мне богатый выбор пищи, не хуже, чем у людей в супермаркете. И пусть эта пища при виде меня бежит так, как никогда в жизни не бегала, – это бесполезно, так как в этом лесу я самый быстрый и убежать от меня просто нереально...

Однако всему замечательному всегда настает конец, причем иногда он приходит в довольно грубой форме. Мой упоительный сон был прерван довольно чувствительным толчком в бок, отчего я рефлекторно развернулся в положение сидя на заднице, автомат в руках, руки уже переводчик огня вниз сдернули и патрон дослали.

– Спокойно, сталкер, – ухмыльнулся в щупальца Шахх. – Убивать никого не надо. Просто марево над кузней пропало, это значит, скоро братья выйдут. И, зная их характер, давайте-ка я заранее из вас вормганы достану.

– Вот это неплохо бы, – сказал Иван, потирая горло. – До сих пор ощущение, будто тушенкой подавился, – стоит в горле жирный кусок мяса, и ни туда, и ни сюда.

– Это мы сейчас поправим, – сказал Шахх, подходя к моему двойнику.

– И как ты его, интересно, доставать будешь? – подозрительно поинтересовался Иван, но договорить не успел: Шахх схватил его за плечи, и голова сталкера утонула в пучке шевелящихся щупальцев. Я было подумал нехорошее – мало ли, может, у ктулху с голодухи крыша поехала и он решил Ивана выпить. Даже готовый к стрельбе автомат повернул в сторону затылка Шахха, решив: через пару секунд не отпустит – выстрелю.

Но стрелять не пришлось.

Мутант отпустил сталкера и смачно выплюнул в траву шевелящийся ствол с прикладом в виде раскрытых торцевых кусачек. После чего направился ко мне.

– Погоди-погоди, – тормознул я его, глядя на красное как свекла лицо Ивана, который натужно отхаркивался кровью – по ходу, удалить дьявольское устройство оказалось сложнее, чем вставить. – Я, типа, умею некоторым образом тело трансформировать, думаю, сейчас сам его выплюну.

– Ну, попробуй, – сказал Шахх, остановившись в паре шагов от меня.

Я попробовал. По той же схеме, что раньше с переделкой лица работал. Мысленно представил, как гадость, вросшая мне в горло, отторгается, превращаясь в инородное тело, которое можно просто вытолкнуть из себя мощным выдохом...

Но что-то пошло не так. Вернее, никак не пошло. По ощущениям, как стоял в горле комок, так и остался стоять, никуда не делся.

Странно. Если я усилием мысли себе новое лицо лепил, словно из куска пластилина, раны залечивал, то почему с вормганом-то ничего не выходит?

– Не получается? – участливо поинтересовался Шахх.

– погоди, – в некотором замешательстве произнес я. – Сейчас еще раз попробую. Может, что не так делаю.

– Дай-ка я лучше помогу, – сказал мутант, и не успел я слово сказать, как моя голова окунулась в ворох омерзительно-склизких щупалец, которые плотно ее обхватили, так, что хрен вырвешься. И вздохнуть – никак, будто морда в вакуумном мешке оказалась. Я рефлекторно раскрыл рот, словно утопающий, пытаюсь втянуть в себя хоть немного воздуха, – и тут же вспомнил все прелести гастроскопии, когда тебе в пищевод заталкивают шланг, жесткий, словно резиновая дубинка. Только на этот раз «шланг» был толще раза в два, но, правда, более гибкий и, конечно, омерзительно-скользкий. А еще из пасти Шахха воняло так, что, по-моему, вормган вылетел из меня почти что самостоятельно вместе с фонтаном рвоты, которым я щедро окатил морду мутанта, отпрянувшего от меня недостаточно шустро.

– Т-твою ж мачеху, – ругнулся Шахх, отпрыгивая от меня метра на два. – Маленько не успел.

И принялся отплевываться, утирая щупла тыльной стороной лапы. Теперь мы харкались все втроем, хором, с перекошенными мордами лица, злые не только друг на друга, но и на кузнецов – изобретателей на редкость стремного оружия.

Иван пришел в себя первым. Сплюнув последний раз, утерся и произнес:

– Ну, теперь точно всех червей этих гадских выблевал. Тот редкий случай, когда желудок пустой как барабан, но невероятно счастливый по этому поводу.

– Аналогично, – отозвался я через полминуты, наконец отплевавшись и морщась от омерзительного вкуса желудочного сока во рту. – Думал, что все патроны выплюнул, но, по ходу, пара все же осталась. Нет худа без добра.

– На, держи, – сказал Иван, протягивая мне плоскую фляжку, которую извлек из внутреннего кармана. – Сам не употребляю, но в

таких случаях вещь незаменимая.

Я принял предложенное, набрал в рот. Коньяк. Дорогой, с явной, но ненавязчивой ноткой шоколада. Тщательно прополоскав рот и горло, пока жечь не начало, я сплюнул вязкую коньячную слюну и протянул было флягу обратно Ивану, но тут Шахх лапу протянул:

– Дай.

– Ну на, – слегка удивленно произнес я.

Ктулху сделал то же самое: сунул горлышко фляги в пучок щупальцев, запрокинул башку, после чего смачно выплюнул коньяк в траву вместе с вормганом.

– Варвары вы все, – проворчал он, возвращая флягу Ивану. – И я вместе с вами. Таким коньяком горло полоскать и плевать – это великий грех. Помнится, когда я был человеком...

– То, наверно, побухивал, – перебил его мой двойник. – А теперь, похоже, завязал – лично я никогда не видел ктулху-синяка. Видимо, вашей породе алкоголь противопоказан. Как видишь, в превращении в мутанта есть свои несомненные плюсы.

Шахх хотел что-то ответить, но тут двери кузницы распахнулись и наружу вышли Шаман и Медведь. Оба заметно уставшие, даже, на мой взгляд, слегка похудевшие с лица. В руках оба брата бережно несли свертки из кристально-чистого полотна, которое в их руках, черных от въевшейся копоти, смотрелись даже несколько странно.

– Принимайте работу, – проговорил Медведь. – Скажу, что сложнее мы, пожалуй, ничего в жизни не чинили.

Мы с Иваном поднялись с земли. Скажу честно, у меня аж горло слегка перехватило от волнения и ладони вспотели. Я вообще-то не из пугливых, но тут вдруг реально страшно стало – это ж «Бритва», нож, не раз спасавший мне жизнь. Словно старого боевого друга из госпиталя встречаю – как он там, вылечился, нормально все?

С Иваном, кстати, то же самое творилось. Побледнел, на лбу капли пота выступили. Сразу видно, ему его «Монумент» ничуть не меньше дорог, чем мне мой нож...

Взяли мы свертки, переглянулись. Иван развернул свой первым – и мы хором выдохнули, не веря своим глазам.

– Оххх... блин... быть не может...

Кузнецы и правда сотворили чудо.

У Ивана в руках лежал нож красоты необычайной. Вроде бы и его старый «Монумент», который я целым лишь мельком видел перед тем, как он разлетелся на куски, – а вроде и другой нож. От клинка, напоминающего черный длинный лист невиданного растения, шли волны вполне ощутимой, мрачной энергии. Верилось, что таким ножом можно и голову врагу отрубить одним ударом, и границу миров вспороть легко и непринужденно. А рукоять – это вообще было фантастическое зрелище. Похоже, кузнецам и правда удалось выточить накладки из аномалии «Жара» и закрепить их заклепками в форме знаков радиационной опасности. Казалось, что сейчас неистовое пламя, бьющееся под прозрачным покрытием рукояти, вырвется наружу и сожжет дотла руку своего хозяина.

Иван, похоже, и правда опасался чего-то подобного, с восхищением рассматривая нож, который держал так, словно он был хрустальным. А может, просто искренне восхищался ножом, который больше был похож не на рабочий инструмент, а на самое настоящее произведение искусства.

Я продолжал разглядывать нож Ивана, хотя вроде бы основное уже увидел. Чего уж скрывать, тянул время. Просто потому, что боялся развернуть свой сверток. Вот прям реально страх взял – а вдруг там будет не моя «Бритва»? Вдруг с «Монументом» моему двойнику повезло, а мне с моим ножом не подфартит?

– Ну пожалуйста, – взмолился я, вспомнив старушку-Зону, которая являлась мне несколько раз в ключевые моменты моей жизни. – Сделай так, чтобы с «Бритвой» все было нормально.

И, собравшись с духом, развернул свой сверток.

И застыл в изумлении...

У меня в руках лежал нож, клинок которого был откован из незамутненной, абсолютной, космической черноты, в глубине которой равнодушно мерцали мириады крупных звезд цвета чистого весеннего неба. Поверхность ножа словно притягивала к себе, манила, и я невольно потянулся к ней, ощущая себя пылинкой, которую неумолимо засасывает в себя равнодушная космическая бездна.

– Аккуратнее, – раздался над моим ухом голос Медведя, вернувший меня в реальность. – С непривычки, если в такой клинок вглядываться долго, можно им лицо себе разрезать, а то и половину

головы снести. Эти звезды – отражения сущностей, которые забрал твой нож, и теперь они будут постоянно зазывать к себе новых гостей.

– Это было обязательно? – спросил я, все еще не придя в себя от странного гипнотического эффекта.

– Так получилось, – пожал плечами кузнец. – По-другому было никак, чтобы и старые сущности сохранить, и оба клинка восстановить. Ты же в курсе, что в этом ноже второй живет, который жизнью забрал сильно побольше, чем твой? Он такую черноту клинку и дает.

Я кивнул.

– Ничего страшного, привыкнешь, – сказал Медведь. – Убивать легче будет. Оно всегда проще, когда твое оружие само жаждет крови и направляет руку. Кстати, рукоять я из «вороньего камня» сделал, как и обещал. Он идеально с таким клинком сочетается, это я сразу понял. Другой материал нож или в себя бы втянул, или, наоборот, отторгнул, и рукоять бы в пыль рассыпалась.

– Благодарю, – произнес я, с неким внутренним трепетом отправляя обновленную «Бритву» обратно в свою руку, которую она наверняка уже считала своими законными ножнами. – Чувствую, она меня еще не раз удивит.

– Вполне возможно, – согласился кузнец. – После такого радикального апгрейда вероятны сюрпризы. Но, как бы там ни было, это все равно твой старый нож, можешь не сомневаться.

– Не сомневаюсь, – сказал я. – Чувствую, что это он, хоть и выглядит непривычно. Еще раз спасибо.

– Пользуйтесь на здоровье, – сказал Шаман. – А теперь вормганы с лабрисами собрали, вон там на лавку сложили – и до свиданья. У нас тут без вас куча работы.

– Это точно, – подтвердил Медведь.

Братья развернулись и направились обратно в кузню. М-да, с любезностью у них явно не очень. Зато с мастерством, схожим с какой-то магией, – более чем, что с лихвой компенсирует любые недостатки настоящего профессионала.

Оружие кузнецов мы аккуратно сложили куда было велено, после чего ктулху сказал:

– Ну что, сталкеры, развлеклись мы с вами сегодня неслабо, надеюсь, вам понравилось. Мне так очень, а то боялся, что закисну тут

напрочь – порой от скуки хоть в болоте топись.

– Так ушел бы, – сказал Иван. – Вон сколько миров перед носом. Нырнул – и ищи тебя там, пока не поседеешь.

– Не могу, – покачал головой Шахх. – Перед кузнецами Долг Жизни имею, и не один. К тому же пропадут они без меня. Хорошему мастеру годный помощник обязательно нужен. У них там творчество, полет мысли. Иной раз так увлекутся, что пожрать забывают. Не тормозни я их вдохновение, так с голодухи помрут. Так что я тут, можно сказать, на своем месте.

– Понимаю, – сказал я. – У каждого свое предназначение. Ну, что ж, пойдем мы, пожалуй.

– Вы это, заходите, если что, – сказал Шахх с легкой грустью в голосе.

– Непременно, – хором отозвались мы с Иваном.

И пошли к порталу, ведущему в Чернобыльскую Зону.

– Не думаешь, что там, на другом конце болота, нас рота боргов ждет? – поинтересовался Иван.

– Я думаю о твоём задании, – проговорил я. – Которое ты не выполнил.

Мой двойник внимательно посмотрел на меня.

– Давай замнем это дело для ясности, – сказал он. – Мое задание – это моя проблема, которую я, на мой взгляд, решил полностью. И потом, не в моих правилах убивать тех, с кем я воевал плечом к плечу.

– Впечатляет, – хмыкнул я. – Патетично прозвучало, с пафосом, прям до слез. Но рыдать от счастья я не буду и пытаться тебя на всякий случай завалить – тоже. А еще я думаю, что тебе совершенно ни к чему провожать меня в мой мир. Если там меня и ждут, то, думаю, я справлюсь. А у тебя наверняка полно дел в твоём мире. Ты говорил, там у тебя война с «мусорщиками», а на любой войне всегда нужны хорошие воины.

– И эти люди еще что-то говорят о пафосе и патетике, – усмехнулся Иван. – Но, пожалуй, ты прав.

С этими словами он поднес «Монумент» к губам и негромко проговорил:

– Дверь домой.

После чего, широко размахнувшись, рассек воздух перед собой сверху вниз, словно пытался разрубить невидимого противника на две

части, от макушки до паха.

Тяжелый нож аж загудел, рассекая влажный болотный воздух Распутья Миров – и внезапно разрезанное пространство подалось в стороны, словно края огромной открытой раны, растянутые крючками хирурга. Но внутри этой раны была не окровавленная плоть. Там, за краями разреза, грохотали взрывы, трещали автоматные очереди, ревели двигатели тяжелых машин, и, заглушая все эти очевидные звуки войны, кто-то страшно кричал, что часто случается при тяжелых ранениях...

– Прощай, сталкер, – сказал Иван. – Навсегда. Не хочу, чтобы мы увиделись еще раз, так как ничем хорошим это не закончится.

– Прощай, сталкер, – сказал я. – И пусть хранит тебя твоя Зона.

Нож Ивана медленно вошел в руку хозяина и скрылся там так же, как моя «Бритва». После этого мой двойник взял автомат на изготовку и шагнул в тот ад, который назвал своим домом. Что ж, надо признать: такие, как мы, постоянно бегут от мирной жизни потому, что она не приняла нас так же, как мы не принимаем ее. И нам остается лишь две дороги – в Зону или на войну, что, в общем-то, есть практически одно и то же.

Края разреза медленно сомкнулись за спиной Ивана, через несколько мгновений на месте входа в другой мир не было ничего, что напоминало бы о нем.

А я, также привычно взяв автомат на изготовку, прошел через зеркальный портал и двинулся через болото по той же зыбкой и ненадежной дороге, которая привела меня на Распутье Миров.

* * *

Война, охватившая страну, и не думала заканчиваться. Было стойкое ощущение, что она не закончится никогда. Иван бежал вперед, пригибаясь, перекатываясь, прячась за укрытиями и стреляя в размытые дымом тени, мелькающие впереди...

А вокруг него в изобилии раскинулись жуткие декорации войны.

Выжженные изнутри здания, похожие на скелеты домов с черными глазницами окон, лишенных стекол.

Воронки от снарядов и стеклянные лужи из черного, расплавленного асфальта от нового оружия «мусорщиков».

Подбитые танки людей и сгоревшие боевые «галоши» их врагов из иномирья.

И, конечно же, трупы.

Мертвые, окровавленные тела бойцов в камуфляжной униформе, валяющиеся тут и там в разной степени сохранности. И трупы «мусорщиков», похожие на огромные, уродливые морские звезды. А ведь при жизни каждый из них дрался за свою священную правду, непоколебимо уверенный в ней и в своем праве убивать за нее. И вот сейчас война уравнила их всех своей единою правдой, имя которой смерть. Которая здесь, в этом аду, далеко не самое страшное, что может с тобой случиться.

Иван, перебегая от одного укрытия к другому и по пути забирая у мертвых полные магазины патронов, уже помог двоим. У одного была оторвана нога, у второго – обе, но культы санитар успел перетянуть жгутами прежде, чем его голову снес луч «смерть-лампы». Оба раненых просили лишь об одном – чтобы все закончилось быстро. И Иван помог им в этом. А потом еще одному «мусорщику» с тремя дырами в тушке от крупнокалиберного пулемета. Тот ничего не просил, лишь смотрел неотрывно своими круглыми паучьими глазами, и Иван без слов понял, что враг просит у него.

И выполнил просьбу, выпустив по этим черным глазам полмагазина.

«Мусорщики» рвались к Саркофагу, очень он им был зачем-то нужен. А люди защищали его, не жалея ни патронов, ни собственных жизней. И с той поры, как Иван покинул свой родной мир, ничего особо не поменялось. Линия фронта за последние месяцы изменилась крайне незначительно, при этом бои на ней не затихали. Это значило, что противоборствующие стороны сейчас лишь перемалывают друг друга, и вопрос был только в том, чьих ресурсов в итоге окажется больше.

И хотя Иван искренне болел душой за своих, сейчас у него была иная задача.

«Мусорщики» дорого бы дали за сведения о секретном ходе внутрь Саркофага, но, к счастью, пока что среди людей не нашлось предателей – да и знали о нем немногие. А может, те немногие просто

уже погибли, и потому тайный подземный путь все еще оставался тайным.

Вход в него находился внутри заброшенного склада на окраине Припяти. От кирпичного здания остались лишь стены с черными, закопченными дырами на месте окон и дверей. То ли люди, то ли «мусорщики» пытались держать здесь оборону, но чей-то огнемёт выжег здание изнутри вместе с обороняющимися.

Войдя, Иван переступил через чьи-то спекшиеся останки. Смерть и здесь всех уравнила, и сейчас уже вряд ли кто-то смог бы понять, кем были эти черные, скрючившиеся тела при жизни – людьми или же «мусорщиками».

Впрочем, трупы сталкера не интересовали. Он сдвинул один из них в сторону и под черной, спекшейся массой наткнулся на стальной люк, который открыл не без труда – похоже, стальные петли слегка подплавились, когда здание выгорало изнутри.

Под люком обнаружилась вертикальная шахта со стальными скобами, вмурованными в бетонный «стакан». Сталкер сложил приклад автомата, поставил АК как подпорку под люк, навалил труп обратно на стальной блин, проскользнул в щель между полом и люком, после чего вытащил автомат и, держась одной рукой за скобу, аккуратно положил люк на старое место. Конечно, так себе маскировка, но вряд ли случайный «мусорщик» начнет от нечего делать двигать горелые трупы с места на место...

Впрочем, когда Иван спустился вниз, в тоннель, воняющий сыростью и канализацией, он решил подстраховаться. Достал кристалл, прошептал желание и услышал приглушенный грохот наверху – это стены здания рухнули внутрь, похоронив под собой вход в тоннель. Скорее всего, это не единственный вход в подземелье, но, по крайней мере, этим путем враги из иномирья точно не пройдут. Оставалось надеяться, что остальные сталкеры, знающие тайные пути к Монументу, поступят так же.

Иван включил портативный фонарь, осветивший сырые стены тоннеля, сделал несколько шагов – и внезапно почувствовал, как он устал. Усталость была странная, необычная, будто его мышцы разом стали слабее вдвое, – и сталкер кое-что понял. Но, чтобы удостовериться, направил луч фонаря на свою руку – и скрипнул

зубами, увидев морщинистую кисть, перевитую набухшими старческими венами.

– Ты стал слишком много брать в последнее время, – негромко проговорил Иван – и хрипло, надрывно закашлялся. В груди словно мышкан поселился, который зубами вцепился в легкое и не отпускал пару минут, пока внезапно не наступило облегчение. Правда, перед этим из горла на ладонь, зажавшую рот, обильно плеснуло горячим. Иван стряхнул кровь на пол, сплюнул и, преодолевая слабость, пошел вперед. Ему нужно было дойти во что бы то ни стало, иначе все произошедшее не имело никакого смысла.

Прямой сырой тоннель метров через двести разделился на два, но сталкер не раздумывая свернул налево. У него, несмотря на возраст, пока что была прекрасная память – такое случается в глубокой старости, когда приближающаяся смерть, забирая многое, оставляет необходимое. И сейчас память была Ивану очень нужна.

Он был здесь не раз, и приметы вновь помогали найти верную дорогу в тоннеле, который разделялся снова и снова. Вот корявая надпись на стене: «Сдохни, Зона. Пожалуйста, сдохни!» Вон знакомый скелет со ржавым обломком ножа в глазнице. А там характерный след на стене от автоматной очереди, которую какой-то несчастный выпустил себе в подбородок – и рядом кучка костяной пыли, оставшейся от скелета, что давно рассыпался от времени и повышенного аномального фона. Монумент любил человеческие жертвы, хотя честно предупреждал о них.

И предупреждение не заставило себя ждать.

Внезапно Иван услышал голос внутри своей головы – монотонный, безучастный, будто слова произносил не живой человек, а бездушная машина:

«Не завершай свой путь, человек. Уходи, пока не поздно. Ты не обретешь здесь ничего, кроме смерти, которую давно заслужил».

Иван улыбнулся – и тут же поморщился от боли: дали о себе знать губы, растрескавшиеся до крови. Впрочем, это мелочи. Если он слышит пси-матрицу, значит, он и правда ничего не забыл и цель близка.

Сталкер шел вперед, и голос становился все громче:

«Никто не получит награды, ничье желание не исполнится. Ты зря совершил этот трудный путь, найти свою погибель можно было

гораздо проще. Пойми, что твоя сокровенная цель – это смерть, твое желание – покинуть этот мир, и сейчас с каждым шагом ты приближаешься к нему. Передумай, пока не поздно, еще есть время вернуться к жизни, которую ты напрасно ненавидишь».

Иван усмехнулся снова, уже не обращая внимания на боль. Любому человеку свойственно делать все наоборот, не слушая ничьих советов, и уж тем более – наставлений от какой-то пси-матрицы, гипнотического излучения, пугала, установленного здесь много лет назад, чтобы промывать мозги нарушителям, проникшим в запретную зону.

Помимо пси-матрицы здесь когда-то работали ментальные излучатели, заставляющие человека убивать себя при приближении к Монументу, а также пулеметные турели для тех, кто смог бы преодолеть действие излучателей.

Но время шло, автоматика, лишенная обслуживания, постепенно отказывала, в результате чего сейчас работало только безвредное и нудное пси-пугало – и сам Монумент, гигантская аномалия, обладающая собственным разумом. Когда-то давно «мусорщики» попытались создать сверхразум, обладающий неограниченными возможностями. Но что-то пошло не так, и искусственно выведенное чудовище вышло из подчинения, покинув вселенную своих создателей. После этого на Четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС прогремел чудовищный взрыв и в глубине подземных коммуникаций под разрушенным реактором появился он.

Монумент.

Аномалия, путь к которой дано найти далеко не каждому. Аномалия, по легенде исполняющая одно, самое сокровенное желание того, кто найдет ее в лабиринте тоннелей...

Конечно, правительство немедленно озаботилось охраной столь ценного приобретения – и Монумент благосклонно разрешил смонтировать возле себя все эти пулеметные турели и ментальные пугала. А потом внезапно обнаружилось, что зал с Монументом куда-то пропал. Вроде тут должен быть на карте, сами ж были/видели/работали в том зале – и теперь нет его, словно никогда и не было.

Монумент надежно укрыл себя от чужих глаз, то ли искривив пространство, то ли банально отведя глаза тем, кто был слишком

настойчив в желании найти аномалию, мгновенно превратившуюся в легенду.

Но на этом дело не кончилось.

В Зоне отчуждения резко повысился уровень радиации, особенно – в районе Саркофага, и ликвидаторы последствий аварии вместе с учеными были вынуждены покинуть опасное место. Тем более что на зараженной земле появились странные и опасные существа, крайне агрессивные по отношению к людям.

Люди ушли – а легенда осталась. И через кордон, которым обнесли опасную Зону, рискуя жизнью, начали проникать авантюристы. Кто ж не хочет, чтоб хотя бы одно его желание исполнилось? Ради такого можно все поставить на карту!

Правда, никто еще не похвастался на Большой земле, мол, я нашел Монумент, и он исполнил мое желание. Но, с другой стороны, если подумать, кто ж таким хвастается? Сразу найдутся те, кто положит глаз на твой бесценный хабар. Значит, вывод простой: те, кто нашел свое счастье, просто тихо сваливали в закат – и о таких счастливицах рассказывали много не только по всей стране, но и по всему миру. Откуда миллиардеры берутся, о которых вчера никто не слышал? Правильно, известное дело откуда. И новые смельчаки искали пути через кордон, чтобы навеки исчезнуть для мира в подземных лабиринтах Саркофага.

Но были и те, кому Монумент и правда позволял себя найти. Сильные. Отчаянные. Целеустремленные. Удачливые – потому что без удачи и в Зоне быстро погибнешь, и на Большой земле ничего не добьешься.

И тогда наступало время попросить у аномалии самое сокровенное...

Иван аккуратно переступил через чью-то высохшую руку, оторванную много лет назад пулеметной очередью. Еще одна знакомая вешка на пути, которую лучше не трогать – пригодится, если придется сюда еще раз вернуться...

Сталкер усмехнулся про себя.

Вернуться не получится. Пси-матрица на этот раз не соврала: ничье желание не исполнится, и его – в том числе... А может, все-таки попробовать? Вдруг Монумент и правда исполняет желания тех, кто в точности выполняет его задания?

После руки нужно было повернуть направо, в коридор, на первый взгляд заваленный обрушившимся бетонным потолком. Но это лишь на первый взгляд.

Иван подошел к завалу, выдохнул и с трудом протиснулся в узкую щель между стеной и двухметровым бетонным обломком. Рядом будешь стоять и не поймешь, что тут есть проход. Оно и понятно, Монумент умеет хранить свои секреты от непосвященных.

...Он стоял на том же месте, посреди подземного зала, заваленного мусором – осколками бетонных конструкций, брошенным здесь научным оборудованием и останками тех, кому повезло добраться до этого зала, но не повезло с желанием – их Монумент исполнял так, как считал нужным.

Когда Иван впервые увидел огромный кристалл, слабо мерцающий странным серым светом, он был поражен не размерами аномалии, достигавшей метров пяти в высоту, не меньше. И не ее ни с чем не сравнимым сиянием, завораживающим, притягивающим, гипнотизирующим. И даже не упругой энергией, исходящей от этого жуткого порождения Зоны.

Нет.

Иван внезапно понял: Монумент – это живое существо. Обладающее нереальной силой. Разумное. И, как следствие, наделенное эмоциями разумного существа. Например, искренним презрением к тем, кто ради хабара, ради низменных своих желаний готов рискнуть самым ценным хабаром, который у них есть: собственной жизнью.

«Твой путь завершен, человек, – прозвучал тогда в голове Ивана безразличный голос. – Назови свое желание».

– Оно уже исполнилось, – сказал Иван. – Я хотел своими глазами увидеть легендарный Монумент – и я его увидел. Ты не досужая фантазия, не сказка. Ты действительно существуешь, и мне этого достаточно.

«Так не бывает, – после небольшой паузы отозвался Монумент. – Каждый человек имеет сокровенное желание. Чего ты хочешь?»

– А чего хочешь ты? – спросил сталкер. – Любое разумное существо имеет свои желания, а в разуме тебе не откажешь.

«И ты исполнишь то, что я попрошу?»

Иван был готов поклясться, что в беззвучном голосе аномалии прозвучало удивление.

– Да, если это в моих силах, конечно, – отозвался Иван. – Все ищут Монумент, чтобы он исполнил их желание, но никто не может похвалиться тем, что исполнил желание Монумента.

«Ты умен. И хитер, – прозвучало в голове сталкера. – Я рад, что не ошибся, призвав именно тебя».

– Я сам хотел найти Монумент, – попытался было возмутиться Иван.

«Я умею не только исполнять желания людей, но и управлять их желаниями. И я вижу твое. Ты хочешь, чтобы эта война на взаимное истребление закончилась. Что ж, обычно тем, кто находит меня, я дарю очень дорогой подарок – быструю и безболезненную смерть. Это намного лучше, чем медленно умирать от старости, болезней и нищеты. Но твое желание я исполню в точности. В одном из отражений нашей вселенной твое отражение, твой двойник нашел способ сотрясать миры и нарушать Равновесие. Это грозит уничтожением всей Розы Миров. Ты должен найти его и обезвредить».

Иван почесал в затылке.

– Ничего себе задание. Но как я проникну через границу миров?

От Монумента отделился и со звоном упал на бетонный пол фрагмент, в точности повторяющий форму большого лагерного ножа без рукояти – впрочем, под рукоять был сформирован солидный хвостовик, оставалось только вырезать из дерева две накладки и закрепить их на этом хвостовике.

«Этот нож умеет рассекал границы между мирами и пробивать в пространстве “кротовые норы”, – продолжал Монумент. – Нужно только его попросить. И еще. Среди этих высушенных трупов найди тот, в чьей руке зажат кристалл – малая копия меня. Задание у тебя непростое, и тебе понадобится помощник. Проси у него то, что тебе нужно, и ты получишь требуемое. Но ничто не дается даром. Кристалл будет брать с тебя плату самым дорогим, что у тебя есть. Временем».

– Временем? Это как?

«Узнаешь. А теперь уходи. Выполнишь задание – возвращайся за наградой».

Иван кивнул. Его никогда особо не интересовал хабар – разве только самое необходимое. Тот, у кого есть много денег, покупает

эмоции. Но то, что он покупает, – всегда подделка.

Настоящие эмоции добываются в битве со стихией, на войне, в Зоне. Добываются своими руками, своим потом и кровью, и это истинное адреналиновое наслаждение не купишь ни за какие деньги. Это и есть настоящий хабар. И Иван ушел выполнять задание Монумента – не ради задания и уж точно не ради жестокой аномалии. Он ушел за хабаром, без которого не мог жить. И чего скрывать – он и правда хотел, чтобы изнуряющая война людей и «мусорщиков» наконец закончилась. Но это желание было все-таки на втором месте.

Он ушел.

И вернулся.

Монумент равнодушно сиял ирреальным серым сиянием, окрашивая близлежащее пространство в антрацитовый цвет, и сейчас сталкер, стоящий перед ним, выглядел будто отлитым из титана.

«Ты исполнил мое желание?» – прозвучало в голове Ивана.

– Да, – ответил сталкер. – Мой двойник обезврежен, как ты и просил.

«Но почему я чувствую биение его жизни в соседней вселенной? Когда я говорил “обезвредить”, я имел в виду смерть».

– Я услышал твое желание, и я выполнил его, – твердо сказал Иван. – Он больше никогда не сможет сотрясать вселенные Розы Миров. Сталкер по прозвищу Снайпер перестал быть легендой Зоны. Он лишился всех своих способностей и, более того, совсем скоро...

«Он жив, – прервал Ивана Монумент. – А должен был быть мертвым. Но я и правда чувствую, что в нем нет прежней силы Меченосца. Хорошо. Будем считать, что ты выполнил мое желание, хотя и не так, как я хотел, чтобы оно было выполнено. И я исполню твое, как и обещал, но тоже по-своему. Ты хотел, чтобы война между людьми и “мусорщиками” прекратилась. Что ж, она прекратится. Для тебя».

Иван улыбнулся, уже не обращая внимания на боль в растрескавшихся губах.

– Ну да, конечно, как я раньше не догадался. Если меня волнует война, то гораздо проще сделать так, чтобы меня больше ничего не волновало, нежели остановить ее. Убьешь меня так же, как их?

Он кивнул на останки тех, кто дошел до Монумента и остался рядом с ним навеки.

«Они стремились к смерти, несмотря на предупреждение, – и они получили то, что заслуживали. Ты же всегда искал подвига, втайне мечтая увековечить себя в памяти грядущих поколений. Ты сам не осознавал, зачем рвешься в битвы, которых вполне можно было избежать, но я вижу твоё желание. Иди ко мне».

Ледяная волна внезапно накрыла Ивана, парализовала дыхание, потащила за собой, к Монументу. Ближе. Ещё ближе... Не в силах более стоять на ногах, Иван упал на одно колено и удержался лишь потому, что оперся на автомат...

«Ты обретешь то, что заслужил, – звучал в его голове равнодушный голос. – Твой путь завершается здесь».

Иван чувствовал, как его тело твердеет, как каменеют мускулы, как одежда и тело срастаются, становясь единым целым. И как вполне естественный страх смерти уходит и всё его существо наполняет блаженное спокойствие – восхитительное чувство, подобного которому он не ощущал никогда в жизни...

Через несколько минут возле гигантской аномалии стояла статуя коленопреклоненного сталкера, выполненная из того же материала, что и Монумент. По всей её поверхности медленно двигались волнистые линии. Темные и более светлые разводы причудливых форм плыли, будто в аквариуме, пульсировали, сплетались, словно змеи...

На это завораживающее движение можно было смотреть вечно, да только смотреть было некому. Все, кто в этом зале когда-то мог восхищаться, стремиться, любить, желать, успокоились навеки и больше не тревожили своей суетой величественную безмятежность самой могущественной аномалии Зоны.

* * *

Я не ошибся.

Меня ждали.

Борги прощают только мертвых, а я пока что был ещё жив. И они хорошо подготовились, чтобы это исправить.

Мне оставалось пройти метров тридцать по гати, когда из прибрежных зарослей камыша поднялись фигуры в черно-красных штурмовых костюмах. Их было человек десять. У двоих в руках

пулеметы «Печенег», у остальных – автоматы. Вполне достаточно, чтобы превратить в решето кого угодно, даже легенду Зоны.

Но они не торопились стрелять. Видимо, у них на меня были иные планы.

– Сталкер по прозвищу Снайпер, – разнесся над болотом зычный голос командира отряда, здоровенного борга с пышными усами и основательной бородой, рыжей лопатой лежащей поверх бронежилета. Над усами тускло поблескивали отражающим покрытием черные солнцезащитные очки, надетые явно для понта – с солнцем в Зоне всегда не очень. – Ты обвиняешься в смерти наших товарищей, незаконном захвате власти в группировке и множестве других преступлений. Рекомендую тебе добровольно сдаться и предстать перед судом «Борга», суровым, но справедливым.

Я улыбнулся.

– Так бы сразу и сказали, что вам для прокачки имиджа нужна громкая показательная казнь. Один раз вы уже пробовали повесить меня, но что-то пошло не так.

– На этот раз все будет так, не сомневайся, – окрысился бородач. – Бросай оружие, сволочь, и иди сюда, если не хочешь сдохнуть в этом болоте прямо сейчас.

Смерти я никогда не боялся, но вот так банально быть расстрелянным шайкой бандитов, считающих себя чуть ли не владыками Зоны, в мои планы не входило. Я бросил автомат в трясину и направился к берегу.

– «Бритву» тоже выброси, – прорычал бородач. – Я знаю, она у тебя в руке спрятана.

– Обойдешься, – отозвался я. – Можете стрелять. Потом расскажешь своему начальству, какие вы герои – не испугались изрешетить из десяти стволов одного человека с ножом.

Рыжебородый скрипнул зубами, но промолчал. Да и хрен с ним.

Я шел и прикидывал, что будет дальше, заранее вызывая в памяти образ мантикоры, убитой моим учеником в одной из вселенных Розы Миров. Обычно этот образ запускал в моем теле режим ускорения личного времени, в котором я становился намного быстрее своих врагов. Вполне достаточно, чтобы дать ребром ладони по кадыку вон тому пулеметчику, что стоит ближе всех с левого края, выхватить у

него из рук «Печенег» и одной длинной очередью уравнивать шансы на жизнь с теми, кто останется в живых и начнет стрелять в ответ.

Но что-то пошло не так.

Образ чудовища я, конечно, в памяти вызвал... но это ни на что не повлияло. Сердцебиение не участилось, легкость в теле не появилась, да и борги не выглядели заторможенными, как это всегда бывало, когда я выпадал в состояние повышенной скорости.

Что за черт?

И тут я вспомнил...

«Бурдюк».Arteфакт, который зарождается в мусорных кучах Четвертого мира. Восстановитель сил, здоровья, психики: кому чего не хватает, то и восстанавливает в организме, в том числе и в мозгах. По ходу, он и восстановил меня до «заводских настроек», лишив всех суперспособностей, превратив Меченосца и легенду Зоны в самого обычного человека.

Ясно, блин. Я ни разу не мог предположить всерьез, что лишусь своих аномальных способностей. Но – лишился, и это факт. И сейчас я стоял на берегу болота под прицелом кучи стволов, а бородач деловито сковывал мои руки за спиной лишенными цепочки стальными конвойными наручниками с тройным шарнирным соединением. Видимо, борги исследовали мертвые тела группы Шатуна и сделали выводы. Молодцы красно-черные, быстро учатся на чужих ошибках.

– Ну, вот и все, сволочь, – прорычал над моим ухом бородач, затянув наручники на моих запястьях так, что едва не раздавил мне суставы. – Допрыгался, легенда, мать твою, Зоны.

И профессионально, без замаха ударил сзади. Точно в почку попал, так как я от жуткой боли рухнул на колени – если знать, куда бить, такой удар моментально нейтрализует противника на некоторое время.

– Это тебе за наших ребят, – прозвучал над моей головой рык бородатого.

– Может, его прям тут на ремни порезать? – предложил кто-то. – Была охота эту мразь тащить на базу через половину Зоны.

– Начальство не одобрит, – неуверенно произнес бородач. – Сказали живым взять. Вроде собираются показательно умертвить его в только народившейся «мясорубке», она скручивает медленно, в

отличие от взрослой. Видел раз такое. Неприятная процедура на несколько часов...

– Ну а кто узнает-то? – продолжал настаивать кто-то. – Мы с Остапом кореши были не разлей вода, а он ему прям в лоб пулю вогнал, мозги веером на два метра по траве раскидало. И судя по тому, что спецгруппа не вернулась, а сюда приперся он один, значит, нет больше нашей спецгруппы. А насчет медленно – так нас тут никто не торопит. Кожу снимем не спеша и оставим уроды здесь, у болота. Пусть его мутанты заживо сожрут. И труп никто не опознает, мало ли обглоданных костей по Зоне валяется.

– Неплохая идея, – одобрил бородач. – Пожалуй, ты прав. Но сначала надо его хорошенько отбить, чтоб шкура легче с тушки снималась.

Новый удар в спину швырнул меня на серую траву Зоны. Еще один, мощный, с ноги в плечо, перевернул на спину, и я увидел равнодушные глаза боргов, которые подходили ко мне со всех сторон, убирая оружие за спину – бить толпой человека в наручниках дело безопасное, применения огнестрела совершенно не требующее.

На меня со всех сторон посыпались удары, но странно – боли я больше не ощущал! Возможно, это был эффект от бессильной ярости, мгновенно захлестнувшей меня... а может, что-то другое.

Я чувствовал, как мое тело сотрясается от ударов ногами, но это было очень второстепенное ощущение. Вместе с яростью, затопившей мое сознание, вместе со вкусом крови от разбитых губ в меня словно извне вливалась сила.

Безудержная.

Нереальная.

Раздувающая мои мышцы до размеров, какие мне и не снились!

Борги орали:

– На, тварь! Получи! Вот тебе, сволочь! – и за криками не слышали, как трещит на мне одежда, разрываемая стремительно набухающими мускулами, и не видели глазами, подернутыми кровавой пеленой ненависти, что происходит с моим телом...

А я вдруг понял, что стальные браслеты, врезавшиеся в мои запястья, вряд ли смогут обездвигнуть мои руки. И рванулся из всех своих новых сил, и почувствовал, как легко разорвались шарниры, соединяющие стальные браслеты.

И я начал двигаться – с легкостью и скоростью, которых мне не давал даже режим замедления времени. Перехватив бьющую ногу одной рукой, другой я легко сломал ее, словно спичку. Кого-то, вскакивая с земли, ударил кулаком в лицо, с удивлением отметив, как от моего удара у борга просто оторвалась нижняя челюсть и в веере кровавых брызг улетела куда-то за границу моего зрения.

Но мне было не до того, чтобы удивленно провожать взглядом оторвавшийся фрагмент чьей-то морды. Я просто отпустил ярость, переполнявшую меня, и сейчас, словно зритель со стороны, наблюдал, как мои руки, перевитые невообразимыми для меня мускулами, с фантастической скоростью рвут, калечат и убивают людей, столь неосмотрительно отправивших за спину оружие для того, чтобы без помех избивать лежащего пленника.

Надо отдать должное выучке боргов – те из них, кто не попал под мои первые удары, сориентировались мгновенно и отскочили назад, переводя оружие в боевое положение. Отскочить удалось примерно половине отряда, направить на меня стволы – двоим, остальных я вывел из строя раньше.

И эти двое начали стрелять. Одновременно. Один из автомата, второй – из «Печенега». Почти в упор.

Это было больно. Но, что удивительно, не настолько больно, как раньше. Мне доводилось ловить тушкой свинцовые «маслины», и я прекрасно помнил, как организм реагировал на удары пуль. Болевой шок, мгновенная слабость, ледяной пот на лице, спине, под мышками...

Сейчас ничего этого не было. Да, больно, как если неожиданно в темном подвале напороться на гвоздь-«сотку», забитый в стену. Стальная шляпка чувствительно вопьется в мясо, но пережить такое вполне можно, даже если таких гвоздей будет не один, а десяток. Или больше.

Если бы борги стреляли мне в голову, может, толку было бы больше. Но на стрессе человек старается просто попасть в наиболее простую мишень, потому красно-черные работали по груди и животу.

И это было их ошибкой.

Я, мощно оттолкнувшись ногами, прыгнул прямо на пулеметную очередь. Сбил стрелка с ног, вырвал пулемет из его рук, не обращая внимания на то, что автоматная очередь ковыряет мне бок, с размаху

воткнул горячий ствол в рот борга, раззявленный в крике ужаса, ощутив руками, как сталь пробивает череп насквозь...

А вот выдернуть его с ходу не получилось – голова красно-черного застряла на стволе, словно я ее на гарпун насадил. Автоматчик же, профессионально быстро сменив магазин, начал стрелять снова – и мне ничего не оставалось, как, развернувшись вместе с трупом, болтающимся на пулемете, дать длинную очередь, разнеся автоматчику голову.

Все...

Я бросил «Печенег» и окинул взглядом поле боя. Трое боргов стонали и корчились, один, с переломанными ногами, пытался достать автомат, на котором он сам и лежал, но боль не давала ему это сделать. Остальные лежали неподвижно, изувеченные так, словно их рвала стая взбесившегося квазимяса.

Есть у меня одна черта характера, сформировавшаяся в Зоне. Когда со мной происходит что-то необычное, я не задаю себе вопросов из серии «как и почему так получилось?». Ответов я все равно не знаю, потому зачем мучить себя бесполезными словосочетаниями. Я в курсе, что в Зоне может произойти что угодно, и если в результате этого «что угодно» я остался жив, то расцениваю произошедшее как подарок судьбы, а дареным коням, как известно, в зубы не заглядывают.

Потому я просто закончил то, что должен делать любой вояка в подобной ситуации. Подобрал чей-то автомат, просунул потолстевший палец между скобой и спусковым крючком и тремя одиночными контрольными выстрелами прекратил мучения тяжелораненых. Оно, кстати, в две стороны работает. И человек уходит в Край вечной войны без лишних мучений, и сам от умирающего, которого пожалел, пулю в спину не получишь.

Совершив этот акт милосердия, я бросил автомат и подошел к рыжебородому, которому сломал его бычьей шеей примерно на второй секунде бойни. Здоровенный был бугай при жизни и наверняка не думал, что кто-то сумеет одним рывком свернуть ему башку набок, словно курице. При этом, что интересно, его козырные зеркальные очки совершенно не пострадали.

Зеркальные...

Я наклонился, снял их с лица мертвеца, взгляделся в отражение моего лица...

Ну да, конечно. Когда я дал Шахху напиться моей крови, он, помнится, сказал: «Зря ты это сделал, брат. Но, как говорят хомо, сделанного не воротишь». Не помню, чтобы Хащц хоть раз назвал меня братом – думаю, потому, что я все-таки был не его породы.

А Шахх назвал. И теперь я понимаю, что не случайно. Получается, укус ктулху обладает теми же свойствами, что и у вампиров. Я много встречал в Зоне трупов, выпитых этими чудовищами Зоны, но ни разу не слышал о том, чтобы кто-то спасся после укуса ктулху. Теперь понятно почему – укушенный, но выживший сам становился самым ужасным монстром Зоны. Не знаю, как с обычными ктулху, но с редкими болотными это работает однозначно.

Теперь я знал это на собственном опыте, потому что из зеркальных линз очков на меня смотрели глаза без зрачков. И еще стало понятно, почему так чешется лицо, – оказывается, это нормальная реакция организма, когда твои верхние и нижние губы превращаются в щупальца. Пока короткие, с полпальца длиной, но думаю, что процесс их формирования на этом не остановится.

Я нашел взглядом «Печенег», валяющийся в луже крови его хозяина. Интересно, если поставить ствол под нижнюю челюсть и нажать на спуск, мозги вылетят вверх так же, как у человека? Или тело мгновенно регенерирует так же, как от ударов пуль, попавших в меня и не причинивших никакого вреда?

Я шагнул было к пулемету, но остановился. Мысль о том, что я превращаюсь в жуткого мутанта, была мне омерзительна, но если я сейчас убью себя, не будет ли это означать, что я сдался? Что сломался под новым ударом, на которые так щедра моя судьба? И какой же я тогда, к чертям крысособачьим, сталкер?

Я усмехнулся, почувствовав, как выходящий изо рта воздух шевельнул ряд верхних ротовых щупалец. Непривычное ощущение, как и громоздкое тело, способное двигаться с невероятной скоростью, которое мои ноги несли легко и непринужденно.

Так, может, все не так уж и плохо?

Мой комбинезон был разорван в нескольких местах, и я просто содрал его с себя, не заморачиваясь с молниями и пуговицами и

отмечая, как легко рвется прочная материя под моими руками – хотя нет, скорее уже лапами. Раздевшись, я нашел в кармане рыжебородого ключи, разомкнул кольца наручников на запястьях, после чего аккуратно, стараясь не порвать, снял одежду с рыжего и натянул на себя. Тесновато, конечно, жмет кое-где, но в целом терпимо. А вот берцы пришлись впору – хотя, судя по неторопливо удлиняющимся ногтям на лапах, мне кажется, что с когтями на ногах ходить в этой обуви будет не очень комфортно.

Я накинул капюшон на голову, надел трофейные очки, подумал, вытащил нож из ножен, прикрепленных к разгрузке рыжего, и отрезал ему бороду. Она ему все равно больше не понадобится, а я, может, на досуге соображу, как из этой волосяной лопаты сделать себе на лицо накладную маскировку, которая скроет щупальца.

Конечно, перспектива на ближайшее будущее выглядела не очень. Хорошо, если я сохраню человеческий разум, как Шахх, но кто его знает, может, и нет – а бродить по Зоне в образе зверя мне совершенно не хотелось. Но, с другой стороны, сейчас у меня появилась в жизни совершенно понятная цель, путь к которой я просто обязан был пройти, чтобы остаться тем, кто я есть.

Воином.

Сталкером.

Человеком.

29.06.2022 – 29.10.2022

Глоссарий

(в кавычках даны прямые цитаты из романа Аркадия и Бориса Стругацких «Пикник на обочине»)

Зона

Концепт аномальных Зон придуман Аркадием и Борисом Стругацкими и описан в их знаменитом романе «Пикник на обочине». Согласно роману, Зоны – это территории, образовавшиеся в результате Посещения предположительно инопланетян. Всего насчитывается шесть Зон, расположенных в разных местах земного шара. Данные территории чрезвычайно опасны для человека из-за *аномалий*, часто невидимых, любой контакт с которыми чреват увечьями либо смертью.

В Зонах работают ученые со всего мира, изучая природу различных необъяснимых явлений. Также туда нелегально проникают *сталкеры*, отчаянные охотники за ценными *артефактами* – предметами с уникальными свойствами, предположительно оставленными в Зонах инопланетянами.

В романе Аркадия и Бориса Стругацких «Пикник на обочине» описана Зона, частично захватившая город *Хармонт*. В последующих романах серии «СТАЛКЕР», написанных другими авторами, описываются Зоны, преимущественно расположенные на территории России и Украины, в частности Чернобыльская зона отчуждения.

Хармонт

Фантастический город в США, в котором происходят события «Пикника на обочине» Аркадия и Бориса Стругацких. Исходя из близости канадской границы (в романе упоминается Канада – родина физически развитых полицейских), обилия гор, также упоминаемых в романе, а главное – созвучия «Хар-монт», можно предположить, что речь в «Пикнике на обочине» идет о небольшом городе Хавр, расположенном в штате Монтана.

Чернобыль

Город на Украине, вблизи которого находится печально знаменитая ЧАЭС. Концепт серии «СТАЛКЕР» предполагает, что

Чернобыльская аномальная зона есть одна из шести Зон, упоминаемых в романе братьев Стругацких «Пикник на обочине».

Группировки

Сталкеры

По определению братьев Стругацких, сталкеры – это «отчаянные парни, которые на свой страх и риск проникают в Зону и тащат оттуда все, что им удастся найти». Путь в Зоне сталкеры находят, бросая гайки на места предполагаемого расположения аномалий: если полет гайки отклонится в сторону либо с ней произойдет что-то необычное, значит, на данном участке не все в порядке.

Сталкерство незаконно, за нарушение границы кордона без разрешения властей предусмотрен тюремный срок. В Зоне «Пикника на обочине» Аркадия и Бориса Стругацких оружие сталкерам не требуется, однако дальнейшее развитие событий в романах серии «СТАЛКЕР» диктует необходимость его наличия.

С опытом у сталкеров развиваются необычные способности, например сверхчувствительность. В финале романа братьев Стругацких Рэд Шухарт чувствует аномалии и степень их опасности «не думая, не осознавая, не запоминая даже... словно бы спинным мозгом». Также у сталкеров рождаются дети с отклонениями, хотя, согласно утверждению доктора Валентина Пильмана, мутагенные факторы в Зоне отсутствуют.

Рэдрик Шухарт

Главный герой «Пикника на обочине» Рэдрик Шухарт по прозвищу Рыжий. В начале романа – лаборант Международного института внеземных культур, помимо основной работы промышляющий сталкерством, далее просто сталкер. Волевой человек, обладающий сверхчувствительностью к аномалиям, что помогает ему выжить в Зоне. До самопожертвования любит свою семью. Подвержен вредным привычкам (курит, выпивает). В конце романа братьев Стругацких совершает неоднозначный поступок – отправляет на смерть Артура, сына Стервятника Барбриджа, из-за чего

в последующих романах литературного цикла «Пикник на обочине» мучается совестью.

Снайпер

Центральный персонаж саги Дмитрия Силлова о приключениях Снайпера (см. «Хронологию» в начале книги). Сталкер поневоле, у которого воспоминания о прошлой жизни, описанной в романе Дмитрия Силлова «Закон проклятого», стерты и заменены другими (см. роман Д. Силлова «Закон Снайпера»). Отменный стрелок, человек сильной воли, приученный преодолевать любые трудности. В то же время имеет свою слабость – любовь к девушке Марии по прозвищу Сорок пятая. Обладает уникальным оружием – ножом «Бритва», который способен вскрывать границы между мирами – в частности, с помощью «Бритвы» открыты пути во вселенную Кремля (литературная серия «Кремль 2222») и Центрального мира (литературная серия «Роза Миров»).

В романах Дмитрия Силлова «Закон Шухарта» и «Никто не уйдет» из литературного цикла «Пикник на обочине» действует вместе с Рэдриком Шухартом в Чернобыльской Зоне и в Зоне города Хармонт, описанной братьями Стругацкими.

Дегтярь

Сталкер, бывший полковник, получивший свое прозвище за то, что любому другому оружию в Зоне предпочитает пулемет Дегтярева, прокачанный артефактами. Персонаж романа Дмитрия Силлова «Закон “дегтярева”».

Мастер

Знаток подрывного дела. В Зоне использует автомат Калашникова с надписью «Банхаммер», вырезанной на прикладе. Персонаж романов Дмитрия Силлова «Закон “дегтярева”» и «Закон Призрака».

Призрак

Сталкер, однажды сумевший вырваться из аномалии «веселый призрак», вследствие чего и получил свое прозвище. После контакта с аномалией его лицо обезображено. Персонаж романа Дмитрия Силлова «Закон Призрака».

Эдвард

Бывший сталкер, ставший ученым в Киевском научно-исследовательском институте того же профиля, что и хармонтский Институт (см. рассказ Дмитрия Силлова «Тени Хармонта», опубликованный в сборнике рассказов «Хроника Посещения» литературного цикла «Пикник на обочине»). Помимо имени известны три буквы фамилии Эдварда – «Бай...», а также часть его прозвища – «Меч...», озвученного Снайпером, который встречал Эдварда ранее в Чернобыльской Зоне. О своем прошлом ученый распространяться не любит. Согласно информации из романа братьев Стругацких «Пикник на обочине» о русском ученом, прибывшем вместо погибшего Кирилла Панова, и рассказу Дмитрия Силлова «Тени Хармонта», Эдвард направлен в хармонтский Институт из России для обмена опытом.

Японец

Персонаж трех отдельных спин-офф романов Дмитрия Силлова «Путь якудзы», «Ученик якудзы» и «Тень якудзы», также является второстепенным персонажем ряда других романов Дмитрия Силлова. Профессиональный убийца, обучавшийся в Японии древнему искусству синоби.

Армейские сталкеры

Группы бывших военных, дезертировавшие в Зону в поисках наживы. Хорошо организованы, имеют устойчивые связи с Большой землей и военными на кордонах. Часто неофициально нанимаются правительством Украины для глубоких рейдов и зачисток в Зоне, так как регулярные воинские подразделения не знают Зону так, как ее знают армейские сталкеры, живущие в ней.

Борг

Группировка бывших военных, ставших сталкерами. Отличительная особенность – красные погоны с вышитыми на них знаками отличия и униформа черно-красного цвета.

Вернувшиеся

Люди, вернувшиеся в свои села после Чернобыльской аварии. Случалось такое, что некоторые эвакуированные в 1986 году пробирались через кордон, возвращались к себе домой и продолжали

жить как жили. В нищете, питаюсь с огорода и потихоньку занимаясь собирательством дешевых артефактов, которые сбывали торговцам Зоны. Сталкерством это не назвать, так, выживание, не более. Вооруженные группировки так называемых вернувшихся не трогали. Ущерба от этих пугливых людей никакого, дохода – тоже. Вернувшиеся принципиально не собирали дорогие арты, даже если находили. Понимали: поднимешь такое – считай, ты труп, любой ловец удачи легко замочит нищего бедолагу за ценный приз.

А вот польза от них всем была. Ранили неподалеку от села – вернувшиеся подберут и постараются выходить в надежде на благодарность в виде пары «деревянных» рублей. Еду у них опять же можно купить недорого – или отнять, если совести совсем нет. Но такое случалось редко. В любой группировке беспредельщика сами же сотоварищи за такое накажут, и серьезно. Ибо нечего притеснять безобидных и полезных жителей Зоны.

Кстати, что интересно, – мутанты вернувшихся не трогали. Похоже, за своих считали. Почему – непонятно, но факт.

Воля

Военизированная группировка сталкеров, своеобразная «вольница» с более мягким уставом, чем у боргов, за счет чего привлекает в свои ряды большое количество «ловцов удачи». Является довольно грозной силой, имеющей в Зоне серьезное влияние. Отличительная особенность – зеленые нарукавные нашивки с надписью «Воля».

Наймиты

Немногочисленная группировка наемных убийц, в настоящее время имеющая хорошо охраняемую базу в районе деревень Стечанка и Корогод. Предположительно выполняет задания западных спецслужб, не гнушаясь при этом подзаработать заказами на ликвидацию отдельных лиц.

Фанатики Монумента

Военизированная группировка неясного происхождения, прекрасно вооружена и обучена. Прикрывает подходы к ЧАЭС, уничтожая всех, кто пытается проникнуть в зону их влияния.

Предположительно членами данной группировки являются так называемые кибы, люди-машины, полностью подчиняющиеся неведомому хозяину. Также имеется версия, что фанатики Монумента – это люди, захваченные «мусорщиками» и запрограммированные ими на охрану их базы в центре Чернобыльской Зоны.

Мутанты

Безглазые псы

Псы, попавшие под воздействие жесткого аномального излучения и сумевшие выжить. Наиболее частые травмы таких собак – это потеря глаз и разложение заживо. При этом часто нежизнеспособные особи все-таки необъяснимым образом остаются в живых – правда, только в границах Зоны. Как только такая особь пересекает линию кордона, она сразу же погибает.

В слюне безглазых псов содержится мутировавший вирус бешенства, который во много раз сильнее и изобретательнее своего предка с Большой земли. Если вовремя не сделать инъекцию сыворотки из армейской аптечки, специально разработанной для условий Зоны, или не прижечь рану, то невидимый мутант, с кровотоком достигнув мозга жертвы, банально превращает ее в зомби.

Бюргеры

Мутанты, получившие свое название из-за картинки в старом журнале, изображающей приземистого и полного немецкого обывателя-бюргера с кружкой пива в руке. Предположительно результаты генетических экспериментов над людьми. Низкорослые карлики, обладающие способностью к телепатии и телекинезу.

Волкопес, или волкособака

Результат скрещивания собаки с волком. Злобный мутант, умный и хитрый. Выросший под воздействием аномального излучения Зоны, размерами порой значительно превосходит своих родителей. Уши волкопса ценятся в качестве сырья для производства дорогих лекарств.

Вормы (трупоеды)

Мутант из мира вселенной Кремля. Название этих мутантов происходит от английского слова worm («червь»). Второе название вормов – «трупоеды».

Вормы – это любые человекоподобные неопознанные мутанты, не принадлежащие ни к одной из организованных групп. По виду напоминают бомжей, но довольно шустрых – иначе не выжить. Питаются в основном мертвечиной. Сведений о них почти нет, потому от вормов, как от плотоядных дикарей, можно ожидать чего угодно. Поодиночке трусливы и осторожны, но в группе представляют смертельную опасность для того, кого выберут своей жертвой.

В мире вселенной Кремля иногда составляют симбиоз с Полями Смерти, как рыбы-прилипалы, питаюсь отходами их жизнедеятельности и довольно быстро обрстая атрофиями (век, губ, ушей и т. д.), гипертрофиями (пальцы рук до земли и т. д.) и асимметриями (бесформенная голова и т. д.).

Головорук

Биологическая машина для убийства, обитающая в подземных лабораториях ЧАЭС. Вероятно, искусственного происхождения. В высоту около трех метров, глазки маленькие и вылупленные, вместо носа нарост, похожий на обрубленный хобот, бровей нет, вместо рта – зубастая щель под «носом» без намека на губы. Выглядит как чудовище с гипертрофированной головой и огромными руками, явно не соответствующими небольшому туловищу-придатку.

Дампы

От английского dump («мусорная куча»). Обезображенные человекообразные мутанты, прикрывающие отсутствие кожи, нарывы и язвы лоскутами материи. Похожи на пугала или мумии, но в отличие от последних лоскуты их облачения разного цвета. Глазные яблоки без век, глаза с вертикальными зрачками. Охотятся на любых живых существ. Используют только холодное оружие и арбалеты. При разговоре шепелявят вследствие поражения органов речи.

Стандартный отряд дампов состоит из семи единиц. Два стрелка-арбалетчика, два воина с длинномерным оружием (алебарда, копье), остальные с холодным оружием (топоры, шестоперы и т. д.). Командир – мечник. Меч часто искусно откованный, фламберг или двуручник.

Все дампы носят с собой длинные кинжалы для самоубийства, применяемые в случае опасности захвата в плен. На месте наведения такого кинжала находится маленький стальной череп. Каждый дамп в случае опасности быть захваченным в плен готов нанести себе последний удар в нижнюю челюсть снизу вверх, одновременно пробивающий и язык, и мозг. Мол, «лучше умру, но ничего не скажу».

Дампы Купола

Живые плотоядные мумии, охотящиеся на живые объекты внутри Купола. Когда-то сами были Проводниками, из которых высосали все соки Облака.

Живые покойники (зомби) (научное название: «муляжи», «реконструкции по скелету»)

Мертвецы, встающие из могил и пытающиеся вернуться в дома, где они жили ранее. Обладают заторможенными рефлексами и остатками памяти. Доктор Пильман отмечает, что у «живых покойников» есть «одно любопытное свойство – автономная жизнеспособность. Можно у них, например, отрезать ногу, и нога будет... жить. Отдельно. Без всяких физиологических растворов...».

В романе Дмитрия Силлова «Никто не уйдет» описано, что ближе к Серой долине, центру аномальной активности Хармонтской Зоны, «муляжи» становятся более подвижными и агрессивными.

В романе Дмитрия Силлова «Закон Призрака» можно узнать, что существует два вида «муляжей». Первый – это живая реконструкция, произведенная Зоной по скелету давно умершего человека. Вторая – это недавно погибший мертвец, возвращенный к жизни Зоной. У обоих видов «муляжей» сохраняются ограниченные навыки владения оружием, при этом живые мертвецы явно предпочитают пользоваться зубами и отросшими когтями. Укус «муляжа» токсичен, через некоторое время укушенный мертвецом человек сам превращается в зомби.

Земляная пчела

Плотоядное насекомое, охотящееся роem. Свои ульи эти пчелы строят глубоко в почве, разрыхляя ее своими жвалами. Укус одной

такой пчелы может парализовать крупное животное. Производят мед, из которого можно делать очень ценный антибиотик.

Зонная росянка

Хищное растение-мутант с длинными листьями, произрастающее на зараженных болотах Зоны отчуждения. На кончиках этих листьев – шипы с капельками сладко-ванильного наркотического яда, висющими на остриях. Питается органикой. Квазимуха ли прилетит на запах смертоносного нектара, болотные черви ли приползут полакомиться мясистыми побегами, ворона ли позарится на неестественно блестящие капельки – тут их и захлестнут, завернут в себя, проколют шипами хищные листья.

Яд зонной росянки – очень дорогой и сильный наркотик, вызывающий эйфорию, временное отупение и неистовое сексуальное желание.

Кабан

Обычный кабан, усовершенствованный Зоной до серьезной машины убийства. Больше лесного кабана раза в два-три. Предпочитает вместо растительной пищи питаться свежим мясом. Мощный лоб, от которого рикошетят пули, и длинные клыки делают кабана-мутанта серьезной угрозой для сталкеров.

Квазиеж

Лысый чернобыльский еж.

Квазимясо

Домашние свиньи, мутировавшие под воздействием неведомых излучений Зоны. Чаще всего выглядят как бесформенные нагромождения мяса. При этом могут быть опасны для человека, особенно если в процессе мутации Зона смешала в один организм свинью вместе с каким-нибудь другим животным, птицей или насекомым. Квазимясо встречается с волчьими пастями, медвежьими когтями, увеличенными жвалами жука-оленья и т. д.

Квазимуха

Муха, увеличенная Зоной в несколько раз. Обычно безопасна, и на нее не обращают особого внимания, как на обычную муху. Хотя

известны случаи, когда квазимухи кусали людей, а в животных откладывали яйца, вследствие чего те животные становились пищей для личинок квазимухи и в результате погибали.

Крысособака

Мутант из мира вселенной Кремля. Помесь крысы с собакой. Помимо совокупных качеств крыс и собак обладает способностью к телепатии.

Ктулху

Один из самых страшных мутантов Зоны. Человекообразное существо ростом около двух метров, с лысой головой и щупальцами на месте носа и рта. Крайне силен, пальцы рук и ног оканчиваются крепкими когтями. В романе «Закон “дегтярева”» описан вожак этих мутантов – огромный спящий ктулху, имеющий громадные крылья.

Мертвопак

Немыслимое порождение Зоны, слепленное из мертвых тел. Описание монстра из романа Дмитрия Силлова «Закон “дегтярева”»: «Неведомая сила собрала трупы вместе, слепила в единый комок из тел, голов и конечностей, выкрученных немыслимым образом. Но в то же время это не было хаотичным нагромождением мертвой плоти. Два или три десятка ног жуткой твари находились внизу, многочисленные руки торчали спереди и по бокам, а головы были собраны спереди в одну кучу, напоминающую кошмарный цветок. Посредине – лицо вожака с абсолютно белыми глазами, а вокруг него – морды его подчиненных, обезображенные смертью, с язвами разложения на лбу и щеках, которые не могли появиться так скоро, если б труп гнил себе потихоньку, как положено порядочному мертвецу».

Мусорщики

Представители иной высокоразвитой цивилизации, существа из иного измерения, которых лишь условно можно отнести к мутантам. Внешне похожи на большую пятиконечную морскую звезду с верхним щупальцем, отсеченным на две трети. На месте обрубка расположены несколько глаз. Занимаются тем, что разбрасывают по Зоне артефакты, являющиеся мусором, отходами производства мира «мусорщиков».

Являются создателями аномальных Зон – фактически свалок для сброса токсичного мусора своего мира в иные миры.

Мухоловка

Растение-мутант, с виду напоминающее бейсбольную перчатку. Мухоловки – известные хищники, при случае не гнушающиеся даже мелкими мутантами. Да и проходящего мимо человека запросто могут цапнуть, а царапины от их ядовитых игл заживать будут неделю с температурой, галлюцинациями и другими малоприятными спецэффектами. Судя по Энциклопедии Зоны, встречаются эти хищные кусты лишь на берегах водоемов.

Новые люди (нео)

Мутанты, проникшие в Зону из мира Кремля. Нео – бывшие люди, подвергшиеся естественным мутациям под влиянием многолетнего радиоактивного излучения. Внешне сильно напоминают предков людей – неандертальцев. Легко обучаемы. Называют себя «новыми людьми», считая выживших людей тупиковой ветвью эволюции.

Речь: примитивная, личные местоимения – в третьем лице до тех пор, пока не появляется тот, кто сможет научить нео говорить по-другому. Обучаются очень быстро, как речи, так и специальным навыкам.

Оружие: дубины с набитыми в них кусками арматуры, заточенные бесформенные куски железа (например, рессоры), копья с самодельными железными наконечниками, примитивные луки. Мечи – редкость, замечены только у вождей кланов. При этом нео быстро учатся обращению с любым оружием, в том числе и огнестрельным, но только при наличии учителя.

Существует несколько кланов нео, при этом их представители внешне почти ничем не отличаются друг от друга.

Слюна нео – хорошее средство от ожогов.

Носитель

Результат научных опытов с домашним скотом и калифорнийскими червями на экспериментальной ферме в деревне Новошепеличи. Описание мутанта из романа Дмитрия Силлова «Закон

“дегтярева”»: «Когда-то, наверно, эти куски красно-черной плоти были быками, коровами и овцами. Сейчас же узнать в этих кошмарных тварях мирную мясо-молочно-шерстяную скотину было весьма затруднительно. Теперь это было просто красное, бугристое мясо на мощных ногах, из которого во все стороны торчали белесо-зеленоватые черви толщиной с мою ногу. На каждый мясной носитель приходилось по два десятка червей, которые, похоже, им и управляли. Причем при таком количестве примитивных мозгов на одного носителя свалить его было достаточно сложно – пока ноги не отстрелишь или покауда все гибкие отростки в кашу не перемелешь, мутант будет переть вперед, словно бык на красную тряпку».

Облака

Движущиеся сгустки энергии внутри Купола, напоминающие облака. Нападают на Проводников, высасывая из них все соки и превращая их в живых плотоядных мумий – «дампов Купола».

Олби

Название этого жуткого мутанта происходит от аббревиатуры ОЛБ – «острая лучевая болезнь». Олби – это человек, во время взрыва Четвертого энергоблока оказавшийся на пути мощного потока радиоактивных частиц. Поток изменил собственную структуру биологической материи, и теперь это существо полностью состоит из радиоактивных элементов. Оно способно генерировать направленный поток гамма-квантов, убивающий все живое на своем пути. При его атаке поглощенная доза за секунду составляет более тысячи грэй. Выглядит как медленно движущаяся статуя человека, отлитая из серебристого металла.

Перекасти-поле

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению, что это такое – мутант или движущаяся аномалия. Большой, плотоядный студенистый шар с крайне токсичным желудочным соком, практически мгновенно растворяющим живую плоть. Причем процесс происходит совершенно безболезненно для жертвы, так как в этом желудочном соке содержится мощный анестетик. Если «перекасти-поле», например, подорвать гранатой, то его разорванные части постепенно сползаются

вместе, соединяясь между собой, пока оно полностью не восстановится.

Псионик

Человекообразный мутант, способный ментально управлять живыми существами. Чаще всего для того, чтобы, подавив волю жертвы, полакомиться ее кровью. Часто случается, что двое псиоников развлекаются – устраивают бои между своими жертвами, управляя ими посредством мысленных приказов.

Слизень

Бесформенная субстанция, похожая на громадную амебу. За счет развитых ложноножек быстро передвигается. Настигнув жертву, обволакивает ее и переваривает внутри себя. Пули не причиняют вреда этому мутанту. Однако слизи боятся электричества, которое причиняет им боль, а мощные разряды их убивают.

Снарки

Впервые эти жуткие человекообразные существа упоминаются в поэме Льюиса Кэрролла «Охота на снарка». Возможно, это не просто мутанты, а результаты неудачных генетических экспериментов по созданию суперсолдат. Хотя, может, и обычные вояки, попавшие под аномальные излучения.

Чаще всего у снарков полностью отсутствует кожа на лице, оттого взгляд у них жуткий – из глазниц на тебя просто тупо смотрят круглые шарики глазных яблок, лишенные век. Обнаженные нервы причиняют этим кошмарным порождениям Зоны серьезные страдания, поэтому они стараются прикрыть лицо хоть чем-нибудь – когда нет своей кожи, сойдет любой заменитель. Например, кожа, содранная с лица сталкера, или, на худой конец, прорезиненный капюшон от ОЗК с прогрызенными в нем дырками для глаз. Зона прирастит любой материал к гнилому мясу и уменьшит боль.

В Зоне порой встречаются суперснарки, так называемые буджумы, о которых также написано в поэме Льюиса Кэрролла. Буджумы могут обладать довольно разнообразными формами тела, размерами и способностями. Три разновидности этих суперснарков подробно описаны в романе Дмитрия Силлова «Закон долга».

Спиры

Мутанты из мира Кремля. Созданы до Последней Войны путем искусственного разворота эволюции человека до его далеких обезьяноподобных предков. Предполагаемое боевое использование: диверсионно-разведывательная деятельность. Внешне напоминают разумных лемуров, мохнатых, хвостатых, с большими ушами. Рост около метра или меньше. Умеют очень быстро передвигаться, обладают врожденными навыками маскировки. Многие из спиров обладают навыком так называемого шипения – слабого ментального посыла, способного заставить врага дернуться или споткнуться. Также спiry обладают уникальной способностью проходить сквозь аномалии без вреда для себя и общаться с артефактами.

Сфинкс

Мутант с телом льва и кошмарной мордой, похожей на искаженное ненавистью человеческое лицо. Сфинксы всегда «улыбаются». Вернее, их пасть изнутри растягивают многочисленные зубы, оттого и кажется, что мутант улыбается, глядя на тебя не мигая, словно гипнотизирует. Жуткое зрелище, от которого многие действительно замирают на месте, словно домашние коты, увидевшие удава. На затылке сфинкса расположено второе лицо – маленькое, сморщенное, карикатурно похожее на морду недоношенного вампира. Полезная мутация – обзор на триста шестьдесят градусов – это всегда отлично. Особенно в Зоне, где лишние глаза на затылке никогда не помешают.

Телекинетик

Мутант, передвигающийся с помощью телекинеза. Имеет длинную лысую голову, похожую одновременно и на человеческую, и на лошадиную. Порой встречаются в заброшенных зданиях. Со зрением у них беда, слепые они, но этот недостаток прекрасно компенсируется переразвитыми остальными органами чувств. Шевельнешься – и немедленно тварь швырнет в тебя, ориентируясь по звуку, кусок бетона или ржавый холодильник. Или тебя самого приподнимет да хрястнет об пол так, что мозги по стенам разлетятся.

А потом спокойно высосет из свежего трупа все соки, оставив на грязном полу высохшую мумию, некогда бывшую сталкером.

Удильщик

Мутант, живущий в воде либо в жидкой болотистой грязи. Обитает на дне, а на берег забрасывает «удочки», похожие на гибких, проворных змей. Чувствительные «удочки» пытаются заарканить добычу и утащить на дно, где ее пожирает удильщик.

Фенакодус

Хищная лошадь-мутант с гипертрофированной мускулатурой, лапами с когтями вместо копыт и пастью, полной острых зубов. Обитают как в Чернобыльской Зоне, так и в мире Кремля 2222 (см. романы межавторского литературного проекта Дмитрия Силлова «Кремль 2222»). Существует мнение, что фенакодусы – это не преобразованные Зоной лошади Пржевальского, а мутанты, прорвавшиеся из мира Кремля 2222 в мир Чернобыльской Зоны и там благополучно размножившиеся.

Аномалии

Болтовня

В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» описан случай, когда лаборант Тендер начинает бесконтрольно болтать. Рэдрик Шухарт приводит Тендера в чувство ударом по забралу шлема, при этом лаборант по инерции бьется носом в стекло и замолкает.

В романе Дмитрия Силлова «Никто не уйдет» бесконтрольная болтовня представлена как опасная аномалия. Если человека вовремя не остановить, как Шухарт остановил Тендера, то жертва «болтовни» через некоторое время начинает задыхаться от удушья и вскоре погибает.

Боулинг

Уникальная аномалия в районе затона, представляющая собой два ряда частных гаражей, меж которыми пролегает дорога. Рядом с гаражами валяются груды ржавого металла – раздавленные танками и

бронетехникой зараженные радиацией частные автомобили жителей Припяти, уничтоженные ликвидаторами последствий Чернобыльской аварии.

Аномалия реагирует на тепло. Как только человек или мутант пытается пройти между гаражами, раздавленные автомобили взмывают в воздух и страшными ударами расплющивают добычу.

Бродяга Дик

В романе братьев Стругацких аномалия «Бродяга Дик» описана доктором Пильманом и Ричардом Нунаном во время их беседы. Ричард упоминает о «таинственной возне, которая происходит в развалинах завода», от которой «земля трясется». В свою очередь Пильман говорит о «гипотетическом заводном медвежонке, который бесчинствует в развалинах завода».

В романе Дмитрия Силлова «Никто не уйдет» и рассказе того же автора «Тени Хармонта» шум в развалинах старого завода объясняется вибрациями при открытии порталов между мирами, через которые «мусорщики» прибывают в нашу реальность.

Веселые призраки

«Веселые призраки» – это некая опасная турбуленция, имеющая место в некоторых районах Зоны. В «Пикнике на обочине» братьев Стругацких Рэдрик Шухарт видит, как «над грудой старых досок стоит “веселый призрак” – спокойный, выдохшийся».

В романе Дмитрия Силлова «Никто не уйдет» описана встреча героев с «веселым призраком», находящимся в процессе охоты. Название аномалии объясняется ее свойством менять форму перед атакой, становясь карикатурно похожей на силуэт жертвы. Про этот феномен всякие легенды ходят. Кто-то говорит, что это и вправду призрак предыдущей жертвы аномалии, но, скорее всего, данное явление просто эффект зеркала. Аномалии так удобнее поглощать жертву. Настигла, обволокла, словно в чехол упаковала, – и размазала своими вихрями по прозрачной оболочке. Жуткое зрелище, кстати. Только что стоял человек, трясась, будто от хохота, – и вот уже вместо него кровавый силуэт, контурами напоминающий несчастную жертву.

Вечная лампочка

Электрическая лампочка, встречающаяся в помещениях Зоны. Горит без признаков какого-либо электропитания, часто даже с оборванными проводами. Загорается, лишь когда чувствуют приближение биологического объекта, и гаснет, как только тот удалится на определенное расстояние. Питается жизненной энергией живых существ, и свет – побочный продукт ее обмена веществ. Когда биологический объект проходит под такой лампочкой, она довольно быстро пожирает время его жизни. Взрослая серая крыса, у которой продолжительность жизни около трех лет, под «вечной лампочкой» погибает меньше чем через месяц. Для человека кратковременное нахождение под этими аномалиями практически не опасно, но если кто-то захочет сэкономить на электричестве и ввернет «вечную лампочку» дома в любимый торшер, то год этот кто-то, может, и протянет, но больше – вряд ли.

Вечный костер

Аномалия, порой встречающаяся в Зоне. Никогда не затухающий костер, сложенный преимущественно из костей. Никто не знает, кто и из чьих костей его сложил, но каждый может возле него обогреться и приготовить еду на огне. Но никто не может его потушить или вытащить из него хотя бы одну кость. Даже случайно попавшую в него ветку нельзя трогать. Пытались многие, просто от дури, которую девать некуда. Или от любопытства, что часто одно и то же. Но потом они как-то быстро пропадали в Зоне. Однажды сталкер по прозвищу Водолаз долго глумился над «вечным костром» – и гранаты в него бросал, и водой заливал, и песком засыпал, чуть не тронулся на этой теме. Но потом плюнул и занялся своими делами. И как-то незаметно тоже пропал. А затем кто-то нашел «вечный костер», в котором был череп с четырьмя глазницами – две нормальные, а две крошечные над бровями. У Водолаза их и не видно было почти, так, две складки на лбу, скрывающие эдакие мышиные глазки. Но такого черепа в Зоне больше ни у кого не было. С тех пор эти костры никто не тушит. Если же видят новоиспеченного «пожарника», который «вечный костер» загасить пытается, то просто пристреливают.

Второе внимание

Термин, принадлежащий перу американского писателя Карлоса Кастанеды и обозначающий способность человека видеть истинную картину мира, без шаблонов и стереотипов восприятия, навязанных нам с рождения. Интересно, что способность пребывать и действовать в сфере второго внимания Кастанеда назвал stalkingом (одна из трактовок этого довольно обширного понятия), а людей, практикующих stalking, – stalkерами.

Дьявольская жаровня

«Он не помнил, когда все это кончилось. Понял только, что снова может дышать, что воздух снова стал воздухом, а не раскаленным паром, выжигающим глотку, и сообразил, что надо спешить, что надо как можно скорее убираться из-под этой дьявольской жаровни, пока она снова не опустилась на них».

В романе «Никто не уйдет» Дмитрия Силлова «дьявольская жаровня» есть не что иное, как термоэффект, порождаемый транспортом «мусорщиков», по принципу действия схожим с научной «галошей». Чем ниже опустится их «турбоплатформа», летящая над Зоной в невидимом режиме, тем выше температура под ней от работающих двигателей.

Дымка

Аномалия, по виду напоминающая туман. При контакте с органикой вызывает ее активное разложение, оставляя на теле объекта глубокие, длительно не заживающие язвы.

Жара

Аномалия, похожая на огненный столб. Замаскировавшуюся «жару» можно распознать по иссохшему, растрескавшемуся участку земли, от которого исходит тепло. Живое существо, угодившее в эту аномалию, сгорает практически мгновенно.

Жгучий пух

Опасная для человека субстанция, которую по Зоне «ветром как попало мотает». От вредоносного действия «жгучего пуха» «на сто процентов спасают» научные защитные костюмы. По неизвестным причинам «жгучий пух» не перелетает через условную границу Зоны...

Живой туман

Аномалия в районе заброшенного села Заполье, раскинувшаяся на территории старого кладбища. Представляет собой белесый туман, слишком густой для того, чтоб быть просто обычным атмосферным явлением.

Как только в эту аномалию попадает живое существо, туман поднимает из могил мертвецов. Зомби убивают жертву, кормя ее кровью и плотью аномалию. При этом туман может выпускать плотные ложноножки, которые, обвиваясь вокруг ног добычи, помогают ее обездвиживать.

Зеленка

В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» описано, как Рэдрик Шухарт и Артур Барбридж в течение «двух жутких часов на мокрой макушке плешивого холма» пережидали «поток “зеленки”, обтекавшей холм и исчезающей в овраге».

В романе Дмитрия Силлова «Закон Шухарта» есть подробное описание этой аномалии: «Прямо около заднего колеса “уазика” лежало пятно мха, неестественно зеленого, мохнатенького такого. Для колеса-то ничего, оно “зеленке” без надобности. А вот наступишь на такую пакость, мигом почует живое тепло, схлопнется, наподобие створок дионеи, и не успеешь оглянуться, как она уже вся затекла тебе в сапог или берц. Знал я одного очевидца, он сказал, что совсем не больно, когда “зеленка” твою ногу переваривает. Больно себе конечность экстренно отпиливать, пока эта пакость, нажравшись, не увеличилась в размерах и не стала подниматься выше. Минут десять у тебя точно есть, говорил мне тот инвалид на деревянном протезе. Он вот уложился, потому что хороший нож с собой таскал, с пилой на обухе, которой кость и перепилил. Другим везло меньше. “Зеленка”-то еще и ползать умеет. Иной раз к сталкерской стоянке подтечет ручейком незаметным, да и переварит всех, пока сонные. Никто и не пикнет, потому что боли нет, так и растворяются люди заживо, не проснувшись. Глядишь, костер еще не догорел, а в сторону от лагеря медленно и печально течет целый зеленый поток, тенечек ищет, чтоб залечь на пару дней, словно сытый удав. Ну, а потом, сдувшись в объемах и проголодавшись, аномалия снова на охоту выползает».

Золотые шары

Летающие аномалии размером с человеческую голову, порожденные «золотым коридором», соединяющим все четыре энергоблока ЧАЭС. Похожи на золотые шары, опутанные электрическими разрядами.

Изумрудный мох

Мох, умеющий медленно ползать в поисках пищи.

Комариная плешь

(научное название «гравиконцентрат»)

Области повышенной гравитации. В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» описан попавший в «комариную плешь» вертолет, фюзеляж которого расплющило в жестяной блин. Также Рэдрик Шухартом в Зоне «обнаружилась ровная, как зеркало, “комариная плешь”, многохвостая, будто морская звезда... а в центре ее – расплющенная в тень птица».

Кротовая нора, или кротовина

Дыра в пространстве, посредством которой можно переместить тот или иной объект из одного места в другое или даже через время перебросить, в прошлое либо в будущее. Представляет собой полупрозрачную область круглой или овальной формы около двух метров в диаметре, эдакий сгусток неведомой энергии, повисший в нескольких сантиметрах над землей. Выдает «кротовую нору» лишь незначительное локальное искажение реальности, эдакое дрожание пространства, словно горячий воздух в полдень над железной крышей. Этим она визуальна похожа на «слепой гром». Отличие лишь в размерах аномалий («слепой гром» меньше размерами раза в два-три) и в четкости границ (у «кротовой норы» границы более четкие, «слепой гром» более размыт в пространстве). Обладает способностью зеркально отражать от себя быстро летящие тела, например пули.

Бывают «кротовины» простые, как тоннель, – вошел в одном месте, вышел в другом. Бывают сложные: представил себе, в какую точку прошлого ты решил перебраться, хорошо так представил, конкретно, – и да, действительно переходишь. Или застреваешь

намертво в безвременье, если представил плохо или «кротовая нора» просто не захотела с тобой возиться.

Лужа

Аномалия, с виду похожая на обычную лужу. Растворяет все – плоть, одежду, металлы, почему-то оставляя кости нетронутыми. Растворение плоти происходит абсолютно безболезненно – живой человек, наступив в «лужу», может и не заметить, что у него уже нет мяса на стопе, до тех пор, пока не упадет.

Мертвая трясина

«Трясина под ногами чавкала и воняла. Это была мертвая трясина – ни мошкары, ни лягушек, даже лозняк здесь высох и сгнил».

В романе Дмитрия Силлова «Никто не уйдет» упоминается, что аномалия «мертвая трясина» хороша тем, что на ней никаких других аномалий не бывает, можно по ней идти без промеров, правда, рискуя при этом утонуть или завязнуть в грязи.

Мочало

«Антенны... обросли какими-то волосами наподобие мочала... нигде такого больше нет, только в Чумном квартале и только на антеннах. В прошлом году догадались: спустили с вертолета якорь на стальном тросе, зацепили одну мочалку. Только он потянул – вдруг “пш-ш-ш”! Смотрим – от антенны дым, от якоря дым, и сам трос уже дымится, да не просто дымится, а с ядовитым таким шипением, вроде как гремучая змея. Ну, пилот, даром что лейтенант, быстро сообразил, что к чему, трос выбросил и сам деру дал... Вон он, этот трос, висит, до самой земли почти свисает и весь “мочалом” оброс...»

Мясорубка

Одна из самых опасных аномалий Зоны. Рэдрик Шухарт отмечает, что «здесь все можно пройти, кроме “мясорубки”». В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» описано, что «“мясорубка”, которая уничтожила добычу, на некоторое время становится неопасной, хотя это правило не абсолютное – “мясорубки” бывают с фокусами».

Действие аномалии описывается так: «прозрачная пустота, притаившаяся в тени ковша экскаватора, схватила его, вздернула в воздух и медленно, с натугой скрутила, как хозяйки скручивают белье,

выжимая воду». После умерщвления жертвы на земле остается черная клякса, также Шухарт видит, как неподалеку от аномалии «с грубых выступов откоса свисали черные скрученные сосульки, похожие на толстые витые свечи».

Также в «Пикнике на обочине» описан страшно изуродованный сталкер-инвалид, работающий у Стервятника Барбриджа. «Красавчик, звали его Диксон, а теперь его зовут Суслик. Единственный сталкер, который попал в “мясорубку” и все-таки выжил».

Огненная звезда

Редко встречающаяся летающая аномалия, поражающая движущиеся объекты.

Огненный мох

Мох, умеющий приспосабливаться к любым условиям и порой покрывающий значительные площади. Большие скопления «огненного мха» способны к самостоятельной охоте, выбрасывая ложноножки, которые захватывают жертву. После этого добыча затягивается на замшелую территорию, где «огненный мох» обволакивает ее полностью и высасывает все соки.

Петля

Аномалия, в которой время течет по замкнутому кругу. Люди и животные, попавшие в «петлю», переживают одно и то же событие бесконечно. Обычно накрывает небольшие участки пространства, не более двадцати-тридцати метров в диаметре, но изредка встречаются и довольно крупные «петли». Интересная особенность: иногда аномалия исчезает, и тогда проходящие мимо люди видят лишь высохшие трупы или кости тех, кто в реальном времени давно умер, попав в эту страшную аномалию.

Подземный разряд

В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» описан случай, как при использовании миноискателей в Зоне «два сталкера подряд за несколько дней погибли... убитые подземными разрядами».

В романе Дмитрия Силлова «Никто не уйдет» уточняется, что если «подземный разряд» не убивает, а только калечит человека, то

ожоговый сепсис развивается почти мгновенно и спасти инвалида практически нереально.

Роженица

Аномалия, воскрешающая мертвецов. Вреда от нее никакого, и не проявляет она себя никак, пока в нее не попадет труп человека или мутанта. Из человека получается зомби, а из мутанта – мутант в квадрате. Такого убить можно, только если мозг напрочь из гранатомета разнести, чтоб даже кусочка в черепе не осталось. Или голову отрезать. Многие раненые мутанты «роженицу» чуют и ползут в нее подышать, чтобы снова возродиться в виде мутанта-зомби.

Серебристая паутина

Переплетение серебристых нитей, похожее на паутину в лесу на деревьях. Легко рвется «со слабым таким сухим треском, словно обыкновенная паутина лопается, но, конечно, погромче».

В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» описана отсроченная смерть доктора Кирилла Панова от разрыва сердца после соприкосновения с данным артефактом.

В романе «Закон Шухарта» Дмитрия Силлова «серебристая паутина», весьма ценяемая профессиональными убийцами на Большой земле, описана подробно:

«В отличие от других смертельно опасных сюрпризов Зоны “серебристая паутина”, можно сказать, весьма гуманна. Тихо-мирно сидел себе человек, выпивал, скажем, в баре после удачного похода, и вдруг – раз, и упал со счастливой улыбкой на лице. И никаких на нем видимых следов, только где-нибудь на сапоге клочок “серебристой паутины” прилепился.

Если тот клочок заметят, то труп просто вытащат баграми на свежий воздух, обольют бензином и сожгут от греха подальше. Если не заметят, могут свезти в морг, где патологоанатом вскрыет труп и констатирует атипичный разрыв абсолютно здорового сердца. Причем не банальное нарушение целостности его стенок, а реальное превращение в лохмотья жизненно важного органа, обеспечивающего ток крови по сосудам.

Счастливики-очевидцы рассказывали, мол, такое впечатление, будто внутри него взрывпакет бабахнул. Кстати, счастливики они

потому, что не многие выживали после того, как потрогали труп погибшего от “серебристой паутины”. Правда, там эффект всегда отсроченный был, наверно, вдали от места своего обитания дьявольские серебристые нити частично теряли силу. Чаще дня через два-три погибали те, кто мертвеца трогал. У кого-то печень взрывалась, у других почки или легкие. Реже инсульты обширные были, да такие, что у людей кровь из глаз на полметра брызгала. Так что в Зоне очень внимательно относились к пьяницам, имевшим привычку нажираться до положения риз. Обычно таких оставляли на полу в луже собственной блевотины до тех пор, пока алкаш не начинал подавать признаки жизни. Тогда и огребал он по полной, на пинках из бара выкатывался, чтоб впредь неповадно было народ пугать. Потому-то в Зоне запойный народ редко встречается, бережет почки, которые за немереное пьянство и без “серебристой паутины” берцами да сапогами порвать могут».

Слепой гром

В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» об этой аномалии рассказывается следующее:

«А вот в тех трех кварталах люди слепли... Между прочим, рассказывают, что ослепли они будто бы не от вспышки какой-нибудь там, хотя вспышки, говорят, тоже были, а ослепли они от сильного грохота. Загремело, говорят, с такой силой, что сразу ослепли. Доктора им: да не может этого быть, вспомните хорошенько! Нет, стоят на своем: сильнейший гром, от которого и ослепли. И при этом никто, кроме них, грома не слышал...»

В романе Дмитрия Силлова «Никто не уйдет» герой встречается с аномалией «слепой гром», по действию аналогичной явлению, описанному в «Пикнике на обочине». Аномалия напоминает некое дрожание, словно горячий воздух в полдень над железной крышей, которое также описано в романе братьев Стругацких.

Спутник

Артефакт, по виду напоминающий светящийся шар. Если носить его с собой, увеличивает выносливость и скорость бега. Однако в случае, если рядом находятся источники электричества, может быть смертельно опасным — электричество высвобождает энергию

«спутника» в виде молнии, часто убивающей того, кто носит артефакт при себе.

Струна

Аномалия, располагающаяся обычно сбоку от захваченного ею дерева. Отрезает «невкусную» для нее голову проходящим мимо живым существам, после чего отравленным древесным соком растворяет обезглавленный труп и получившуюся питательную кашу всасывает корнями.

Тени

Безопасное для человека явление, наблюдаемое в Зоне. «Не понравилась мне эта покрывка. Тень от нее какая-то ненормальная. Солнце нам в спину, а тень к нам протянулась».

В рассказе Дмитрия Силлова «Тени Хармонта» высказывается предположение, что аномальное расположение теней вызвано близостью порталов между мирами, искажающих окружающее пространство.

Тормоз

Небольшая часть пространства, в которой замедлено течение времени. Бывают слабые «тормоза», из которых можно постепенно выбраться. Бывают сильные, попав в который человек, животное или мутант застывают навечно в области остановившегося времени.

Чертова капуста

Аномалия, плюющаяся в человека чем-то опасным. От плевков «чертовой капусты» спасают научные спецкостюмы.

В романах Дмитрия Силлова описана как шар около метра в диаметре, действительно похожий на капусту, словно слепленный из пластов прессованного черного тумана. Аномалия относительно спокойная, если ее не трогать. Если тронуть, плюнет струей ядовито-зеленой слизи, вылетающей под сильнейшим давлением и мгновенно прожигающей одежду, кожу и мясо. Когда «чертова капуста» голодна, может маскироваться, зарываясь в землю и поджидая таким образом добычу. К счастью, голодной эта аномалия бывает редко, так как после удачной охоты очень долго переваривает добычу. В это время она практически не опасна.

Электрод

Аномалия электрической природы. Визуально определяется как пучок молний. Охотясь либо обороняясь, бьет жертву мощным электрическим разрядом, удар которого почти всегда смертелен. Отличается характерным потрескиванием, а также слабым запахом озона, который распространяет вокруг себя.

Хабар (артефакты)

В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» причина появления и настоящее предназначение артефактов не раскрывается, многие артефакты лишь упоминаются без дальнейшего описания.

В романе Дмитрия Силлова «Никто не уйдет» высказывается предположение, что артефакты – это отходы производства более высокотехнологичной цивилизации. Их, проходя сквозь искусственные порталы, сбрасывают «мусорщики», пришельцы из иного мира. Так называемое Посещение было не чем иным, как созданием на Земле мусорных свалок для этих отходов, которые люди называли Зонами.

Автоген

Артефакт, за считанные секунды расплавляющий любой твердый материал, кроме полимеров. Правда, если работать «автогеном» даже короткое время, держа его голый рукой, то рука потом за сутки высохнет как минимум до локтя, будет как обугленная веточка – отломи да выбрось. Или же человек сам к вечеру полностью в мумию превратится, если минут пять поработает. «Автоген» при взаимодействии с металлом потребляет огромное количество энергии, поэтому знающие сталкеры присоединяют его к автомобильному аккумулятору. Ну, или, на худой конец, «отмычку» посылают двери вскрывать. Потому «автоген» на Большой земле очень ценится криминальными элементами. И сейф вскрыт, и с напарником, который его распаковывал, делиться не надо...

Адреналин

Артефакт, представляющий собой небольшой красный камешек. Если приложить его к голове, наполняет человека безудержной энергией, а потом, если передержать немного, надеясь подзарядиться побольше, через некоторое время дарит такой отходняк, что жить не хочется, хоть реально в петлю лезь. К тому же действие этого прилива сил непродолжительное, потому и цена «адреналина» невелика – сталкерам проще для настроения стакан спирта дернуть, чем рисковать потерять сутки, валяясь в жестокой ломке.

Алмаз

Артефакт-вампир кристаллической структуры. Насосавшись крови, в процессе ее переваривания прожигает любые твердые поверхности.

Батарейка (научное название: «этак»)

Часто встречающийся артефакт. В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» описан как «вечный аккумулятор», имеющий форму «черной круглой палочки». «Этаки» имеют свойство размножаться делением. Применяются в военной промышленности, а также в автомобилестроении.

Браслет

Широко распространенный, часто встречающийся в Зоне артефакт, стимулирующий жизненные процессы человека. В романе братьев Стругацких «браслет» носит Ричард Нунан.

Булавка

Распространенный, часто встречающийся артефакт. При электрическом свете отливает синевой. Делятся на «молчащие» и «говорящие» (более ценные). Простой метод проверки «булавки» – поместить ее между пальцами и нажать. «Он нажал посильнее, рискуя уколоться, и “булавка” заговорила: слабые красноватые вспышки пробежали по ней и вдруг сменились более редкими зелеными». В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» утверждается, что и «молчащие» «булавки» должны «разговаривать», но для этого пальцев мало, нужна специальная машина величиной со стол.

Бурдюк

Артефакт Четвертого мира. Восстановитель сил, здоровья, психики: кому чего не хватает, то и восстанавливает в организме. Зарождается в мусорных кучах Четвертого мира, которые готовятся начать жить своей жизнью. Оторванные от матрицы, живут недолго, умирают примерно через час, становясь бесполезными.

Ведьмин студень

(научное название: «коллоидный газ»)

В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» данный артефакт описывается следующим образом: «ночью, когда проползаешь мимо, очень хорошо видно, как внутри там светится, словно спирт горит, язычками такими голубоватыми. Это “ведьмин студень” из подвалов дышит». Скапливается в ямах, из которых имеет свойство выплескиваться. Также описан эффект от попадания человека в «студень» – плоть и кости размягчаются, «нога была как резиновая палка, ее можно было узлом завязать».

Помимо этого, в романе рассказывается о катастрофе в Карригановских лабораториях (вероятно, имеется в виду город Корриган, штат Техас). Тамошние ученые «поместили фарфоровый контейнер со “студнем” в специальную камеру, предельно изолированную... То есть это они думали, что камера предельно изолирована, но когда они открыли контейнер манипуляторами, “студень” пошел через металл и пластик, как вода через промокашку, вырвался наружу, и все, с чем он соприкасался, превращалось опять же в “студень”. Погибло тридцать пять человек, больше ста изувечено, а все здание лаборатории приведено в полную негодность... теперь “студень” стек в подвалы и нижние этажи».

Веретено

Артефакт причудливой формы, возникающий в местах повышенной гравитационной активности. Эта своеобразная «губка», нейтрализующая радиоактивное излучение, встречается достаточно редко и стоит немало.

Однако торговцы в Зоне нашли «веретену» еще более выгодное применение. Размолот артефакт до мельчайших крупинок, барыги продают их сталкерам, которые мигом расхватывают дефицитный товар. Ведь если положить крупинку «веретена» во флягу, то можно

наполнять ее из любой радиоактивной лужи. Через несколько минут жидкая грязь превращается в кристально чистую воду. Правда, поговаривали, что если пить ее постоянно, через некоторое время сам очистишься от всего человеческого и превратишься в морального уродца, которому наплевать на всех, кроме себя. Но это в Зоне мало кого пугает – тут и так почти все такие, за редчайшим исключением.

Второе сердце

Чрезвычайно редкий артефакт, так называемый уник (от слова «уникальный»). Встречается внутри крупных «электродов», рядом с их «сердцем» – центром аномалии. Представляет собой золотой шарик с яркими цветными пульсирующими нитями, пронизывающими его поверхность. При извлечении из «электрода» золотой цвет и нити пропадают. Тем не менее артефакт сохраняет свое уникальное свойство. А именно: если это «второе сердце» аномалии человек разобьет, например, молотком, раздробит рукояткой пистолета или разрежет ножом, то тот молоток, пистолет или нож оператор сам сможет наделить любым свойством, которым пожелает. Только нужно очень сильно хотеть, иначе ничего не выйдет. Например, в романе «Закон клыка» Снайпер с помощью «второго сердца» починил свой нож «Бритву», вернув ножу свойство вскрывать границы между мирами.

При уничтожении «второго сердца» возможны различные побочные эффекты. Например, когда Снайпер чинил «Бритву», из разрезанных половинок артефакта возникла «кротовая нора» – портал, переносящий оператора в любую временную точку его прошлой жизни либо просто через пространство.

Газированная глина

В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» описана как некий артефакт или субстанция, находящаяся в банке.

В романе Дмитрия Силлова «Закон Шухарта» предположительно яд зеленоватого цвета, нанесенный на метательные ножи.

Глаз выброса

Редкий артефакт с золотистым «зрачком» внутри, который иногда находят в Зоне после выброса. Похож на красный глаз, отчего и

получил свое название. Известные свойства: а) порошок из размельченного «глаза выброса» восстанавливает поврежденные ткани до их оптимального состояния. К сожалению, эффект нестабилен. Через сутки ткани возвращаются в первоначальное состояние; б) является источником колоссальной энергии.

Глаз тьмы

Черный артефакт круглой формы. Обладает свойством завораживать биологические объекты, притягивать к себе. После того, как объект дотронется до него, он превращается в обездвиженную мясную статую. Полезные свойства «глаза тьмы» пока не выявлены, но они наверняка есть, как и у любого артефакта Зоны. И потому стоит он очень дорого. Неразгаданная тайна всегда в цене. Вдруг в нем скрыта вся власть над этим миром или над всеми вселенными Розы Миров?

Гниль

Недешевый одноразовый артефакт. Открывает кратковременный портал в одну сторону, нужно только хорошо представить, куда тебе надо. Правда, «гниль» может промахнуться на километр-другой. После активации прыгать в нее надо быстро, иначе схлопнется, да и перекусит пополам. Активируется от сильного удара о твердую поверхность, например об пол, от чего лопается, выплескивая из себя сноп ярчайшего света, похожий на шаровую молнию около полутора метров в диаметре, который и является порталом.

Дочкино ожерелье

Уникальный артефакт, созданный Монументом из «тещиного кольца». Одна из подтвержденных способностей – выводит из комы безнадежных больных, которых не удалось вылечить иными способами.

Живая вода

Артефакт, похожий на большую каплю воды. Обладает способностью ускорять восстановление после ранений.

Золотой шар, или Машина желаний, или Зеркало миров

Редчайший артефакт. «Он был не золотой, он был скорее медный, красноватый, совершенно гладкий, и он мутно отсвечивал на солнце.

Он лежал под дальней стеной карьера, уютно устроившись среди куч слежавшейся породы, и даже отсюда было видно, какой он массивный и как тяжело придавил он свое ложе».

Согласно сталкерской легенде, данный артефакт способен выполнять желания человека, но далеко не все. «“Золотой шар” только сокровенные желания выполняет, только такие, что если не исполнится, то хоть в петлю!»

Согласно различным романам серии «СТАЛКЕР», данный артефакт может существовать в различных Зонах в форме кристалла, светящегося изнутри.

Зрачок

Артефакт, похожий на расширенный зрачок с белой окантовкой. Ускоряет регенерацию поврежденных тканей организма, однако при этом может одновременно нанести вред, так как радиоактивен.

Зуда

Судя по тому, что Шухарт носит данный артефакт в часовом карманчике, можно сделать вывод, что «зуда» очень небольшая по размерам. Активация происходит посредством нескольких сжатий «зуды» между пальцами. Радиус действия в пределах городского квартала. Эффект: «кто в меланхолию впал, кто в дикое буйство, кто от страха не знает куда деваться». У Рэда Шухарта от действия активированной «зуды» идет носом кровь.

Кольцо

Название этому ранее неизвестному артефакту в романе братьев Стругацких дает Хрипатый Хью. С виду белый обруч. Костлявый Фил надевает его на палец, раскручивает, и «кольцо» продолжает вращаться не останавливаясь. Хрипатый Хью расценивает этот феномен как «перпетуум мобиле» («вечный двигатель»). Бывает разных размеров. Будучи поврежденным, взрывается, выжигая все вокруг себя. Диаметр зоны, поражаемой взрывом, зависит от размера «кольца».

Кровь затона

Уникальнейший артефакт, который Снайпер вынес из затона. Обладает многими свойствами других артефактов, а именно:

- сам выбирает себе хозяина. При этом лишь хозяин может безопасно брать его в руки, других «кровь затона» уничтожает – человек раздувается и лопаются;
- останавливает пули, летящие в хозяина;
- разгоняет красный туман затона;
- вылечивает смертельные раны наподобие «синей панацеи», только со стопроцентным положительным эффектом;
- пробивает пространство, вырезая в нем «кротовые норы», которые позволяют хозяину артефакта мгновенно перемещаться из одной точки в другую.

При этом артефакт потребляет очень много энергии, заряжается в местах с высоким радиационным фоном. Однако в случае фатального недостатка энергии может питаться кровью.

Есть предположение, что все свойства артефакта еще не до конца известны.

Муха

Артефакт, похожий на крупную муху. При сильном ударе об твердый предмет взрывается, образуя белую вспышку. При этом взрыв обладает колоссальной разрушительной мощностью.

Огонь

Артефакт, похожий на сгусток огненных языков. Ускоряет регенерацию поврежденных тканей организма, однако при этом может одновременно нанести вред, так как радиоактивен.

Пластырь

С виду похож на свернутый светло-синий бинт. Развернутый артефакт нельзя долго держать в руках, потому что он начнет искать. Тонкие, почти невидимые нити вылезут из него и начнут шарить в поисках хоть малейшей ранки. Не найдут – полезут под ногти, оторвут их, проникнут глубже, начнут отрывать мясо от костей...

Если не поторопиться, эффект от «пластыря» будет кошмарный, с живой плотью он не церемонится. В результате на земле остается лежать совершенно чистый скелет на багрово-красном плаще из собственной разорванной плоти.

Используется совершенно беспринципными сталкерами для лечения глубоких ран. При этом рану нужно плотно забить чужим горячим мясом, срезанным с живого человека, и сверху залепить «пластырем».

Бинтовать «пластырем» надо быстро, иначе руки, прижимающие артефакт к ране, могут прилипнуть к ней намертво, станут с нею одним целым, прорастут кровеносными сосудами. И если резануть ножом, отделяя одного человека от другого, кровяща фонтаном хлынет из обоих, а следом от места разреза и выше плоть начнет чернеть и разлагаться на глазах.

Исцеление от «пластыря» наступает не всегда. Но если наступает, то артефакт срастается с чужим мясом внутри раны, проникает в него, превращает в живую плоть – и сам растворяется в ней без остатка, в результате чего глубокое ранение исчезает на глазах.

Настоящие сталкеры считают лечение «пластырем» мерзким занятием и не подбирают этот артефакт, когда находят в Зоне. Если же обнаруживают его в чьей-то аптечке, то хозяина такого хабара немедленно убивают.

Проводник

Уникальный артефакт, за всю историю Зоны его находили только два раза. То ли показывает, то ли сам прокладывает разрывы в аномальных полях. Помимо этого, «проводник» не только меж аномалий нужную тропку укажет, но и в памяти человеческой необходимые воспоминания отыскать поможет, если возникнет такая необходимость.

Пустышка

(научные названия: «объект 77-Б», «магнитная ловушка»)

Стандартная «пустышка» представляет собой «два медных диска с чайное блюдце, миллиметров пять толщиной, и расстояние между дисками миллиметров четыреста, и, кроме этого расстояния, ничего между ними нет». Вес стандартного артефакта 6,5 килограмма, хотя в романе упоминаются и «малые пустышки», которые свободно переносятся в портфеле вместе с другими артефактами. То, что «пустышка» является «магнитной ловушкой», доказано Кириллом

Пановым. Однако остается неясным, «где источник такого мощного магнитного поля, в чем причина его сверхустойчивости».

Делятся на «пустые» (широко распространенные) и «полные» (редчайшие), в которых «синяя начинка между медными дисками туманно так переливается, струйчато».

В романе Дмитрия Силлова «Никто не уйдет» стандартная «полная пустышка» является топливным контейнером для транспорта «мусорщиков», разбрасывающих по Зоне артефакты. «Малые пустышки» представляют собой магазины для «смерть-ламп», оружия «мусорщиков».

В романе того же автора «Закон Шухарта» в пустую магнитную ловушку для сохранности помещен артефакт «шевелиющийся магнит».

Пустяк

Так в Зоне называют яркие артефакты, которые с виду – редчайшие «уники», которые должны обладать колоссальной мощностью... но на деле толку от них совершенно никакого. Нет в них удивительной аномальной силы, и максимум, на что годится «пустяк», так это подвесить его в виде украшения на новогоднюю елку. Сами по себе эти артефакты тоже уникальные, крайне редко встречающиеся, и их покупают коллекционеры на Большой земле за эффектный внешний вид и безопасность. Но поскольку подделок под «пустяки» существует дикое множество, цена на них очень невелика. Поди пойми, реально ли его из Зоны вынесли, или же сварганили в китайской подворотне из дешевого стекла.

Рюкзак

Иногда здоровые и полные сил сталкеры умирают около костров без видимой причины. Это еще один из необъяснимых феноменов Зоны. Тело такого мертвеца безопасно. В зомби не превращается, псионик не может им управлять. Не разлагается и не представляет интереса в качестве пищи для мутантов. Практически не имеет собственного веса. Неодушевленные предметы, находящиеся с ним в непосредственном контакте, также теряют вес. Вследствие чего в экстренных случаях данный труп может быть использован в качестве контейнера для переноски тяжестей. Однако в силу моральных причин подобное использование мертвых тел не одобряется членами

практически всех группировок, вследствие чего данный феномен не может быть отнесен к артефактам, имеющим материальную ценность. Горюч. Рекомендуемая утилизация – сожжение.

Сердце огня

Артефакт, обладающий способностью очень долго гореть, выдавая при этом температуру более 2000 градусов. Изредка используется сталкерами как компактное топливо для костров. Относится к категории «уников» – крайне редко встречающихся артефактов.

Синяя панацея

В «Пикнике на обочине» братьев Стругацких лишь упоминается без дополнительного описания.

В романах Дмитрия Силлова «Закон Шухарта» и «Никто не уйдет» описана как кристалл, похожий на обледеневшую кувшинку, внутри которого, словно живое, беснуется ярко-синее пламя. Способна излечить любое заболевание, в том числе спасти человека после смертельного ранения. Чем сильнее проблемы у больного, тем ярче горит «синяя панацея» внутри его тела. И тем выше вероятность того, что следующего пациента она не вылечит, а выжрет изнутри без остатка. После этого незадачливого кандидата на чудотворное исцеление можно сеном набивать и в угол ставить для красоты. Пустой он внутри, как барабан, нету ничего. Ни костей, ни клочка мяса. Одна шкура задубевшая, как новая кирза, и глаза остекленевшие, синим светом слегка поблескивающие изнутри.

После излечения пациента «синяя панацея» перестает светиться на некоторое время, заряжаясь для следующего чудотворного сеанса. Когда артефакт вылезает из раны, прикасаться к нему не рекомендуется. Может наброситься и начать внедряться в кисть неосторожного исследователя. И тогда только один выход – отрубить руку или отстрелить ее, пока «синяя панацея» не пролезла дальше, влегкую перемалывая плоть и кости, словно титановая мясорубка. После лечения «панацея» опасна только до тех пор, пока полностью не вылезет наружу. Потом она стремительно каменеет.

Смерть-лампа

В романе братьев Стругацких «Пикник на обочине» «смерть-лампа» описывается следующим образом: «Восемь лет назад, – скучным голосом затянул Нунан, – сталкер по имени Стефан Норман и по кличке Очкарик вынес из Зоны некое устройство, представляющее собою, насколько можно судить, нечто вроде системы излучателей, смертоносно действующих на земные организмы. Упомянутый Очкарик торговал этот агрегат Институту. В цене они не сошлись, Очкарик ушел в Зону и не вернулся. Где находится агрегат в настоящее время – неизвестно. В Институте до сих пор рвут на себе волосы. Известный вам Хью из “Метрополя” предлагал за этот агрегат любую сумму, какая уместится на листке чековой книжки».

В романах Дмитрия Силлова «смерть-лампа» является личным оружием «мусорщиков», пришельцев из иного мира, занимающихся разбрасыванием артефактов по земным Зонам. «Малые пустышки» представляют собой магазины для «смерть-ламп».

Сучья погремушка

В «Пикнике на обочине» братьев Стругацких лишь упоминается без дополнительного описания.

В романе Дмитрия Силлова «Закон Шухарта» описана как редчайший артефакт. Обладает свойством на некоторое время порождать в головах всех других существ, находящихся в зоне видимости, необходимые оператору образы – например, в романе «Закон Шухарта» солдаты принимают Шухарта за своего начальника, полковника Квотерблада. Одноразовый артефакт, начинает действовать сразу же после активации, активизируется так же, как и «зуда», посредством сжатия между пальцами.

Помимо основного свойства, обладает двумя неприятными побочными эффектами, из-за которых ее и прозвали «сучьей»:

а) в активном состоянии может начать сильно греметь, если ее хозяин по неосторожности сделает резкое движение;

б) по внешнему виду «погремушки» невозможно узнать, использовали ее ранее или нет, – и рабочая «погремушка», и отработанная выглядят одинаково. То есть покупатель вполне может отдать довольно большие деньги за бесполезный артефакт.

Тещино кольцо

Артефакт, довольно часто встречающийся в Зоне. Ускоряет процессы регенерации в организме, обладает слабой радиоактивностью.

Ускоритель

Редко встречающийся артефакт алого цвета, светящийся изнутри. Обладает способностью ускорять движения того, кто носит его на своем теле.

Чернобыльская бодяга

Ученые, изучающие Зону, до сих пор спорят – растение это или артефакт. Похожа на мягкий, склизкий на ощупь мясистый и пористый ломоть не очень свежей говяжьей печени. Имеет лапы и неярко выраженную голову в виде нароста. Бегаёт довольно быстро. А иногда, если сталкер хилый или больной, может и за ним побегать. Прыгнет на затылок, присосется и начинает пить кровь, пока от человека высохшая мумия не останется.

Сталкеры используют «чернобыльскую бодягу» в качестве средства от ушибов и кровоподтеков. Отрубив голову и лапы, прикладывают ее к больному месту, после чего излечение занимает несколько часов. При этом с отрубленной головой и конечностями «бодяга» довольно долго остается свежей и сохраняет свои целебные свойства.

Черные брызги (научное название: «объект К-23»)

Описание артефакта из романа братьев Стругацких «Пикник на обочине»: «Если пустить луч света в такой шарик, то свет выйдет из него с задержкой, причем эта задержка зависит от веса шарика, от размера, еще от некоторых параметров, и частота выходящего света всегда меньше частоты входящего... Есть безумная идея, будто эти ваши “черные брызги” – суть гигантские области пространства, обладающего иными свойствами, нежели наше, и принявшего такую свернутую форму под воздействием нашего пространства...»

На практике «черные брызги» используются в ювелирных украшениях. В романе «Пикник на обочине» упоминается «ожерелье из крупных “черных брызг”, оправленных в серебро».

Шевелящийся магнит

В «Пикнике на обочине» братьев Стругацких лишь упоминается без дополнительного описания.

В романе Дмитрия Силлова «Закон Шухарта» описан как артефакт, способный провоцировать мгновенные неконтролируемые мутации живых организмов.

Щит

Редчайший артефакт, мгновенно реагирующий на быстролетающие предметы. Если носить его на груди, то он способен за пару метров остановить пулю или даже артиллерийский снаряд, который летит в тебя. Недостатками «щита» являются высокая радиоактивность и одноразовость – после срабатывания артефакт разрушается, отдав всю свою энергию.

Об авторе

Дмитрий Олегович Силлов – современный российский писатель, инструктор по бодибилдингу и рукопашному бою, автор многих произведений о самообороне, боевых и охотничьих ножах, а также более сорока романов, написанных в жанре боевой фантастики.

Родился в семье военного. Окончив школу, служил в десантных войсках. После увольнения в запас, получив медицинское образование, активно занимался единоборствами, бодибилдингом, психологией, изучал восточную философию и культуру, историю военного искусства. Несколько лет работал начальником службы безопасности некоторых известных лиц, после – инструктором по рукопашному бою и бодибилдингу.

Дмитрий Силлов является автором популярной системы самообороны «Реальный уличный бой», лауреатом Российской национальной литературной премии «Рукопись года», а также создателем популярных литературных циклов «Снайпер», «Кремль 2222», «Гаджет» и «Роза Миров», публикуемых издательством АСТ.

Личный сайт Дмитрия Силлова – www.sillov.ru

Дмитрий Силлов «ВКонтакте» – <https://vk.com/sillov>

notes

Примечания

Страна Токоё – «страна вечного мира». Мир смерти, в представлениях древних японцев находящийся далеко за морем.

События, о которых говорит Андрей Макаренко, описаны в романе Дмитрия Силлова «Закон Фукусимы» литературной серии «СТАЛКЕР».

Ками (яп.) – души людей и предметов, способные к автономному существованию вне тела и обладающие собственным разумом. По представлениям японцев не тело имеет душу, а душа управляет приданным ей телом.

Об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон лесника» литературной серии «СТАЛКЕР».

События романа Дмитрия Силлова «Закон Кремля» литературной серии «Снайпер».

О приключениях Снайпера во время Второй мировой войны можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон войны» литературной серии «Снайпер».